

Александр Гриневский

Аргиш

Повесть

Часть I. Туда...

День первый

— Значит, так... Это не то место, не та речка и вообще все не то... — Андрей, стоя на коленях, отогревал над костром замерзшие руки. — И я не представляю, где мы находимся.

Первым среагировал Колька, рывком сдергивая капюшон энцефалитки с накоротко стриженной головы:

— Ни хрена себе! Как это не то место?!

— Коля, стоп! Помолчи!

Колька не мог остановиться. Вскочил, вцепился в ворот свитера, оттягивая, словно тот его душил. Невысокий, кряжистый, он приплясывал от возбуждения:

— Блин, сдохнем ведь здесь!

— Подожди паниковать! — Андрей устало провел ладонью по лицу. — Нервом ничего не поправишь. Случилось то, что уже случилось.

Виталик — ватник нараспашку, живот выпирает, синяя шапочка с помпоном едва держится на затылке — принялся не спеша подкладывать веточки на угли.

— Колька, дай Андрюхе объяснить. Не перебивай.

— Это моя вина, — сказал Андрей. — Ну и стечение обстоятельств... Помните, когда летели? Фронт грозовой этот... Меня командир спросил: «Летим или поворачиваем?» А я откуда знаю? Я ему так и сказал — вам решать. Вот и полетели. А там видимость нулевая... Только один раз внизу какая-то вода мелькнула. Как определишься? Да еще и пилот уверяет — то место, то... Мол, он уже сядил здесь. Мне бы сразу сообразить, как приземлились. По карте должны быть болото и лесок, а не этот камень долбаный! Не сообразил. Туман...

Андрей замолчал.

— Когда понял-то?

— Вчера вечером. Просто не мог для себя сформулировать, а может, поверить не хотел. А утром стало окончательно ясно.

Гриневский Александр Олегович — прозаик. Геолог, преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, автор книг: «Зыбкость» (2008), «Истории с приставкой “гео”» (2012), «Ненужные» (2016). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Колька с разворота пнул камень, подвернувшийся под ногу.

— Бред какой-то! Ну и что делать будем?

— Я обошел озеро. Два ручья втекают, один вытекает. Это шанс. Если спуститься по нему вниз — либо к реке выйдем, либо он сам превратится в речку.

— Большой ручей-то? — спросил Виталик.

— Полметра шириной.

— То есть на лодке не пройдем? — уточнил Виталик.

— Какая лодка! Я ж говорю, воробей вброд перейдет.

— Да-а-а, попадалово! Ну и как теперь? — раздраженно спросил Колька.

— Давайте вместе думать. У нас два варианта. Первый — не двигаемся с места.

Сидим здесь двадцать дней. От нас нет вестей. В лучшем случае родные встревожатся и организуют поиск. Вопрос — когда они встревожатся? И все равно искать-то нас будут на Вонге и начнут, наверное, с низовья. И очень большой вопрос — вспомнит ли кто из летчиков, куда нас выбрасывали? Второй вариант: берем вещи на плечи — и вниз по ручью, авось по нему к реке и выйдем. Ну а дальше — как сложится... Река в любом случае на побережье Белого вынесет — там люди, деревни, связь.

— Конечно, пойдем! Не сидеть же на месте! — крикнул Колька.

Он схватился за ручку котелка, от которого уже валил пар. Обжегся, отдернул, зашипел.

— Иди, конечно, хорошо... — Виталик привстал, подцепил палочкой ручку котелка и стащил его с углей. — Только я от умных людей слышал... если что случится, никогда не покидать место, где оказался, где есть хоть какой-то шанс, что тебя найдут.

— Ага! И сколько ты сидеть собираешься? Месяц? На голом камне? А жратва закончится? Друг друга жрать будем?

— Подожди, Коль, не сгущай краски. Давай поговорим спокойно, — Андрей повернулся к сыну: — Ты что думаешь?

Вадим сидел в стороне от костра. Подмерз. Идти к палатке за ватником — лень. Навалился грудью на колени, сложился худым длинным телом, чтобы не растерять тепло. Безучастно смотрел, как густки тумана пожирают остатки озера. Странное ощущение... Еще недавно было тепло, светило солнце, вертушка резво летела над тайгой, над болотами, интересно, даже немного весело, и... словно занавес закрылся — выключили солнце, синее небо — погасили свет в зале — голый камень, туман, дождь, холод.

Прилетели вчера. Пилоты даже двигатели не заглушили, пока выгружали вещи. Пять минут — и борт ушел, растворился в туманной мути.

Их выбросили на каменистое плато. Сквозь трещины под ногами пробивается жухлая трава. Россыпь мелких каменных обломков. В двадцати метрах — берег озера. Другого берега не видно, теряется в тумане. И вдобавок — не то место!

Вадим неуверенно проговорил:

— Может, костры разжечь? Какие-нибудь вертолеты, самолеты местные будут пролетать. Заметят.

— То есть ты за то, чтобы остаться?

— Нет! Я как все. А сам-то что считаешь надо делать?

— Надо уходить по ручью, — сказал Андрей. — В любом случае уходить. Дров нет. Какие костры, Вадим? Здесь на готовку дров не собрать. И не просидим мы спокойно месяц на одном месте — переругаемся. Идти надо.

— Я же говорю! — Колька похлопал Виталика по плечу. — А ты — сидеть! Помнишь про двух лягушек в молоке?

Виталик молча смахнул его руку.

— Ну что? — спросил Андрей. — Все согласны? Идем?

Никто не ответил.

— Тогда хватит время терять. Пойдем ходками. Километра два прошли, вещи

оставили — и назад за оставшимися. Мы с Колькой двинемся сразу, а вы свернете лагерь и выйдете следом. Первый ручей — тот, что в озеро впадает, — нам не нужен. Идите до второго. Виталик, не перепутай! Не хватало потом друг друга разыскивать.

— Этот может! Он такой! — тут же встрял Колька.

— Кончай подкалывать, — оборвал его Андрей. — Бери лодку на плечи и поперли потихонечку.

Хотелось действия, хотелось скорее сдвинуться с мертвой точки.

Увидев ручей, Колька остановился и присвистнул.

— Да... И ты считаешь, эта сопля может превратиться в речку?

Казалось, что озеро после вчерашнего дождя переполнилось — вот и выплеснулось этим ручейком, который течет неизвестно куда и может исчезнуть, неожиданно нырнув в какую-нибудь трещину.

Ручей бежал по плоскотине, по камню, то разделяясь на мелкие струйки, то собираясь в метровые лужи.

Идти по руслу было легко, главное, не поскользнуться. Если бы не груженные — так просто прогулка.

Каждый шел своим темпом — Колька далеко впереди, Андрей отставал. Наконец Колька сбросил с плеча тую с лодкой, стряхнул рюкзак и лег прямо на камни.

— Все. Давай перекурим, — Колька вытащил мятую пачку. Руки дрожали. — Ну что? Еще немного пройдем или назад?

— Давай назад. Что-то мне за ребят беспокойно.

— Ага. Десять минут отдыха и пойдем. — Колька закрыл глаза, сигарета дымилась в зажатых пальцах. — Главное, чтобы не больше двух ходок. Как думаешь, утащим?

— Сейчас вернемся, и будет ясно.

Ребят встретили на полдороги к лагерю. Первого — Вадима. Шел легко, словно не нес ничего. Молодой, здоровый... только, показалось Андрею, немного напуганный.

— Ну ты как? — спросил Андрей, помогая снять рюкзак.

— Я — ничего. Вот Виталию, кажется, тяжеловато.

Подошел Виталик. Лицо красное, дышит хрипло. Сел, не снимая рюкзака.

— Блин! — Пот вытирает. — Мы же плыть хотели, а не тяжести с места на место перетаскивать!

— Много там осталось?

— Да не очень, но уж больно все неудобное. Ящики с продуктами.

— Тогда... Когда дойдете, лодки из баулов вытряхните, а баулы с собой забирайте. В них будем складывать. Пошли, Коль.

— Дождик находит. Вон всадники дождя поскакали. — Виталик смотрел в небо.

Тучи утянуло выше, уже не давили. Висели ровно, только кое-где из них вырывались узкие размытые сгустки, чем-то напоминавшие столбы дыма, но тянущиеся не вверх, а вниз — к земле.

— Во, какие ты слова знаешь. — Колька остановился. — Я вот ни разу про всадников не слышал.

— Так книжки надо, Коль, читать, книжки. А не только бабло рубить да по Канарам ездить.

— Может, они не к нам скачут? Может, наоборот, от нас... — задумчиво произнес Вадим.

Дождь так и не собрался.

За день сделали три перехода. По Андрюхиной прикидке прошли километров восемь.

Устали, вымотались. Два желания — поесть и спать!

Андрей оставил ребят возиться с ужином, а сам ушел вниз по ручью поглядеть, что ожидает завтра.

Шел налегке.

Сейчас больше всего волновало отсутствие дров для костра. На сегодня хватит — захватили с прошлой стоянки — а вот завтра...

Раз за разом проигрывал в голове сценарий высадки. Где ошибся? Сам ведь перерисовывал карту у геолога — там лес должен быть по берегам реки — сам зеленым закрашивал кальку. И тот еще говорил, что с дровами проблем не будет. Про болото еще что-то говорил... Какое, к черту, болото? Камень сплошной!

Смеялся с тем геологом, который рассказывал случаи из полевой жизни — как, бывало, забрасывали вертолетом группу не в тот район и неделями выбирались к людям. Через силу, но смеялся. Не до смеха было...

За полгода до этого... Проблемы с мочеполовой системой были и раньше — не мальчик, чай. Но чтобы так резко и на ровном месте... Знакомые врачи, бесконечные анализы и обследования. Приговор. Опухоль. Метастазы. Оторопь, неверие, все затапливающий страх. И словно накрыло прозрачным колпаком — один, все остальные снаружи. Они — живут, а я уже нет!

Никому ничего не говорил, не объяснял.

С женой, негодующей от непонимания, развелся буднично, мимоходом. Не хотел жалости, сочувствия, помощи. Быть одному. Все — сам!

Однушку, что осталась от матери, сдал и прочь из Москвы, в снежную глухомань, в забытый богом городок, чтобы не видеть никого, не слышать! Забиться в угол, злиться на всех, завидовать всем, себя жалеть.

Поход этот придумал... С друзьями, со школьными! Бездумно и весело, как в молодости. Сына взять!

Напоследок...

Вот он шанс уйти красиво. Затеряться в тайге или утонуть, проходя пороги. Рисовал, раскрашивал картинки одинокими зимними вечерами.

Сейчас почему-то все отступило, смешалось в радостную кутерьму — ехать, лететь, видеть новое, чувствовать, жить!

Что-то неуловимо менялось. Уклон стал больше — он шел уже не по плоскотине. И берега у ручья более четко выражены. Камни по берегам навалены.

Еще метров двести. Еще ручей! Маленький, хилый. Но соединяются!

И радостью окатило! Улыбнулся первый раз за день — все они правильно делают. Выведет ручей к реке.

Начало смеркаться. Дальше решил не идти, повернул в лагерь.

У чахлого костерка сидели Колька и Вадим.

— Виталик где?

— Мы поели без тебя. Он совсем раскис — лег сразу.

— Бавили?

— Нет. Тебя ждем.

— Ну тогда разбавь, Коль, чуток, примем по сто грамм — есть повод.

— Ага. Только я хочу тебе сказать... Перестань себя корить за случившееся.

Произошло то, что уже произошло. Каждый бы из нас так же ошибся. Никто тебя не винит. Все! Проехали.

Вадим ворочался в спальнике. Во рту поганый привкус спирта и тушенки. Зубы бы почистить, да лень тащиться к ручью. Спирт раньше пить не приходилось. Гадость жуткая!

Как их называть? Раньше в Москве, было проще: дядя Коля и дядя Виталья. А здесь? Слово «дядя» во рту застревает. Папа? Вот папой его называть совсем не хочется. А как? Люблю ли я его? Интересно... Отец ведь... Нет, пожалуй, не люблю. Какое-то другое слово должно быть. Чужие стали. И пахнет от него. Лист прелый.

Может, это возраст? Так и должно быть? Нет... то, что он маму бросил, — это ни при чем. Просто он чужой, давно чужой. Может, и не совсем чужой, но не нужен... Хорошо, что он есть, но ведь не нужен? Разбежались по своим углам. Шебаршатся, строят. Каждый сам за себя.

Вертелся, стараясь устроиться удобнее. Лежать — жестко. Хорошо, что хоть не холодно. Зачем я здесь? С ним. Хотя вертолет — это прикольно!

День второй

Виталий проснулся первым.

От вчерашних туч не осталось следа. Белый шар солнца, вывалившийся у горизонта, белесое небо над головой — ни облачка.

Вылез из палатки, умылся. Стоял у ручья. Прохладно. Чувствовал, как холодит мокрое лицо ветерок. Рассматривал русло. Явно больше воды стало! И тревога, которая давила вчера целый день: что с нами будет? — отступила. Солнце! Небо над головой! Вот оно — приключение! Как говорит Колька — «эдвенча!»

Черная проплешина кострища. Дров нет.

Решил, пока мужики спят, пройти вниз по руслу, поискать каких-нибудь веточек, хоть чай вскипятить. И только отошел метров на пятьдесят, как на камнях, возле самой воды увидел наваленную кучу. Свежую. Только что пар не идет.

Совсем офигели мужики! Кто это отличился? Отойти в сторону сложно? Ведь и ежу ясно, что пойдем вдоль берега, — обязательно вляпаемся.

Что-то было не так...

Брезгливо присмотрелся. В буром жидком месиве — непереваренные веточки, остатки листьев. Не человек. Медведь! Ушел или где-то поблизости?

Виталия бросило в пот. Он затравленно огляделся по сторонам. Во все стороны — каменистая плоскотина с куцыми пучками травы. Пусто. Тихо. Ветерок.

Быстрым шагом, поминутно оглядываясь, вернулся в лагерь.

Тюк с лодкой, перевязанный крест-накрест веревкой. Внутри — разобранные ружье. Приклад, стволы. Защелкнул цевье — он помнил, хорошо помнил, сколько раз под присмотром отца это проделывал. Вскинул, прицелился — черные стволы в небо, мушка — та самая точка в конце слова «жизнь».

Подошел к палатке.

— Андрей? Эй? — постучал ладонью по брезенту.

Первым отреагировал Колька.

— Что тебе, Виталь, неймется? Всё не как у людей — вечером спишь как сурок, а утром никому покоя нет!

— Сейчас, — отозвался Андрей.

Завозились в палатке, заворочались.

— Ты почему с ружьем?

— Патроны куда убирал?

— В бауле с крупами. Целлофановый пакет, изоляцией обмотанный. Ружье-то зачем?

— Медведь где-то рядом бродит.

— С чего ты взял?

— Ниже по ручью — куча дерьма свежего.

Из палатки вылез Колька. Шуруется на солнце.

— Так... что мы там о медведях знаем? — Колька глотнул из котелка холодного чая и достал сигареты.

Весело светило солнце. Просторно и открыто. Не страшно — проглядывается со всех сторон. Нет никакого медведя.

Решили просто и незамысловато — уходить. Быстрый завтрак — холодный чай с хлебом. Дров нет — костра нет. Свертывать лагерь и ходку — на километр-на полтора.

Сегодня ходки шли как-то легко — то ли оттого, что солнце вышло, то ли втянулись. О медведе забыли уже через час. Нет его и следов нет — ну и ладно! Правда, Виталий ружье с шеи не снимал — так и болталось, мешая идти с грузом.

И все бы хорошо, если бы не комар. Даже ветерок, дующий им в лицо, не помогал. Чем выше поднималось солнце, тем комар становился лютее. Гул и черные точки перед глазами. Мазались. Потели. Снова мазались. Нахлобучиваешь капюшон энцефалитки — жарко, потно. Скидываешь — комар. Но все равно было легче, чем вчера.

Они еще боялись поверить, но ручей медленно превращался в речку. Появился ярко выраженный врез — нет, пока еще видна плоскотина по обе стороны, но и она стала другой. Уже не голый камень, а поросль, напоминающая карликовый кустарник, не более пятнадцати сантиметров высотой, присосалась, расстелилась по камням.

По берегам появились разбросанные тут и там камни, мелкие осыпи. Да и ширина ручья уже порой достигала трех метров. Участки с чистой водой становились все протяженнее. Колька забрел в такую «ванну», что чуть не залил болотники — пришлось обходить по берегу.

Затем ручей сделал плавный поворот. Колька, шагавший первым, вдруг встал, скинул вещи на землю. Подошли остальные, встали рядом.

— Похоже, точно... это река! — устало произнес Вадим.

Ландшафт резко менялся.

Русло нырнуло вниз, прорезая горные породы. Вода разливалась, образуя широкую каменистую отмель. Берега с обвальным камнем расступились и словно ринулись вверх. По правому борту в реку вливался ручей. Вниз по течению, сразу за отмелью, берега сходились, схлопывались, нависали почти отвесными пятиметровыми стенами.

— Каньон! — изумленно произнес Виталий. — Круто!

— Давайте пройдем. Там привал. Осмотримся, — предложил Андрей.

Но взваливать вещи на плечи не спешили. Колька разлегся, подставив под спину рюкзак, и закурил.

— Виталя! А ты чего такой радостный, словно тебя рублем одарили? Ну, каньон, ну и что? Хрен его знает, что там дальше...

— Эх! Ничего вы, ребята, не понимаете! Ведь наконец-то свершилось! Судьба распорядилась за нас. Нет выбора. Я — свободен!

— Не понял.

— А ты и не поймешь. Посмотри вокруг, вдумайся. Там, — Виталик неопределенно махнул рукой, — ты все время кому-то должен. Соответствовать должен. Не себе — другим. Жена, дети — обязан кормить, воспитывать. Даже любить — и то обязан! Работа — деньги зарабатывать, перед партнерами быть ответственным.

— К чему ты клонишь?

— Так нет здесь ничего этого. Посмотри! Свобода! Живи, радуйся! Как-нибудь все сложится. Выберемся. Просто надо перестать думать о том, что с нами будет.

— Пошли уже, философы, — Андрей вскинул рюкзак на плечи. — Вадим, помоги лодку забросить сверху.

Идти с вещами стало намного сложнее. Это уже был не ручей, это была речка! Приходилось идти по берегу, перелезая через огромные валуны. Каньон то расширялся — и тогда вода разливалась по каменистому руслу, образуя мелкие пороги, то сужался — камень сдавливал реку, и трехметровая лента воды неслась вниз мощно и ровно, оставляя клочья белой пены.

Лагерь разбили на отмели возле распада, уходящего вверх по склону, заросшего хилыми деревьями. Вадим вызвался сходить вниз, на разведку, посмотреть, как оно там дальше.

Всех охватило возбуждение. Плыть! Раскладывали, разворачивали лодки на камнях — словно и не было изматывающего дневного перехода.

Андрей опомнился первым.

— Давайте возитесь с лодками, а я займусь костром и ужином.

Расслабленно сидели у костра. Хоть и наломались за день, возбуждение не отпускало. Солнце так до конца и не зашло, слабо высвечивало горизонт. Ранние сумерки — отголоски «белых» ночей.

На берегу, возле воды, лежали перевернутые лодки.

День третий

— Куда ты тянешь? В воду поглубже зайди, тогда и нос развернется! — Андрей орал, полулежа спиной на здоровенном валуне, пытаясь ногой развернуть корму лодки, чтобы направить ее в слив между камнями. Вадим, стоя ниже по течению, тянул за веревку, привязанную к носу лодки, и думал: вот чего он орет? Нормально говорить не может? Ты объясни — как. Что ты хочешь? Я же не против, я сделаю. Орать-то, раздражаться зачем? Достал! Лучше бы я с Виталием плыл.

Устали. Время — к обеду, а уже вымотались. Брели по воде, направляя носы лодок в сливы воды между камнями. Боялись пропороть днища на мелководе. Вчетвером, по двое с каждого борта, стараясь держать на весу, перетаскивали лодки через отмель.

Светило солнце, вода весело журчала, перекачиваясь по камешкам, а они тащили, тащили, тащили... Потно, тяжело и бесконечно. И наградой — за поворотом — широкая каменистая отмель и ручей — даже не ручей — маленькая речка по левому борту. И каньон сразу стал шире, и вода полетела вниз мощными струями, огибая камни, переливаясь через них тонкой искрящейся на солнце пленкой.

Свершилось! Дождались! В лодки. Весла в руки. Отталкиваясь от громадных валунов.

Поплыли мимо навороченные каменной грудой стены каньона.

И плес за поворотом. Лодки покачивались на свободной воде. Редкие клочья оседающей пены. Глубоко под днищем — вода прозрачная, дно видно.

Не гребли. Замерли. С весел — капли о воду, медленно, словно во сне...

— Ого-го-го! — заорал Колька. Порвал оцепенение.

— Что орешь как оглашенный? Поплыли!

Река резвилась. Небольшие плесы сменялись узкими теснинами, заваленными камнями, где вода неслась, вгрызаясь в камень. Порой приходилось вылезать на берег и проводить лодки на веревках, а иногда удавалось проскочить в узкие сливы, шкрябая бортами о камни.

Вадим услышал шум первым. Впереди — гудело. Хотел сказать Андрею, но не успел. Река, словно бабочка о стекло, бессмысленно и тупо билась в нависающую скалу.

Они, судорожно работая веслами, все же сумели развернуть лодку вдоль потока, заехав бортом в каменную стенку, — ударило, подхватило и стремительно понесло дальше.

Еще поворот.

Река кончилась! Исчезала в тридцати метрах впереди. Русло перегораживал огромный обломок скалы, углом вонзившийся в центр русла, распирая ущелье изъеденными гранями.

Лодку несло.

— В воду! — истошно закричал Андрей, переваливаясь за борт. — В воду, Вадим!

Вода обожгла. Показалось, что дна нет. Промельк испуга — затахнет. Андрей нащупал дно, встал — вода по грудь. Вцепился в борт. Лодку не удержать — несет

течением — потащило следом. Под ногами валун, большой — и мельче сразу стало — по пояс — уперся — держит лодку.

Вадим так и сидел на носу, глядя пустыми глазами на кипящий котел под скалой.

— Вадим, спокойно! — прокричал Андрей. — Аккуратно слезай в воду. Держись за борт. Нашуपाешь дно — вставай на ноги и удерживай лодку, чтобы ее не несло течением. Понял меня?

Вадим заторможенно кивнул и стал неуклюже переваливаться через борт. Резинку повело вбок. Андрей, белея лицом, удержал.

Лодку ребят вынесло кормой вперед. Загребали веслами, стараясь развернуть носом по потоку.

Кричать бессмысленно — не услышат. Ждал.

Заметили. Не раздумывая, одновременно, как кегли, повалились в воду. Лодка вильнула, накренилась и черпанула бортом. Вцепились, держат. Расстояние до них — метров десять. Так и стояли, выдыхая.

И вот сейчас Андрей почувствовал, как холодно!

— Вадим, ты как?

— Нормально, — зубы выбивали дробь.

— Я сейчас отпущу веревку — чуть-чуть — давай посмотрим, сможешь ты ее один удержать?

— Давай.

Разжал пальцы — отпустил веревку, протянутую вдоль бортов.

Вадим держал и, казалось, довольно легко.

— Вот что делаем, — Андрей старался говорить спокойно. — Я подхожу к носу, беру веревку и выхожу на берег. Закрепляю. По моей команде ты аккуратно разворачиваешь нос лодки против течения. Если сразу отпустить, боюсь, что дернет и перевернет. Понял?

— Да.

Пятясь, поглядывая на Вадима, медленно пошел к берегу, разматывая веревку. Дно — сплошные валуны, приходилось все время осторожничать — куда и как ставить ногу, чтобы не поскользнуться. Вылез, выполз на берег, на этот каменный развал, обмотал веревкой здоровый булыжник. Для страховки еще и прихватил рукой.

— Разворачивай! Медленнее! Так, хорошо. Теперь отпускай!

Лодка чуть рыскнула по течению и встала носом против потока. Волна расходится, бурлит, еще чуть-чуть и зальет.

— Вадим, иди на берег. Смотри, осторожно, камень сплошной на дне.

Вдвоем медленно подтаскивали лодку. Подхватили, выволокли на камни.

Мужики поступили проще. Вдвоем, вцепившись в борта лодки, медленно выводили ее к берегу. Подвели. Вытащили.

Андрей, перепрыгивая с камня на камень, подошел к ребятам.

Колька размахивал руками и возбужденно орал:

— Круто! Блин! А если бы глубоко было? Затянуло бы к черту! Я сначала не понял, почему вы в воде. Только потом увидел! Как сидел на борту, так и опрокинулся.

— Рюкзак с крупами утопили, — сказал Виталик.

— Что? Совсем? Доставать надо!

— Да поймал я его! — Колька все не мог успокоиться. — Мы когда в воду попрыгали, лодка накренилась, а он сверху лежал — вот в воду вслед за нами и съехал. Я его уже в воде подхватил, ногой ко дну прижал, чтобы не унесло. А когда стало понятно, что лодку удерживаем, — достаю, в воде-то он ничего, легкий, а из воды в лодку перевалить не могу! Воды набрал, сука! Неподъемным! Так по воде вместе с лодкой и волокли...

Рюкзак лежал у самой кромки — мокрый, грязно-серый, похожий на камень.

— Еще потери есть?

— Да нет вроде... Лодка воды черпанула — надо посмотреть, что промокло. Дальше-то что и как?

— В любом случае — обносить придется.

Лодки решили не сдвигать. Эти двести метров дались тяжело — карабкаться по каменному отвалу, обходить, перелезать, передавать, искать место, куда поставить ногу.

И лодку все-таки пробили. Баллон сразу обмяк, переносить лодку стало еще тяжелее.

Вышли к свободной воде — плыть можно. Но сил уже не было. Повалились на камни возле груды вещей. Молчали. Дремотное оцепенение, единственное желание — так и лежать, чтобы никто не трогал.

Виталик очнулся первым.

— Эй, мужики! Хорош ночевать! Стемнеет скоро. Плыть надо.

Зашевелились, заворочались.

— Блин! — выругался Колька. — Этот день когда-нибудь кончится?

— У меня такое предложение, — Андрей обращался ко всем. — Сейчас грузимся и плывем — не спеша, аккуратно. Нам еще новых приключений не хватает! Ищем место и встаем на дневку. Завтра отдых.

День четвертый

Виталий шел вдоль берега, выбирая место.

Широкий плес — вода замерла, словно течения и нет. Узкая каменистая кромка берега и, кажется, глубоко — по крайней мере, дна не видно. Из полупустого рюкзака достал спиннинг в чехле, катушку с леской и коробочку с блеснами. Разложил на камнях.

Солнце, тепло, вот только комары, мелькающие возле лица, раздражали. Но и к ним уже попривыкли.

Прицепил блесну, забросил метра на два — для пробы. Пять забросов. Десять. Сменил место. Ничего. Он и не ждал быстрого результата. Рыба, конечно, здесь есть. Когда плыли, замечал несколько раз промельк темных тел в воде...

Вадима заметил издали. Тот брел по берегу, подбирал и рассматривал камни, промывал их в воде, отбрасывал в сторону.

— Привет! Что раскопал?

— Да ничего интересного. Песчаник. Он податливый, вот его река и размывает. Потому и каньон. У вас как? Наловил? Покажи!

— Нет тут ничего. Голяк! Сколько ни кидал — пусто.

Виталий продолжал лениво забрасывать. Вадим примостился на камне за спиной — сидел, смотрел, отгонял от лица комаров. Мешал.

Так хорошо было одному.

— Виталий, у вас есть лишние крючок и леска?

— Есть, конечно. А зачем тебе?

— Я тут передачу по телику смотрел о том, как ловят на горных реках. Может, стоит попробовать?

— Ну давай... — Виталий скептически хмыкнул.

Вадим возился долго. Наконец подошел.

— Это у тебя что?

— Мушку сделал. Там, в кино, мужик местный прямо у себя из свитера нитку вырывал и наматывал на крючок.

— Ну и как ты будешь этим ловить?

— На перекат идти надо. Вы пойдете со мной?

— Пошли. Все равно здесь ничего не ловится.

Каньон распахнулся. Плоские глыбы камней, вылизанные потоком, вдоль берега. Посередине полуметровая ступень с выгибом. Вадим встал выше переката. Болотники раскатаны — вода чуть ниже колен, бурлит возле ног.

Сбросил пару витков лески — мушка легла на воду, подхватило течением, заплясала красной точкой. Развернул камень с намотанной леской узкой длинной частью по потоку — пошла соскальзывать леска виток за витком. Понесло мушку — не тонет, держится на поверхности воды.

Вот и перекат — перевалила, исчезла в брызгах и молоке пены. Показалась чуть ниже, медленно поплыла по спокойной воде.

Все. Вадим начал наматывать леску на камень, подтянул мушку, помял в пальцах, отжимая. Расправил концы, подул на них.

— Ты три раза плюнуть не забудь! — насмешливо крикнул Виталий.

Вадим аккуратно опустил мушку на воду. Побежала красной точкой к перекату. Нырнула. Леска дернулась. Вадим непроизвольно сделал шаг вперед. Поскользнулся на камне, присел, чтобы не упасть, вода залила болотник. Не почувствовал. Его не стало. Он превратился в руку, которая ощущает натянутость лески, каждый слабый рывок на ее конце. Осторожно, держа леску в натяг, пошел к берегу. Надо было спуститься чуть ниже переката и только тогда выводить рыбу.

Виталий сутился рядом.

— Большая? Не сорвется?

Вадим молчал. Спустился на метр ниже переката, выбрал мелкое место среди расступившихся камней, куда будет выводить рыбу. Медленно выбирал леску. Шла натянутой, но легко. И вдруг — бешеный изгиб спины рыбы, возникший на поверхности. Почувствовала мелководе, почувствовала свою смерть. Рвалась! Не сдавалась.

Еще подтянул, еще...

Застыла рыба в воде у самых ног. Осталось плавным рывком выбросить на камни.

Медлил Вадим.

Стояла в воде, растопырив плавники, еле заметно подрабатывая хвостом. Тело рыбы чуть изгибалось, как пружина, которая накапливает энергию, чтобы затем взорваться бешеным всплеском. От растопыренных плавников до хвоста пробежали цветные сполохи.

Дернул Вадим. Вылетела рыба на камни. Забилась. Придавил Виталий сапогом.

— Хариус! Здоровый! Ну ты, Вадим, молодец!

Лежала рыба среди камней. Исчезли цветные переливы. Блеклая чешуя. Рот судорожно открывается — хватает воздух.

Вадим смотрел. Исчезла красота рвущейся наружу энергии, движения, жизни. Выдернули из привычной среды — перебросили через границу — оказалась в ином мире, где существовать невозможно, где смерть.

А Виталий завидовал. Поглядывал на перекат, и так хотелось самому пустить мушку по воде, ощутить рывок лески, когда рыба возьмет приманку, выводить к берегу, на миг ощутив себя единым целым с рвущейся рыбой — две силы на концах лески, два бешеных желания: поймать и вырваться.

Вадим не спеша смотал разбросанную по камням леску, внимательно оглядел и расправил мушку.

— Теперь вы? — протянул Виталию.

— Да нет... Ты лови, лови. Я себе сейчас что-нибудь подобное сделаю.

— Я вниз по каньону хочу пройти. Посмотреть, что там дальше.

Вадим вернулся под вечер. Солнце заваливалось к горизонту. Посвежело. Начался комариный вылет.

— Ну и где тебя носило? — спросил Колька, когда Вадим подошел.

— По берегу шел, на реку смотрел.

Вадим стянул сапоги, пристроил возле костра. От голенищ повалил пар. Снял мокрые носки — ступни белые, вымоченные.

— Там в миске хариус жареный. Поешь. Давай подогрею, — Андрей пододвинул миску поближе к огню. — Ну рассказывай, что видел.

— Я, наверное, километров пять прошел. Там уже все другое. Река широкая и глубокая. Только одно место проблемное — это где мы с Виталием рыбу ловили. Дальше везде плыть можно.

— А рыба?

— Рыбу видел? Есть? — влез Виталий.

— Ты совсем на своей рыбе свихнулся! Поймал двух карасей, и уже переклинило, — возмутился Колька.

— Рыбу я не видел. Зато снег видел!

— Какой снег?

— Снежник там, среди скал. Я берегом шел... Скалы высоченные. И в одном месте — словно карман в них. Сложно объяснить, сами завтра увидите. Я думаю, зимой ветром снег надувает, и он там копится и лежит в тени все лето.

— Интересно! Ладно... давайте в лагере приберемся. — Андрей встал. — Надо вещи собрать, чтобы завтра утром не возиться. Ты, Вадим, сиди. Мы сами.

День пятый

— Отуром надо проходить.

— Чего? Каким еще отуром? — Андрей злился. На ночь скоро надо становиться, а тут эта стена.

Утром, лишь перевалили через перекат, где ловили рыбу, река как с цепи сорвалась! Подхватила, понесла вдоль изломанных трещинами вертикальных стен каньона, в секунду промелькнул снежник, про который рассказывал Вадим, — рассмотреть толком не успели — и неожиданно вынесла на плоскотину. Закончился каньон, остался позади, и река словно выдохнула — разлилась широко и ровно — потянулся многокилометровый плес. Катятся лодочки по воде, подправляй ход веслами время от времени. Солнце светит. Комара на воде нет. Плыви, берега рассматривай.

Так и плыли... Но постепенно то один, то другой берег становился круче. Река заметалась, стала биться о них, подмывая.

Взметнулись вверх берега. Новый каньон! Вода забурлила стоячей волной, понесла, закачала лодки.

И пошло: с одного берега нависает многометровая стена, вся изрезанная вертикальными бороздами с каменной осыпью у основания; другой берег — пологий, зарос деревьями, которые можно уже назвать лесом. Кажется, бьется река о вертикальную стену каньона, поворачивает, разгоняется и бьется в противоположную. Так раз за разом, со злобой, с силой. Растут стены, отталкивают реку, не дают течь прямо.

Кипит волна бурунами. Вырастают стоячие валы — вот-вот плеснет вода через борт — переваливает через них резинка, попадает в застойный котел, который вспухает пузырем из глубины. Разворачивает лодку — приходится выгребать, ставить носом по течению.

И вот встали.

Обе лодки приткнулись к пологому берегу на мелководье. Вытащили наполовину из воды, на каменистую россыпь.

Впереди поток со всей мощи, почти под прямым углом, бился о скалу. Гул стоял под обрывом — бесилась река от унижения, что не может преодолеть возникшую на пути преграду.

С ходу соваться в этот бурлящий котел было страшно. Смотрели...

— Точно бортом к скале прижмет и перевернет, — сказал Виталий.

— Да. Здесь не выгребем, не успеем. Прижмет точно! — согласился Колька.

— Я читал, — начал объяснять Вадим, — что если поток упирается прямо в скалу, нужно подойти к ней так, чтобы, ударившись носом, лодка отлетела и пошла бы уже кормой вперед по потоку.

— Где это ты такое вычитал? Ну-ка, нарисуй! — заинтересовался Колька.

— Смотрите, — Вадим мокрым пальцем начал рисовать на лодочном баллоне. — Надо подойти к стенке вот так, почти под прямым углом, тогда от удара лодку отбросит и развернет кормой по течению. Здесь, конечно, надо будет подгрести, помочь лодке развернуться.

— А что? Интересно! Можно попробовать, — Колька с уважением смотрел на Вадима.

— Я бы не рисковал. Потеряем час на обносе, зато без приключений, — не согласился с ним Андрей. — Виталий, ты что скажешь?

— Я за то, чтобы попробовать пройти на лодках. Вещи привязать и самим раздеться. Перевернет — в ватнике и болотниках далеко не уплывешь! Хочешь, мы с Колькой первыми пойдем?

— Да причем здесь кто первый? Просто я считаю, риск не оправдан. На свою жопу приключения ищем! Ладно. Хотите плыть — поплыли!

— Эх! Вода-то холодная, мокрая! — запричитал Колька, стягивая сапоги. — Предлагаю поближе друг к другу идти, чтобы подстраховать было можно, если кто-то перевернется.

— Ага! Одну лодку бортом прижмет к скале, вторая в нее точно въедет. Вот весело будет!

— Не писай, Виталя! Все будет хорошо!

Андрей с Вадимом отплыли первыми.

— Ну, давай правь, теоретик! — скептически хмыкнул Андрей, уступая Вадиму место на веслах.

Течение тут же подхватило лодку, понесло. Притормаживая веслами, удерживали нос строго по течению. Скорость нарастала. Закачало на стоячей волне. Впереди горбами вспухли валы. Заплясала резинка. Нырнула носом под вал, стало разворачивать, заработали веслами. Накренило. Обдало Андрея волной, промок враз. Вода — в лодку. Выправили нос. Успели.

Скала приближалась. Поток гудел и шуршал одновременно.

Пять метров.

Водяная пыль в воздухе. Андрей подхватил весло, приготовился отпихнуться от скалы.

Вадим сделал два мощных гребка правым, загоняя воду под корму. Лодку начало разворачивать, ставить поперек потока, и в это время нос ударился о скалу. Тряхнуло. Их отбросило на метр от скалы и развернуло кормой по течению. Подхватило, понесло вдоль обрыва и вынесло на середину потока.

Проскочили!

— Смотри! — закричал Андрей.

Заваливаясь то одним, то другим бортом и черпая воду, лодка Виталия и Кольки приближалась к скале.

— Твою же мать! — выругался Вадим. — Они ж под острым углом заходят! Куда? Надо под тупым! Не пройдут!

Лодка ударилась носом о скалу, проскребла по ней и припечаталась бортом. Мужики засуетились, стараясь веслами отпихнуться от скалы. Не получалось.

— Пропихивайте вдоль! — кричал Андрей, словно его могли услышать.

Вдруг лодка сдвинулась, будто что-то ее подтолкнуло снизу. Рывком продвинулась на метр вдоль скалы, черпанула бортом. Колька не удержался, повалился спиной в воду. Виталий, бросив весла, двумя руками упирался в стену, стараясь пропихнуть лодку.

Пошла, пошла потихоньку! Колька держался за веревку, протянутую вдоль бортов, одна голова из воды торчала. Оторвался борт от стены. Образовался пенный просвет. Подхватило, понесло лодку вдоль. Вынесло ближе к середине потока.

Заработал Виталий веслами, стараясь прибиться к противоположному пологому берегу.

Вадим с Андреем пристали первыми.

Виталия пронесло метров на двадцать ниже.

Колька брел по мелководью, оскальзываясь на камнях.

— Весло упустил, — пожаловался, выбивая дробь зубами. — А вы лихо проскочили!

— Колька давно помыться хотел — вот случай и представился! — Виталий довольно улыбался.

— Хрен с ним, с веслом! Главное, все живы! Очень замерз? Вадим, спирт достань, — суетился Андрей, радуясь, что все обошлось. — Сейчас мы тебя разотрем!

— Не... я лучше внутрь! Виталик, брось мне одежду. Ну, дубак! — Кольку трясло.

— Может, костер? — предложил Вадим, протягивая Кольке фляжку с разбавленным спиртом.

Андрей огляделся.

— Нет. Место для стоянки поганое. Ты как, Коль, еще часок выдержишь?

— Я сейчас еще чуток махну и песни петь буду! Пускай меня Виталия на лодочке катают — я пострадавший! Поплыли.

Лодки шли по реке друг за другом, как привязанные. Колька и вправду попытался проорать какую-то песню, но вскоре затих.

Плавной лентой, изгибами прижимаясь к обрывистым берегам, кипя бурунами, река несла лодки быстро и ровно. Пошел ровный участок, и течение сразу стало слабее. По левому берегу — лесок — деревца чахлые, низкорослые, но много. Лес, настоящий лес! По правому — обрыв, но небольшой, метра три, изъеден, размыт ручьями. Распадки полого уходят вверх, и открывается тундра, сливающаяся с горизонтом.

— Смотри! Кто это? — Вадим тронул Андрея за плечо. — Женщина!

Выбежала из леса. По каменистому бечевнику к воде. Зашла по колено, оступилась, чуть не упала. Машет руками.

Андрей резким противоходом весел развернул лодку, погреб к берегу.

На второй лодке заметили — следом.

Ткнулись одновременно носами, проскребли по камням чуть ниже того места, где в воде застыла женщина.

— Ненка, — шепнул Андрей Вадиму. — Лодку вытяни.

Стояла все так же, по колено в воде, руки опустила — уже не машет, но и не подходит — опасается.

Молодая. Широкоскулая, загорелая. Волосы черные, в хвост на затылке собраны. Балахон — серо-коричневый, старый на ней, в заплатках белых, подпоясанный тонким черным ремешком, длинный — подол в воде.

— Мадам! — проорал Колька. — Я счастлив приветствовать вас!

— Заткнись ты! — раздраженно посоветовал Виталий. — Не пугай ее.

— Так она по-нашему, поди, не понимает? Туземцы! Сейчас будем на стекляшки меха выменивать!

Вадим заворуженно смотрел. Эта женщина, неожиданно выбежавшая из леса на берег и стоявшая по колено в воде, изменила привычную реальность. Театр. Сцена. Распахнулся занавес, открылся другой, загадочный мир, о существовании которого не догадывался.

Раздался собачий лай, залиvistый, близкий. Оборвался.

Андрей не спеша шел по мелкой гальке, по самой кромке берега, стараясь рассмотреть, что скрывается за деревьями.

Женщина вышла на берег и стояла, ожидая, когда подойдет.

— Геологи? — первое, что спросила.

— Здравствуйте! Нет. Просто туристы.

— Туристам сюда не добраться, — произнесла задумчиво, с недоверием.

— Так мы здесь случайно оказались. Хотели по одной реке сплавиться, а попали вот на эту. Как она называется, кстати?

Словно не слышала. Рассматривала Андрея, мужиков, новые лодки.

И только сейчас Андрей разглядел, что совсем молодая, девчонка еще, наверное...

— Лекарства есть?

— Смотря какие... — неопределенно ответил Андрей. — А что случилось?

— Деда... Умирает, — произнесла спокойно, как-то обыденно.

— Я врач. Где дед-то?

— Лежит.

Снова залаяла собака.

— Ну что? Пойдем посмотрим твоего деда? Веди.

Женщина повернулась, пошла в сторону леса.

Андрей крикнул:

— Колька, Вадим — вы оставайтесь у лодок. Виталий, давай со мной!

Прошли заросли ивняка и оказались на небольшой поляне, обрамленной чахлыми елками и березами, по-северному узловатыми и скрюченными. С краю поляны открывался прогал — было видно реку — вырывалась из-под нависающего берега, бурлила, сверкала волной на солнце, неслась куда-то.

На поляне стоял чум, покрытый то ли брезентом, то ли старыми посеревшими от времени шкурами. Небольшой, метра четыре в диаметре, пучок кольев тычется в небо, будто веник перевернули.

Деревянные нарты — высокие, вытянутые, распорки под наклоном — красивые, для бега созданы. Еще одни — перевернуты — на них, как на вешалке, сушатся шкуры. Вон кучей оленьи рога, какие-то тряпки...

В стороне, между деревьями, веревка натянута — сети сушатся, висят серой скомканной паутиной. Вон еще веревка — шматы оленины свисают, кирпично-красные, обветренные, в глубоких порезах.

Кострище потухшее, угли подернуты серым пеплом, только с краю дымок еле-еле... Вокруг вытоптано, до земли, до камня.

Две собаки — лайки — черные с белым — как из одного помета. Одна — распласталась животом по земле, положив голову на передние лапы, а задние смешно вытянуты, и нет ей дела до пришедших. Другая — сидит рядом, подергивает мелко ухом, смотрит настороженно.

Дед лежал на спине, на подстеленной шкуре, возле чума. Издали казалось — груда тряпья. Грязно-серая малица, мехом внутрь, бесформенная, широкая и длинная, как ночная рубаша. Голову закрывает капюшон, вот он — мехом наружу. Только седая борода видна, задралась к небу.

Андрей наклонился, встал на колени. Оттянул веко, пощупал пульс.

— Давно без сознания?

— Утром упал. Собакам корм резал, сама. Но сначала еще говорил. Сказал, полежит и встанет.

— А почему не в чуме? Сил не хватило занести?

— Он «нет» сказал. Сказал: «Здесь лежать буду». Потом попробовал встать. Не получилось, упал лицом в землю. Мычал. Рукой скреб. Я не трогала. Шкуру постелила и перевернула на спину. Не говорил больше. Хотела в чум тащить. Вы плывете...

— Ясно. Значит, так... Виталий, дуй на берег, скажи ребятам, пусть посмотрят место для лагеря и разгружаются. А мне принеси ящик с лекарствами.

— Может, ночевать сюда придете? — произнесла неуверенно, словно сомневалась. — На берегу — камни. Плохо.

Андрей оглядел поляну.

— Можно и здесь. На том краю палатки поставим. Кострище есть, дрова тоже.

Виталий ушел. Они остались вдвоем. Молчали. Андрей сидел на корточках перед лежащим на земле телом. Она стояла рядом. Смачно зевнула собака.

— Умрет? Сердце?

— Да нет... Это, похоже, инсульт. Кровоизлияние в мозг и, по-моему, обширное. Вы здесь вдвоем? Больше взрослых нет?

— Нет. Я и деда.

— А стойбище? Или что там у вас? Ну... где люди...

— Далеко. Неделью на оленях надо...

— Зовут-то тебя как?

— Вера. По-вашему.

— Меня Андрей или дядя Андрей, как больше нравится. Давай мы с тобой, Вера, ему рубаху вверх поднимем. Послушать надо. — И упреждая ее порыв: — Осторожно! Не нужно шевелить сейчас.

Дед был худым и маленьким. Под задранной вверх малицей оказались обычные заношенные тренировочные штаны, а на ногах высокие меховые чулки по колено, подвязанные веревочками. Голая грудь, впалый желтый живот.

Вернулся Виталий.

На земле — черная коробка с лекарствами, стетоскоп поблескивает зеркальным глазом, зарывшись в клочок невытоптанного беломошника.

Андрей согнулся над дедом, колет иглой вену.

Лес, река, чужие непонятные люди, чужое горе. Как-то ухарски, по-свойски, по перекатам река вынесла их в чужую запутанную жизнь — выплеснула, выкинула на эту отмель.

— Если я тебе не нужен, пойду ребятам помогу...

— Ты лучше костром займись. Вода горячая потребуется.

— Думала — хитники, — произнесла Вера, когда Виталий отошел.

— Кто?

— Эти... камни ищут. Продают потом. Агаты здесь.

— Нет. Туристы. Я же говорю — нас случайно на эту речку занесло. Вертолетчики ошиблись. Мы на Вонгу летели. А выбросили здесь. Ты так и не ответила — как речка-то называется? К людям мы по ней выйдем?

Она произнесла что-то гортанное и невнятное и добавила:

— По-вашему — Светлая.

Холодало. Выдуло комара.

Этот длинный день свертывался. Прячась в раковине ночи. Зыбкая грань перехода из одного состояния в другое чувствовалась во всем, не только в наступлении сумерек.

Собаки — в стороне от всего, сами по себе. Попытался Колька познакомиться, тянул руку с куском хлеба — не хотят, отбегают, зубы кажут.

Только костер горит весело. Выплескивается пламя, лижет днище закопченного чайника. Сидит рядом на корточках молодая ненка, помешивает ложкой, прикрученной

провоолокой к длинной палке, какое-то варево в большой помятой с одного бока кастрюле, стоящей на камнях.

Налетел ветер. Выдул пепел с костра. Загородила ненка лицо рукой. Унесло комарье — будто и не было. Заиграли березы ветвями, затрепетали беспомощной листвой. Вырвался из рук полог палатки — хлопнул глухо.

Подошел Андрей:

— Давайте, ребята, в чум его перенесем. Коль, брезент возьми.

Расстелили брезент. Ненка тут же крутится, помочь хочет. Мешает.

— Поднимаем! Аккуратно, медленно. Кладем на брезент. — сам голову рукой поддерживает. — Так! Взяли за края. Понесли.

В чуме темно. Стенки сужаются к дыре в потолке — продыху — где шесты сходятся. Оттуда и слабый свет через отверстие. Доштатый пол, кое-где покрытый старыми драными шкурами, но доски все равно проглядывают. Посередине — маленькая железная печка, высокая закопченная труба — вверх. На печке — чайник, старый, но вычищенный, не закопченный, крышка чудная — с пимпочкой. Какая-то кастрюля вроде среднеазиатского казана, но с ручкой.

За печкой, вдоль противоположной от входа стены, две лежанки — низкие, чуть возвышаются над полом. Над той, что побольше, откинутый с одного края полог, сшитый из простыней. Обычные, белые в веселый цветочек — синие, розовые, по застиранной мятой ткани. И открытая лежанка рядом. Обе застелены оленьими шкурами. По две подушки на каждой — наволочки в тот же веселый цветочек.

Низкая скамеечка возле печки; ружье — двустволка, приклад вытерт, лоснится — подвешено на шесте; сундук какой-то внизу — нет, не сундук — выючник геологический, старый — краска облезла; одежда в углу — комом. Сверху книжка какая-то потрепанная, страницы повылазили. Вот вроде и все...

— Вадим, пошли! Что ты застыл? — шепотом позвал Колька. — Ты видел, какие у него руки? — спросил, когда отошли от чума.

— У кого? — не понял Вадим.

— Да у старика! Это не руки — это сплошная мозоль!

Последним вышел Андрей. Задернул за собой полог на входе. Подошел к костру, присел на корточки.

Кормила ненка. Похлебка из оленины и вареной картошки. Оленина жесткая, жилистая. Сидела на корточках чуть в стороне, брала из миски мясо руками.

Скомканный был ужин. Без обычных шуточек и подначек. Даже спирт пили молча. Предложили и ей. Отказалась. Собрала грязную посуду и ушла мыть на реку. Вот тогда чуть оживились.

— Рассказывай, что узнал? — попросил Андрея Виталий.

— Три новости. Две хорошие и одна плохая. С чего начинать?

— Давай с плохой, — не раздумывая отозвался Колька.

— У деда инсульт. Подозреваю, что обширный. Боюсь, не выживет. Людей рядом нет. Оставлять их одних нельзя. Она — совсем еще девчонка. Надо задержаться здесь. Все согласны?

— На сколько? — спросил Вадим.

— Я не Господь Бог, — Андрей пожал плечами. — Думаю, дня за два, за три все решится...

— Понятно. Теперь давай хорошие!

— Речка... Светлой называется. По-ихнему — не выговорить. И попали мы сюда... Ребята! Все обзавидуются! Закрытая река — двойной заказник по семге и по агатам. Местным можно. Их территория, они тут испокон веков живут. А так... — мышь не проскочит! Стерегут.

— Подожди, Андрюх! Рыба — это хорошо, дальше-то что?

— Я понял так: шесть дней хода, ну, может, семь, Светлая впадает в Индигу. Индига — большая река. Мы выплываем почти у устья. полдня хода — поселок. Там — все: почта, магазины и даже местный аэропорт. Живем, братва! Почти выбрались!

— Ну... По этому поводу... — Виталий подхватил фляжку и принялся разливать по кружкам. — Еще бы дед оклемался, и все бы вообще было в ажуре!

Вера легла не раздеваясь. Ягушку не сняла, только чижи.

Полог завесила, как будто старалась этой застиранной простыней отгородиться от всего плохого. Свернулась калачиком. Слушала деда. Тот хрипеть начал. Хотела пойти позвать того взрослого — Андрея, но дед перестал. Подошла, послушала — вроде дышит ровно.

Она уже смирилась с тем, что дед умрет. Все вокруг нее умирают. Опять одна. Сначала родители. Она маленькая была. Помнила только, как с теткой на берег моря встречать ходили. Идти было тяжело — песок и плавник белый, вросший в этот песок, — переступать приходилось, перелезать через коряги. И ветер все время с моря дул. Брызги с воды...

Рыбу они ловили. Сети на море ставили, загоны. Утонули.

Тетка к себе взяла. Вдовая. Пьющая. Три года с ней прожила. В школу в поселке ходила. Там два класса — для совсем маленьких и для тех, кто уже читать умеет. Хорошая была школа и учительница хорошая.

Умерла тетка. Пожелтела вся, и живот раздулся. Кричала очень перед смертью, ругалась...

В интернат отдали. Не хотела. Уже срослась с поселком, родным стал. Всех знала, каждую собаку... Отвезли. Серый день был. Дождик. Вертолет прилетел...

Интернат в разрушенном монастыре располагался. А еще раньше, говорят, там сумасшедших держали. Свозили со всей области. Теперь вот их, сирот... Зброшенное место. До Пинеги километров двадцать. Вот там было плохо. Русские ребята хороводили.

Подружек не было. Как-то там не дружили... Выживали. И есть все время хотелось. Не знала, что у нее дед живой. Он потом объявился. Забрал.

Поначалу ее не трогали. Худая была, маленькая. Только били. Изнасиловали первый раз, когда уже четырнадцать исполнилось. Нет, она знала, что девчонок насилюют, особенно ненок. Русских не всех... Открыто было. Даже позорным среди девчонок не считалось. Словно игра такая. Жестокая, но игра. Перетерпеть надо. Ведь со всеми так... или почти со всеми. Это как месячные... неприятно. Тут важно другое...

Заводилой у них Ванька Ухо был. Паренек злой, дерзкий. Красивый даже, если бы не одно ухо оттопыренное. Но он внимания на это не обращал, ему вообще все пофиг было. Даже тех, кто сильнее его, не боялся. В драке становился бешеным — весь в крови, а лезет и лезет, остановиться не может. Его побаивались.

Их тогда четверо было. Подошли. Ванька сквозь зубы слюной цикнул. Разложили на столе. Она особо и не сопротивлялась. Так... для порядка. И больно не было, только противно-мокро и стыдно, что другие смотрят. Они что-то там говорили, ржали, но слов не запомнила. Как в тумане. Скорее бы закончилось.

Через день они вдвоем подошли. Повели на разрушенную колокольню. Там тряпье старое на битых кирпичях. И все повторилось. Только она уже сама легла и ноги раздвинула. Ей казалось, что уже все — они ее сломали, теперь отстанут. Как же! Ванька по жопе похлопал и сказал, чтобы вечером приходила в мальчишечью палату.

Вот этого она и боялась. Было несколько девчонок, которые ночами туда ходили. Сначала ревели, жаловались, синяки показывали. А потом как будто тупели — ничего их не интересовало, как тряпки становились: скажешь пойти — пойдут, скажешь принести — принесут. Пустота в глазах.

Стояла у окна, смотрела. Двор вытопанный, клумба заросшая, забор черный

заваливается. Капли по стеклу медленно ползут, лениво. Сходила на кухню. Там тетя Поля — толстая, как бочонок, и девчонки дежурные. Нож взяла.

Ванька по коридору шел. Один. Хорошо, что один, если бы с кодлой — затоптали. И злости или обиды не чувствовала. Просто так было надо. Со всей силы засадила нож в ногу, чуть ниже паха. Он успел ударить, прежде чем упал. Отлетела. Нос разбил сильно.

Его в больницу увезли. Дознание проводили — кто, как? Все молчали. Спустили на тормозах. Через неделю вернулся. Хромал. К ней не подошел. И другие не подходили. Одна она осталась, словно под колпаком стеклянным: она есть, но ее не замечают. Сначала было неудобно, потом привыкла, даже нравиться стало это вынужденное одиночество. Целыми днями в библиотеке с книжками просиживала.

Так и жила, пока дед не объявился. Началась другая жизнь. Гоняли с ним от стойбища к стойбищу. Интересно! Все время места новые... люди новые.

Дед зашевелился? Вскочила быстро, откинула полог над лежанкой, включила фонарик. Нет, все так же. Наклонилась. Дышит! Интересно, что бы я без них делала? Повезла бы его? Нет, даже думать об этом не хочу! Умрет, а дальше как жить?

Этот-то, молодой, — смотрит! Как на зверушку какую диковинную. А может, я ему понравилась?

Вадим шел по берегу, по самой кромке, хрустели камушки под сапогами. Шумела река — ровно, монотонно. Свежестью пахло, брызгами. Ночь — не ночь, так — поздние сумерки. Полоса неба впереди лимонно-белая.

Возбуждение от прожитого дня, от выпитого спирта не проходило. Хотелось что-то сделать, что-то решить, понять... но немедленно! Действия хотелось, действия!

Двадцатый век! Люди живут в лесу, на шкурах спят, одежду из шкур носят, пищу на костре готовят. Бред! А если он умрет? Как она? Одна останется? Родители у нее есть или родственники какие-нибудь? И что? Всю оставшуюся жизнь оленей по тундре гонять? Она же хорошая, красивая! Молодая совсем...

И вдруг как озарение! Даже остановился. Надо ее с собой взять! Она же не видела ничего! А что? Кричим все: надо жить не для себя, добро людям нести. Вот оно — то самое добро! Конкретный человек, конкретное доброе дело!

Он уже смутно представлял, видел, как они приедут в Москву, как она задохнется от неуверенности и страха перед огромным каменным нагромождением зданий. Он будет рядом! Проведет ее по пестрым улицам, мимо ярких и манящих витрин магазинов, мимо прилавков с фруктами и книгами. Они спустятся в метро, в эту подземную сеть, сплетенную из стальных рельсов, по которой снуют поезда. Люди, много людей — толпа, скопище — безучастных, чужих. И они вдвоем среди этой толпы, и она смотрит на него с надеждой... а он понимающе кивает — не волнуйся, не бойся ничего, я — рядом.

Смысл в этом есть! Не для себя... Вернее, не только для себя, но и для другого. Ему делаешь хорошо, и через это хорошо себя человеком почувствуешь. Не зря живешь, дело делаешь! Надо завтра с отцом поговорить.

И как ушатом холодной воды — опять отец! Без него — никуда! Ведь он будет решать, а тебе останется покорно ждать этого решения. Достало! Сам-то я что-то могу? Решить что-нибудь могу сам? Нет у тебя ничего! А вот у него — есть. Жильем может обеспечить, работу подобрать, деньгами помочь. А ты что можешь? Мечтать только? Планы строить?

Присел на корточки, опустил руки — вода между пальцами — холодная, проворная — не поймать, не остановить.

Куда-то все движется... река, жизнь... вот куда?

День шестой

Утро незаметно выползло из ночных сумерек. По-пластунски прокралось туманом, запутавшимся между стволами деревьев. Все заволокло молочно-белой мутью. И было тихо, словно заложило уши. Другого берега не видно. Вот он, край земли — струящийся перед тобой поток воды, за ним — пустота!

Подняло всех рано. Один Колька отсыпался, не вылезал из палатки.

Дед все так же был без сознания. На вопрос Виталия: «Ну, как?» — Андрей только покачал головой.

Вадим с Верой готовили завтрак. Расстелив брезент, Андрей сортировал лекарства, что-то откладывал в сторону.

Виталий собирался на рыбалку. Вера рассказала, что напротив лагеря, на том берегу реки — с километр пройти всего — есть озеро — небольшое, но рыбное. Дед на это озеро плавал шуку бить. Мешок за раз привозил.

Обычное утро... но какая-то маята висела в воздухе. Туман этот... Казалось, все застыло, никуда не движется. И они застыли — с трудом передвигаются, бродят по лагерю, как снулые мухи. Чум, умирающий дед, перевернутые нарты, яркие палатки, собаки, живущие своей жизнью на отшибе, — стали привычными и в то же время казались не совсем реальными, балансировали на грани сна и действительности.

— Завтрак! — Вадим стучал ложкой по миске. — Подгребайте! Виталий, поднимайте Колю.

— Не надо меня поднимать. Сам встану!

Вылез Колька — хмурый и помятый. Буркнул что-то нечленораздельное вместо приветствия и побрел к реке умываться.

Виталий спешил. Не терпелось поскорее вырваться из этой пустой суеты, хотелось покоя и одиночества. Пил чай обжигаясь. Не допил — оставил кружку — потом...

— Я ружье возьму, вдруг что встретится?

— Бери, конечно. Не заблудишься? Плохо, что один идешь. Давай хотя бы контрольный срок установим, чтобы нам не дергаться. Когда тебя ждать обратно? — предложил Андрей.

— Так... к шести вернусь.

Вышли на берег — проводить, посмотреть, как будет перегребать реку. Оттолкнули лодку. Виталий заработал веслами. Завихляла носом — бьет течение.

— Виталья! — заорал Колька. — Не филонь! Гребь тщательнее!

Вера сидела на корточках на берегу, песком оттирала черную от копоти кастрюлю. Вадим — рядом, домывал оставшуюся после завтрака грязную посуду.

Она не понимала, что с ней происходит. Проснулась утром и вдруг почувствовала себя другой — взрослой, что ли? Нет, не из-за деда. Не из-за того, что останется одна, — уплывут они... Может, потому что на нее мужики так смотрят? Поэтому?

Этот-то — Николай — взглядом раздевает, а в глазах злое, нехорошее плещется. Прямо как у Ваньки Ухо тогда... Но как смотрит! Желание из глаз сочится — страшно, а все равно — приятно! На меня смотрит!

Вот Вадим — он совсем другой. Добрый, что ли... Хороший. Только маленький еще совсем. Ничего не видел, не знает. Он по-хорошему смотрит, словно защитить пытается. Тьфу ты! Какие глупости в голове. И ведь нравлюсь ему — чувствую! Вон как украдкой все время на меня посматривает. А я посмотрю — он глаза сразу отводит, смущается.

Вадим сидел на корточках в трех шагах от Веры. Вымытые миски — на камне — одна в другую, ложки сверху поблескивают на солнце. Можно идти в лагерь, к костру,

но уходить не хотелось. Хотелось побыть здесь еще, рядом с ней, смотреть на нее, смотреть на воду, как катится мимо, и... снова на нее!

Вчерашнее возбуждение, желание что-то немедленно делать растаяли, растворились в белесом утреннем свете. Нет, не до конца — что-то осталось, колыхалось воспоминанием на грани сознания. Потом, все потом! Сейчас — просто сидеть, подставляя лицо чуть согревающим лучам солнца, ощущать ее близость рядом и ни о чем не думать! Не думать, как дальше... Все хорошо! Все впереди!

Ее затапливала непривычная истома.

Присутствие Вадима, его быстрые взгляды порождали бессвязный поток мыслей — какие-то обрывки — будто клочья утреннего тумана неслись над рекой.

Закоченевшие в воде руки — грязные, все в саже.

Вадим смотрел на ее колени — притягивали. Боялся, что заметит. Круглые, плотно сжаты. Отводил взгляд, как только поднимала голову. Оглянулась. Увидела, на что смотрит. Не успел! Не успел отвести взгляд. Смотрит на нее, улыбается смущенно.

— Вера! Подойди, пожалуйста, — на берег вышел Андрей.

Оглянулась. Отложила кастрюлю. Сполоснула в воде руки. Кажется, специально медлит. Не хочет... Подошла. Встала перед ним. Маленькая. В балахоне бесформенном. На него не смотрит. Вниз смотрит. Руки вдоль тела опущены.

— Умер дедушка, Вера.

Стоит, словно не слышит.

— Аргиш, — прошептала.

— Что? — переспросил Андрей.

Раскинула руки, крутнулась на месте: «Аргиш!» — кричит, а глаза закрыты. И сокуй вокруг тела — колоколом — на матрешку стала похожа.

Приобнял Андрей за плечи:

— Тихо, Вера, тихо! Успокойся. Случилось то, что случилось... Что могли — мы с тобой сделали. Значит, время пришло...

Вывернулась. Зашагала к лагерю. Андрей с Вадимом — следом.

Колька ушел в палатку. Разлегся поверх спальника, только сапоги наружу торчат.

Сейчас суета начнется, плачь бабий. Помогать надо будет. Хоронить его? А как? Не дай Бог, с собой везти! С покойником в одной лодке плыть — бррр! Аж передернуло! Я на это не подписывался! Прислушался. Бубнят что-то, но плача вроде не слышно.

Вера пробыла в чуме недолго. Вадим с Андреем ждали снаружи. Вышла. Нож в руках держит.

— Поможете? Его переложить надо. Не так лежит. Надо головой на запад. Я сейчас...

Подошла к чуму сбоку, обрезает ножом какие-то тесемки. Поползло вниз полотнище, грубо сшитое из старых, посеревших от непогоды оленьих шкур.

— Завернуть его надо, — пояснила.

В чуме — светло. Свет бьет из большой прорехи, там, где сняли шкуры. Пылинки повисли в воздухе. Дед — на лежанке — маленький, руки на груди сложены, глаза закрыты.

Вадим нервничал, на деда старался не смотреть. Так близко покойников видеть не приходилось. А сейчас предстояло вместе с отцом перенести мертвое тело, дотронуться до мертвеца. Заполосный страх и брезгливость.

Андрей догадался — сказал, чтобы брал за ноги. Сам взял за подмышки. Вера поддерживала голову. Положили. Вышли из чума и остановились.

Все вокруг казалось неестественно ярким, живым, радостным. Задувающий легкий ветерок нагнал облака — повисли неряшливыми низкими комьями — поляна причудливо расцвечена теневыми пятнами. Кострище, выложенное закопченными камнями, накрыто горкой серого пепла. Дым белесый — тонкой струйкой — стелется, выдувается ветром и растворяется, запутавшись в беломошнике. Два ярких пятна — палатки, стоящие на краю поляны под деревьями. Полотнища расцвечены причудливым рисунком, будто шкура леопарда, — тень от нависающих веток. Какая смерть? Нет здесь ее и в помине! Она осталась там, за спиной, в чуме.

Вышла Вера. Сели на бревна возле потухшего костра.

Колька так и не вылез из палатки. Андрей хотел позвать, потом передумал.

— Ну что, Вера? Как дальше действовать будем?

Сидела серьезная, собранная... казалось, просчитывает что-то в голове.

— А? — будто очнулась.

— Что делать, говорю, будем, Вер?

Заговорила. Словно сама с собой...

— До родового не довезти. Можно в поселок. Неделя пути, сама. А какая тогда разница, где хоронить? Что там, что здесь... — чужое. Говорил — где помру, там и схоронишь. Пригорок есть. Там. Завтра надо. Хальмер нужно сделать. Ну... гроб, по-вашему. Поможете? Я расскажу, как...

— Конечно, Вер. Только из чего?

— Я сейчас его зашью. За оленями пойду. Они недалеко пасутся. Километр. Там доски есть. На хальмер хватит. Я их на нартах привезу.

— Вот оно что! А я-то все удивлялся, а спросить не успел; как же так: нарты, шкуры, рога — а самих оленей нет? Может, с тобой сходить, помочь?

— Нет. Сама. Оленей распугаете.

— А нам-то что пока делать? — спросил Вадим.

— Сейчас! Ждите! — сорвалась с места. В чум. Вернулась с ружьем.

— Андрей, приклад отвинтить сможете?

— Попробую...

Снова ушла. Вернулась с ножом и топором. Положила перед Вадимом. Взяла еще один топор, что торчал в бревне возле костра.

— Вадим, топор и нож надо тупыми сделать. Бей по лезвиям, — протягивает топор. — Нож сломается — хорошо!

— Зачем? — вырвалось у Вадима.

— Ему с собой. Надо. Мир мертвых — это обратный мир. У нас нож острый — там тупой. У нас ружье стреляет — там нет. Один приклад положим. Он там будет пользоваться этими вещами. Они по-другому будут работать там. Ну... Я пойду, зашью его, а то время идет.

— Подожди, Вера, — обратился к ней Андрей. — С дедушкой — все понятно. А ты сама дальше как? Потом. С нами до поселка, по реке?

— Нет. Становище соберу и оленей в поселок погоню, сама.

— Ты хорошо подумала? Справишься одна? Нам ведь плыть надо.

— Да.

Это был его день! Его удача! Но через пик удачи Виталий уже перевалил — чувствовал. Все равно на душе было хорошо, радостно. Только ноги замерзли — залил болотники. Пора было свертываться и потихоньку возвращаться. Но эта штука не давала уйти!

Двух он уже взял. Одна — здоровая, почти под метр; другая — так себе, щуренок. И шли легко. Снулые какие-то они здесь были. Большая, правда, попыталась дернуться — развернулась большим телом, выгнулась дугой, сопротивляясь натягу лески, рвала блесну из горла — но уже у самого берега, почти у ног. Поздно! Отбросил

спиннинг, упал на колени в воду, загреб двумя руками — поперек — и рывком выбросил на берег. Вот тогда сапоги и залил.

Вода в озере — черная, застывшая. Лишь у самой поверхности становится светло-коричневой — высвечена солнцем. Какое-то растение разбросало листья под водой, стебель теряется в черноте, в глубине.

Чуть подрагивает леска, вонзившаяся в воду. Блесна! Вот она! Вертится под водой, поворачивается вокруг своей оси, играет золотым окрасом. Следом щучка! В десяти сантиметрах от нее блесна. Идет за вертящейся золотой рыбешкой, как за гипнотизированная, как привязанная. Блесна уже у ног. Некуда дальше тянуть. Развернулась щучка — медленно. Показала серый бок — видно подбрюшье, усеянное пятнами. Ушла на глубину.

Ну! Еще один заброс — и все.

Вдруг поймал себя на мысли, что, если в этот раз щучка возьмет блесну, он расстроится. Испорчен будет день.

Сначала из темноты выскочила вертящаяся золотая блесна, за ней вышла щучка. Остановилась блесна, остановилась щучка. Замерла. Не уходит, солнцем в воде высвечена.

— Плыви, плыви! Ты победила! — вслух произнес Виталий.

Притопнул ногой, взбаламутил воду — изогнулась, как от удара, метнулась на глубину. Рюкзак, ружье через плечо, кулан с рыбой в руке — хвост большой щуки по земле волочится — двинулся к торчащему вдали хлысту. Это он у отца научился, когда на болотах охотились, ориентиры ставить. Конечно, есть компас, можно и по солнцу определиться, но куда надежнее зарубки на деревьях или вот такие хлысты. Их видно издали.

Дошел. Увидел следующий. Обернулся посмотреть на озеро. Серо-зелеными волнами уходила во все стороны тундра. Темным, почти черным пятном — блюдце озера. Поднявшийся ветер погнал облака — поползли по небу, отбрасывая теневые пятна, которые медленно перемещались, меняя цвет тундры от светло-зеленого до черно-белого.

До реки дошел быстро. Привычно катилась мимо вода... Лодка, лес на другой стороне — будто домой вернулся.

По колено в воде, оскальзываясь на камнях, тянул за веревку лодку вверх по течению. Клял себя за леность — почему не перетащил сразу, когда приплыл? Поднялся метров на сто выше, вытащил нос лодки на камни — сел рядом, дышит тяжело — передохнуть надо. Представлял, как сейчас зайвится в лагерь с куланом со щуками!

Кряхтя поднялся — устал все-таки... Положил ружье в нос лодки. Обмыл щук в воде — налип сор, пока нес. Их — на корму. На дне лодки плескалась вода. Мочить рюкзак не хотелось. Пустой ведь — термос да коробка с блеснами. Надел рюкзак — вроде не мешает — тут грести-то совсем ничего...

Развернул нос лодки против течения, оттолкнулся, вскочил коленями на баллон и, путаясь в полах плаща, — на середину, на скамейку, за весла. Лодка пустая, легкая. Пока усаживался, уже развернуло по течению. Выправил. Резкими короткими гребками погнал лодку к другому берегу.

Середина реки. Сносит все-таки... Правая устала — этой рукой приходилось загребать сильнее.

Громкий хлопок за спиной.

Нос лодки словно взорвался. Одновременно — хлесткий звук выстрела.

Оглянулся: пустая каменистая коса, за ней кусты — не шелохнутся.

Здоровый клок вырван из баллона. Левый борт сразу обмяк, еще чуть-чуть — и воздуха совсем не останется. Хлынула вода в лодку. Судорожно попытался скинуть рюкзак. Рука не пролезала в лямку. Чуть отклонился, помогая телом, лодка нырнула

сдутым бортом, и он боком повалился в воду. Падая, перебирая ногами, отпихнул ее от себя.

Успел глотнуть воздуха, прежде чем погрузился с головой. Вода обожгла холодом — но это было уже неважно. Сапоги, ватник, плащ и рюкзак, сковавший руки, не давали двигаться, грести, бороться.

Один раз все же вынырнул. С хрипом втянул воздух. Перед глазами — рябь на воде и в двух метрах осевший борт оранжевой лодки. Судорожно ворочался, уходя на глубину, словно снулая рыба.

Тело так и не всплывет — затянет под камень, и оно прочно застрянет там.

Выстрел прозвучал неожиданно. Оглушительно громко. Совсем рядом.

С бешеным лаем метнулись к реке собаки. Прокатились по поляне черно-белым комом и исчезли в перелеске.

Еще выстрел.

Лай перешел в визгливый скулеж и стих.

«Виталья, что? Совсем охренел?» — пронеслось в голове у Кольки. Он так и остался сидеть возле палатки с дымящейся сигаретой, зажатой в пальцах. Успел только развернуться всем телом к реке, откуда прозвучали выстрелы.

Андрей, пристроившись на солнышке, на нартах, возле чума, отвинчивал приклад. Последний винт остался — не шел никак, хоть тресни!

Услышав выстрелы, непонимающе вскинул голову. Отложил ружье. Встал, вглядываясь в черное переплетение веток, усеянных листвой, — лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь них, били в глаза.

Выстрел.

С другого места — со стороны прогала, выходящего к реке. И звук другой — сухой, хлесткий. Но осознать это он уже не успел. Пуля вошла в левый глаз. Прожгла мозг.

Он еще стоял на ногах, но уже ничего не чувствовал.

Занавес закрылся.

Вера, стоя на коленях, согнулась над завернутым в шкуры телом деда. Большой иглой, крупными редкими стежками зашивала полотнище. Шила от себя, как учила тетка, — та перед смертью все и твердила о том, как правильно ее похоронить. Сил проткнуть старые шкуры не хватало, приходилось пользоваться деревянной колобашкой — ею продавливала иглу.

Сейчас на душе было спокойно. Дед совсем не страшный, просто беспомощный сейчас. Появилась ясность, что и как делать дальше.

Сам процесс похорон не пугал. Все свершилось. Осталось собрать деда в путь. Эти помогут, они добрые. Да и одна бы справилась. А потом соберет становище, погрузит скарб на нарты и... тоже в путь.

В чуме было привычно уютно. Вот только... дыра в стене от снятых шкур — через нее деда надо выносить — тревожила ярким непривычным для чума пятном. Старалась повернуться боком, чтобы не видеть.

Выстрелы прозвучали, когда с силой продавливала иглу. Вздогнула, соскочила колобашка с ушка иглы. Первый, второй и с задержкой третий.

С сухим щелчком треснул шест над головой.

А напротив — дырка от пули маленькая, в нее словно фонариком светят.

Метнулась к выходу. Откинула полог. С разгона споткнулась о ноги лежащего Андрея — промельком ухватила взглядом развороченный кроваво-белый затылок.

Смешно, на карачках, перебирая руками по земле, чтобы не упасть, поползла к костру, возле которого с глупым застывшим выражением лица сидел Вадим.

— Ложись! — крикнуть не получилось. Прохрипела.

Удержала равновесие. Выпрямилась. За плечо Вадима, за энцефалитку. Рванула. Повалились на землю вместе.

Выстрел. Взметнулось облачко пепла, вышибло головешку из костра, отлетела в сторону.

Вера не отпускает Вадима, вцепилась в энцефалитку намертво, пальцы не разжать. Привстала на колени, тянет Вадима за собой — тот не поддается, словно неживой.

И этот — у палатки — тоже встает, но медленно. Согнулся весь, голову вобрал в плечи.

— Беги! — закричала звонко, истошно.

Вадим очнулся от Вериного крика.

Почему он на земле? Вырваться! Кто-то держит, не дает подняться.

— Беги! Ну же!

Это она — мне... Она меня тянет! Поднялся на ноги, побежал. Не соображая — куда, зачем? За ней! Не отстать!

Колька видел: как Андрей поднялся, услышав выстрелы; как резко дернулась его голова и вместо глаза вдруг образовалась черная дыра; как развернулось и рухнуло на землю тело.

Он не слышал, что ему кричала Вера. Страх обморочный, жуткий затопил сознание. И разрядом молнии внутри этого черного сгустка: «Бежать!» Не раздумывая сорвался с места. Пересек поляну, с разгона налетел на шест, к которому была привязана веревка с вялившимися на солнце бурыми шматами оленины, сшиб его, чуть не упал, выправился в беге и врубился с ходу в спасительные лесные заросли.

Вера бежала следом. Тянула Вадима за собой. Медленно! Как он медленно — еле ноги передвигает. Сшиб шест. Веревка. Не споткнуться, не упасть! Машинально, не раздумывая, нагнулась, подхватила кусок оленины, валявшийся на земле.

Почему не стреляют?

Еще чуть-чуть! Вот уже деревья!

Больно хлестнула по лицу ветка. Не успела уклониться. Впереди, между стволами, мелькала спина Николая — бежал, не разбирая дороги, ломился сквозь заросли, только хруст стоял.

И они с Вадимом — за ним, стараясь не отстать.

Часть II. Оттуда...

Бег ради спасения — это уже не человеческий бег — это бег ради бега — без направления, без ощущения передвижения в пространстве. Несись! Не чувствуй, как ветки хлещут по лицу, проламывайся сквозь сучья, перепрыгивай, не замечая, поваленные стволы — беги!

Запнулся о корень, упал, а ноги продолжают слезить по земле, рвут беломошник, оставляя черные рытвины. Бежать! И только сейчас, с трудом, с хрипом, со стоном вдохнул — казалось, заново учился дышать — заталкивал в себя воздух. Будто ватой забили горло — не дает вдохнуть!

Сплюнул то, что клочкотало в горле, — потянулось вязкой слюной. Не отцепить ото рта — пришлось смахнуть рукой, оторвать эту клейкую нитку. Звук включили. Зашумел лес под порывами ветра, треск сучьев услышал, но сил приподнять голову и

оглянуться уже не хватило. Прикрыл глаза и криво улыбнулся, ощущая свое бессилие и неожиданно навалившееся безразличие.

Пропади все пропадом! Дышать, дышать!

Они не видели, как упал Колька. Просто впереди, среди раскачивающихся веток, вдруг перестала мелькать его спина. Чуть не споткнулись.

Колька лежал, уткнувшись лицом в землю. Дышал хрипло. Плечи ходили ходуном. Повалились рядом. Вера с удивлением рассматривала зажатый в руке кусок мяса с приставшими иголками, облепленный паутиной. Вадим стоял на коленях, закрывая лицо ладонями.

Колька с трудом перевернулся.

— Вы? — выдохнул с удивлением. — А это... — и замолчал.

Глаза закрыты.

— Это же не Виталья? Бред какой-то! Не мог он... — не обращается ни к кому, бубнит, словно бредит.

— Из двух мест стреляли. Ружья разные. Это не ваш товарищ... — отозвалась Вера. — Вставайте! Вдруг это наши! Ханена! В лесу нас быстро найдут. Надо к реке выходить! По воде, по камням пойдем, потом в лес.

— Какие ваши? Какая ханена? — непонимающе вскинулся Колька.

— Да не знаю я, сама, кто это! — выкрикнула с раздражением. — Потом! Уходить надо!

— Отец... — проговорил Вадим, не отнимая рук от лица.

Молчали.

— Пойдем! — Вера поднялась. — Надо подальше уйти, чтобы не нашли. Потом...

— Куда идти-то? — спросил Колька.

Оказалось, они бежали вниз по течению. Прошли метров сто по лесу, и Вера вывела их к реке. Осторожно вышли на берег. Стояли под деревьями, готовые при малейшем шорохе ринуться обратно в чащу. Было тихо. Рядом текла вода. Страшно хотелось пить.

Впереди река плавно изгибалась. Пошли вдоль кромки леса, поминутно оглядываясь. На повороте деревья подступали к самой воде, и казалось, что если успеть повернуть вслед за рекой, то можно будет наконец-то укрыться от невидимых глаз, что буравят затылок.

Колька шел первым. Спешил, спотыкался о корни. Вадим чуть подотстал, и Вера, шедшая следом, легонько подпихивала его ладонью в поясницу, словно гладила.

— Виталий! — произнес Вадим и остановился.

Вера ткнулась ему в спину.

— Да не он это! — Колька даже не обернулся. — Не он и все!

— Он же выстрелы услышит, сразу в лагерь понесется! Предупредить надо!

— Как ты его предупредишь? — Колька остановился наконец. Смотрит зло, с прищуром.

— Переплыть...

— Ага. Околеешь! Я уже плавал!

— Идти надо! — зашипела за спиной Вера. — Куда плыть? Там тундра голая! Со всех сторон видно. Уходить надо! Скорее! За поворот зайдем, дальше по воде. Вдруг у них собаки?

— Да у кого — у них?

— Не знаю! Пошли! В лес. По берегу здесь не пройти.

Заросли ивняка — плотные и тугие, ветка к ветке. Раздвигали, гнули, протискивались. Не преодолели и десяти метров, как Колька сел на землю.

— Все! Хватит! Я поплыву, — голову опустил, руки между колен свесил. — Вы идите!

— Если даже переплывете и не застрелят — куда идти? Вы не знаете, где озеро. Это мне надо... Или всем вместе. Не здесь! Здесь открыто... Пойдемте дальше. Пожалуйста!

— Ну и поплыли тогда все вместе! Мы здесь... а Виталию сейчас стрельнут! Они Андриюху вон как... За что? Что мы сделали? — Колька смотрел на них снизу-вверх, лицо кривится, моргает часто. Еще не кричит — шипит со злобой, с непониманием, но чувствуется: чуть-чуть — и сорвется.

— Пойдем, Коль. Она правильно говорит. Нельзя так... не подумав, — безучастно произнес Вадим, — полчаса ничего не решат. Давай хоть за поворот зайдем.

— Вот именно, полчаса и решат!

Но видно, что уже — все, согласился — поднялся, и они снова стали продираться сквозь заросли ивняка.

За поворотом река разливалась вольготно и ровно. Пахнуло прохладой. Туман, скопившийся в распадке, на противоположном берегу, лизал белым языком воду. Поток подхватывал, рассеивал, уносил с собой, и он стелился по воде тонкой рваной дымкой.

Солнце заваливалось к горизонту. Деревья за спиной отбрасывали длинные тени — стелились по земле, словно старались дотянуться до воды. Вечер. Начало ночи.

На берег. На кромку. На колени. Пили, пили, не могли напиться. Холодная, чистая, свежая! Камушки на дне чуть подрагивают — течет вода, дышит. Плескали на лицо, держали руки в воде, стараясь погасить зуд от укусов комаров и мошки.

Хотелось закрыть глаза — лечь и лежать, прямо здесь, на камнях, а еще лучше — заснуть под усыпляющий шорох текущей воды. Проснуться когда угодно — вчера, полгода, год назад... Но только не здесь, не сейчас...

Вера сидела на камнях, стягивала с ног чижы — длинные меховые чулки, подвязанные под коленями.

— Николай, снимайте, — указала на кроссовки. — По воде босиком идти надо. Обувь промочим — как согреемся потом? У Вадима сапоги. Нам — босиком... По воде идите, на камни не наступайте.

Оранжевое пятно впереди увидели сразу. Лодка! Их лодка!

Притерло затопленным бортом под поваленную березу, что по диагонали положило на воду. Бурлит поток, упираясь в ствол, заходится злой белой пеной, раскачиваются черные ветви. А тут еще и полусдутая лодка — длинный оранжевый пузырь встал на дороге. Злится река, топит лодку, перехлестывает через баллон, стараясь пропихнуть под поваленный ствол.

Вышли на берег возле поваленной березы. Вадим стягивал сапоги, собираясь лезть в воду.

— Сейчас я ее достану, подожди, Коль!

Колька не слушал. Скинул энцефалитку, майку. Вадим так и остался сидеть на берегу со снятым сапогом в руках. Колька вошел по пояс в воду, ухватил баллон, вытянул на себя, но подвести к берегу не смог — мешали толстые ветви поваленной березы. Крикнул, не оборачиваясь: «На берег не вытяну! Попробую обплыть эту корягу». Пятился спиной против потока, тащил за собой оранжевый баллон. Бурлила вода, не давала...

Оттянул, зашел глубже и пустил лодку по течению — сам за баллон держится. Пронесло, подминая верхушку березы. Встал на ноги. Тащит медленно к берегу. Вадим подбежал. Вдвоем выволокли.

Лодка баллоном надутым — на камнях, а другой — сдутый — по воде полощется, и дырища в нем — клочья рвано выдраны в две ладони величиной.

Нагнулся Вадим. Зашарил рукой в складках между надутым баллоном и днищем лодки — вытащил спиннинг. Виталин...

— Вот и не надо куда-то плыть, — произнес Колька. — Его тоже...

— Одевайтесь. В лес уходить надо, — поторопила Вера.

— А лодка? — спросил Вадим.

— Давайте отпихнем. Чем дальше ее унесет, тем лучше.

Колька, дрожа всем телом, одевался. Быстро темнело. Урчал поток, путаясь в ветвях поваленной березы.

— Сейчас... — сказал Вадим. — Я только еще раз гляну...

Стоял, пытаясь что-то рассмотреть в переплетении веток, шевелящихся в темной воде. Со спины подошел Колька.

— Не смотри... Нет там ничего. Я, когда лодку тащил, тоже об этом подумал. Нет его здесь.

В лесу, под деревьями, было темно. Они уходили все дальше и дальше от реки. Наконец остановилась.

На краю крохотной полянки — ель, не высокая, но разлапистая. Присела Вера на корточки, лапы еловые перебирает, ощупывает, будто ищет что...

— Вадим! Обломай эти ветки. Вот здесь, у ствола. Николай, лапник нужно. Много.

— Костер бы разжечь... — с тоской проговорил Вадим.

— Нельзя! Да и спичек нет... — сказала Вера.

Колька, обдирая руки и матерясь, с остервенением ломал лапник. Вдруг поймал себя на мысли, что командует девчонка-ненька, а он бездумно подчиняется. Это он-то! Который всегда сам принимает решения и, если считает нужным, идет напролом, против всех! Странно. Хотя... Лес — она тут дома. И устал очень. Поспать бы... И закурить! Никотиновое голодание. Сигареты в палатке остались. Закрыв на секунду глаза, представил, как вдыхает горько-горячий дым. Сгреб лапник в охапку, прижал к животу, потащил в темноту, к елке, где на коленях ползала Вера.

Она выломала две рогатки и подсунула под нависающие лапы ели, приподнимая их. Получилось подобие шалаша. На земле расстелила лапник, который приволок Колька. Копытилась. Мужчины сидели молча рядом, ждали, когда закончит.

— Все! Можно ложиться.

— Какой ложиться, Вера! Давай поговорим. Должны же мы понять, что происходит? Что дальше будем делать? — несмотря на усталость, Колька начал злиться.

— Хорошо.

Вадим не реагировал уже ни на что. От усталости хотелось плакать. Хотелось повалиться набок, свернуться калачиком и не шевелиться. Пускай они говорят, решают... Он просто полежит чуть-чуть.

— Ладно... — Колька ожесточенно расчесывал щеку. — Только давайте не будем все валить в одну кучу. Три основных вопроса: кто? за что? и что нам делать дальше? Вера, ты что-то про чужих и своих говорила... Что скажешь?

Вера сидела на корточках напротив Николая.

— Кто — не знаю. Река пустая. Наши — неньки — иногда заходят, но редко. Местные, с низовья, так высоко не поднимаются. Зачем нашим стрелять? Рыбнадзор? Он на вертолете. Хитники? Ну... те, которые камни ищут. Еще? Зеки? Беглые — эти могут... Только...

Замолчала.

— Ну? — поторопил ее Колька.

— Если побег, они к железке идут. К железной дороге. Уехать далеко. Сюда зачем?

— А эти... собиратели камней? — спросил Вадим. — Что за люди?

— Не знаю. Старшие говорят — за агатами ходят.

— Почему они сразу стрелять начали? Почему? — с надрывом произнес Колька. — Не понимаю! Мы-то им точно нигде дорогу не перебежали... Вера, может, это все-таки ваши разборки? Почему вы здесь со стариком вдвоем оказались?

Вера молчала.

— Что делать будем? — спросил Вадим. — Как дальше?

— Уходить! — просто ответила Вера.

— Как уходить? А Виталя, Андрей, дед твой? — зло заговорил Колька. — Куда мы пойдем? Похоронить надо! С Виталием не ясно... Может, он жив? Вадим, ты что думаешь?

— Я не хочу уходить. Не могу...

Колька задумался.

— Переночуем, а утром, совсем рано утром, пойдем к лагерю. Надо посмотреть, что там? Вера, мы сможем так подойти, чтобы нас не заметили?

— Ждать будут. Они думают, мы вернемся.

— Хорошо. Тогда ты только подведи меня, чтобы я сориентировался. Дальше — я сам, а вы с Вадимом подождете.

— Я тоже пойду!

— Не гоношись, Вадим. Давай все завтра, по месту.

— Вы мужчины, вам решать, — заговорила Вера. — Я бы ушла. Была бы одна — ушла! Это лес! Здесь все по-другому... Опасно, непонятно — надо уходить!

— Ну так и уходи! — не дал ей договорить Колька.

— Не могу — не одна.

Холодно, очень холодно! Так холодно, что трясло.

Проваливались в сон на какие-то считанные минуты и не понимали, что проваливаются, казалось, что заснуть не удастся. Мучительное бодрствование на границе яви и сна. Вертелись. Спасаясь от холода, теснее прижимались друг к другу. Вадим стонал и всхлипывал.

Утро наваливалось сверху ватной серостью. Вадим не выдержал первым. Выполз со стоном из-под ели. Остальные потянулись следом.

Серость разлилась между деревьями, словно мокрое белье сушить повесили. Колька и Вадим сидели на земле друг напротив друга и ожесточенно чесались. Лица — красные, опухли от укусов мошки, глаза — щелочки.

— Уходим? — спросила Вера, старательно приглаживая растрепанные волосы.

— Нет! — зло буркнул Колька. — Выведи нас к реке.

Они вышли из леса и остановились. Реки не было. Вернее, была узкая пятиметровая полоса воды около берега. За ней — серая стена тумана вздымалась вверх; казалось, упирается в такое же серое небо. И было тихо. Необычно тихо.

Вадим оглянулся. Деревья, из-под которых они вышли, стояли по колено в тумане. Закружилась голова. Крошечный пятachок земли, и нет ничего вокруг, серая пустота. Все исчезло, растворилось в тумане.

— Я вот думаю, зря мы лодку утопили, — задумчиво произнес Колька. — Можно было плот соорудить, по реке сплавиться.

— Ш-ш-ш! — Вера схватила его за руку.

Замерли.

Скрип какой-то. Снова. Всплеск — словно большая рыба.

— В лес! Пригнитесь! — возбужденно зашептала Вера. — Ш-ш-ш!

Отступали к деревьям, спотыкаясь о камни.

Закашлялся кто-то в тумане. Совсем рядом!

И окатило страхом.

— Ложись! — прошептала Вера и потянула Вадима вниз за полу энцефалитки. — Замри!

Колька уже был возле деревьев.

Лодка возникла неожиданно. Вывалилась оранжевым носом из тумана. Их лодка! Вдоль берега. Совсем рядом.

Двое.

Один — на корме — в плаще брезентовом, шапочка спортивная на голове, ружье в руках — стволами на берег направлено, другой — на веслах — подправляет ход лодки — ватник черный на нем, нараспашку, тельняшку под ним видно, стрижен коротко и седина.

Вынырнула лодка из тумана и тут же ушла обратно в туман.

И тихо вокруг. Снова тихо!

— Не наши, — прошептала Вера.

Вадиму показалось, что произнесла с облегчением.

Крадучись, со спины подошел Колька. Присел рядом на корточки.

— Видели?

— Да. Двое. У одного ружье.

— То, что двое — я тоже видел. И лодка — наша. Они уплыли! Надо в лагерь возвращаться!

Вадима трясло. Навалился настоящий страх. Они ведь хотели подойти к воде и умыться — остудить горящее от укусов лицо. Если бы тот не закашлялся? Если бы не услышали? Вывалилась бы лодка из тумана в пяти метрах от них, сидящих на корточках. Этот бы не промахнулся! Да и они бы не дернулись... не успели бы.

Сжимал кулаки до боли в пальцах, дышал глубоко, стараясь успокоиться.

— Уплыли... — задумчиво произнесла Вера. — Вниз... Там ждать будут.

Колька не слушал.

— Вера! Мы аккуратно. Мы издали посмотрим.

Шальная мысль полыхнула — сейчас вернемся, а у костра Андрюха с Виталием чай гоняют, нас дожидаются. И солнце там светит. Тепло! Палатки, спальники. Первым делом — сигареты! И закурить! Затяжку за затяжкой, чтобы голова закружилась! А потом уже к ребятам, к костру.

Вышли на край прогала, через который из лагеря было видно реку.

Взошло солнце — тусклый размытый шар — будто лампочку включили в насквозь прокуренной комнате.

Медленно, на корточках, на карачках, убирая сухие ветки, что попадались на пути и могли хрустнуть под ногой, подбирались к стволу поваленного дерева — за ним можно было укрыться и наконец спокойно оглядеться.

Добрались до поваленного дерева. Залегли. Вадим с Николаем — рядом, Вера — чуть в стороне. Сквозь выбеленные солнцем сучья, облепленные клочьями мха и свисающей паутины, разглядывали лагерь.

Чум, палатки, черное пятно кострища, нарты, разбросанные вещи — как будто ничего не произошло вчера. Пусто только... Тревожно как-то... И костер не дымит.

— Андрея нет! — шепнул Колька Вадиму.

Тот кивнул — мол, сам вижу.

Лежали за поваленным деревом долго — может, час. Изредка поглядывали, но в основном слушали — слушали лес вокруг себя. Поначалу вздрагивали от каждого шороха, от неожиданного звука. Скрип дерева, перепархивание птицы с ветки на ветку отзывались волной страха, что мгновенно прокатывал по телу от затылка до пяток. Потом привыкли. Это был голос леса.

Колька замер, уткнувшись лицом в локтевой сгиб руки. Казалось, спит.

Вадим лежал на спине, рассматривал белесое небо над головой, замершие ветви деревьев. Пока шли — согрелись. Навалилось сонное оцепенение.

Только Вера неотрывно смотрела на палатки, на занавешенный пологом вход чума — если кто-то остался, не все уплыли, он где-то в лесу, может, прямо у них за спиной, а может, в палатке или в чуме — ждет с ружьем наизготовку, тоже прислушивается.

Колька поднялся во весь рост неожиданно, не предупредив. Просто встал и пошел в лагерь. Даже не оглянулся. Они замерли, затаились, не зная, что делать. Остановить? Кричать? Идти за ним? Колька шел спокойно, уверенно, открыто. Шаг — размашистый. Хозяин жизни!

Колька вышел на поляну. Даже по сторонам не смотрит. Не боится. Мимо потухшего кострища — к палатке. Присел на корточки, откинул полог. Выпрямился. Сигарета во рту. Прикуривает!

Выстрел прозвучал гулко, словно где-то далеко огромной дубиной ударили по стволу сухого дерева. Кольку согнуло пополам, отбросило к палатке. Сел на задницу и тут же завалился набок, ткнулся лицом в землю.

Вадим со странной застывшей гримасой на лице стал заторможенно подниматься, хотел встать, но Вера метнулась, перекатилась по земле — навалилась, вжала лицом в беломошник, зашептала сбивчиво: «Тихо... Лежи, лежи, милый. Уже все... Лежи, пожалуйста! Все хорошо будет!»

Вадима била дрожь, сотрясала тело. Вера тихонько гладила его по спине, перебирала волосы на затылке. Старалась успокоить.

Вера вдруг дернулась всем телом. «Если он видел, откуда вышел Николай? А он видел! Обязательно видел! Значит, он сейчас пробирается, подползает к ним! С какой стороны стреляли? Уходить! Скорее!»

Затрясла Вадима за плечо, зашептала: «Вадим, миленький, поползли. Скорее! Ну! Давай, давай! Ползи, пожалуйста! За мной. Только не вставай, не беги!»

Оглянулась напоследок. Николай так и лежал, скрючившись возле палатки, не шевелился.

Вера и сама не понимала, как им удалось вырваться. Ее действия не поддавались логике — знала, что поступает неправильно, но ничего с собой поделать не могла — будь что будет!

Вместо того чтобы отползать к лесу, где можно укрыться среди деревьев, они поползли почти на виду, по открытому прогалу, в сторону реки. А потом побежали вдоль берега. Не спеша, словно на обычной пробежке. И побежали не вниз, а вверх по течению. Может, нелогичность спасла их?

Вскоре лес поредел. Кустарник и редкие невысокие деревья. По берегу — тут и там навороченные каменные обломки. Уже не бежали, пробирались, перелезали через них.

Река здесь делала поворот. Поток с шумом, в ошметках белой пены, вырывался на свободу, ободравшись о вздымающийся вверх каменный бок скалы.

И они полезли — вверх и вверх. На карачках, цепляясь за спутанные ветви чапыжника, хватаясь за облепленные мхом камни. Нужно было наверх! Добраться, перевалить, и тогда они скроются из вида для тех, кто внизу, кто ищет их, преследует, хочет за чем-то убить. Доползли. Перевалили.

Открылась долина.

Река брошенным на землю серпом разрезала ее. Несущаяся внизу вода отливала сталью. По берегу реки — неопрятное, вытянутое к горизонту пятно леса, из которого они вырвались. Тундра — без конца и края, разлившаяся во все стороны пологими холмами, словно волны громадные застыли, — серая, безразличная. И на противоположном берегу, вдалеке, пятнышко — черное на сером — озеро.

Вера уже знала, куда идти. Когда они с дедом пришли сюда, она обошла окрестности. Реку хотелось увидеть сверху, почувствовать, какая она, куда течет, что там за поворотом?

Расщелина, к которой они пришли, полого начиналась на самом верху обрыва, стремительно сбегала вниз, огибая вылизанный дождями останец, который преграждал ей путь, и обрушивалась камнепадом, образуя на берегу осыпь из навороченных обломков.

Спустились вниз. Под нависающим углом останца — небольшая площадка. Теперь заметить их можно было только с берега, да и то — с противоположного. С остальных сторон прикрывала скала.

— Вот! — сказала Вера и устало опустилась на землю.

Вадим молча разглядывал нависающий над головой камень, трогал рукой.

— Садись!

Вадим присел рядом.

— Вера, это когда-нибудь закончится? Его ведь тоже застрелили?

— Да.

Про себя подумала: может, и не насмерть, может, ранен. Но от них уже ничего не зависит. Не смогут они ему помочь.

— Вы с верховья шли? С озер? — произнесла задумчиво, не ждала ответа. — Мы с дедой там были... Помнишь место? Мертвое! Камень, и вода на камнях разлита. Тучи черные. Цепляются брюхом. Туман и дождь. Нет рыбы, нет зверя, нет птицы. Деда говорил, черное место.

Замолчала.

— Ты к чему это? — спросил Вадим.

Вера тяжело вздохнула.

— Эта река Светлой называется. Она из черного места вытекает. Потом светлой становится. Живой она становится! Потому и Светлая — деда объяснял.

— И что?

— Может, она не до конца еще живой стала? Ну... мертвая еще. Поэтому все так...

— Может... — задумчиво произнес Вадим. — Хотя нам от этого не легче. Что делать будем?

— Ничего! — с вызовом произнесла. — Ждать! С этого места не уйдем. День, два, три — выдержим. Пускай ищут! Собак нет — лая не слышали. И еще... Они будут думать — мы по реке вниз пойдем. Там ждать будут. А мы не пойдем, мы здесь останемся. Пускай они уходят!

— А дальше?

На самом деле он уже не слушал, что говорила Вера. Неудержимо клонило в сон. Светило блеклое северное солнце. И не было ветра. Тепло. Наконец-то тепло! Лечь на камни, забиться под камни! Никого не видеть, ничего не помнить! Спать! Как в детстве — ладошки свести над головой — чур, я в домике! Нет меня, спрятался от всех, никто не может тронуть!

— Вера, я чуть-чуть полежу, ладно? — Повалился на бок, свернулся калачиком.

— Вадим, камни! Не надо! Они холодные, тепло высосут! Подожди! Дай куртку.

Затормошила, заставила сесть. Стягивала с него энцефалитку. Безвольно, как кукла, вскидывал руки, помогая снять. Остался в свитере — смешные белые олени бегут по синему фону. И сразу лег снова. Закрыв глаза. Провалился.

Вера по расщелине выбралась наверх. Отошла в сторону, к груде валунов, облепленных толстым слоем беломошника. Вывернула энцефалитку наизнанку, завязала узлом рукава и горло. Обдирала мох с камней, запихивала в это подобие мешка.

Вернулась. Высыпала возле спящего Вадима. Мало! Снова наверх. Принесла еще. Высыпала, разровняла. С трудом перекатила Вадима с голых камней на подстилку из

мха. Мычал во сне, стонал, всхлипывал. И снова вверх! Еще надо! Много надо. Замерзнут ночью. Повалилась на грудь мха, обняла, прижалась со спины всем телом. Уткнулась лицом в его свитер. Вдыхала запах костра и пота.

Вадим проснулся первым. Обломок камня больно впился в плечо. Попытался повернуться, но мешали Верины руки. Расцепил. Со стоном перевернулся на спину. Вера тоже зашевелилась. Закашляла. Сидели рядом. Отупевшие. Замерзшие. Голодные. Не смотрели друг на друга, не разговаривали.

Все поменялось — небо заволокли клочковатые низкие тучи. Солнце пытается пробиться, но не может — лишь блеклым размытым пятном обозначает свое присутствие.

— Это откуда? — спросил Вадим, перебирая мох, рассыпанный на камнях.

— Принесла. Мало...

— Давай еще собираем? Если много наносим — зароемся в него — все теплее будет.

— Давай. Только куртка маленькая.

— А если мы еще твой балахон приспособим? В него знаешь, сколько поместится!

— Нет, не хочу.

— Перестань, Вера! Чего стесняться? Околеем ведь ночью! Давай, чтобы тебе не обидно было, я штаны сниму — в них тоже мох носить можно!

Впервые Вера улыбнулась. Вадим смотрел на нее и вдруг почувствовал — теперь не каждый сам за себя, теперь они вместе! И куда-то разом отступило все плохое и страшное, что тащилось следом. И Вадим уже командовал, а она подчинялась. Пришла легкость. Они были молоды, и они играли. Сейчас вот строили свое гнездо, свой шалаш, свою пещеру — сами, никаких взрослых — как в детстве.

Вадим не раздумывая скинул сапоги и начал расстегивать штаны.

— Отвернись, — попросила Вера.

Стянула через голову сокуй. Осталась в белой футболке с длинным рукавом и черных трусах. Меховые чижы на ногах, подвязанные под коленом. Тянула руками майку вниз, стараясь прикрыть трусы. Не получалось.

— Пойдем!

Вадим повернулся. Какая красивая! Стесняется...

— Вера! Держи свитер! На!

— Спасибо!

Надела. Как в платьице коротком. Улыбается. На него благодарно смотрит.

— Пошли, Вера! Поползли вверх! Мы сейчас столько этого мха натаскаем!

— Ты первым!

У вершины Вера остановила Вадима.

— Подожди! Давай теперь я.

Не стал спорить. Остановился, пропустил. И лишь сейчас сообразил, почему она послала его вперед. Замер. Смотрел, как она карабкается вверх, хватаясь руками за обломки камней. Смотрел на туго обтянутую трусами попку, свитер сейчас ничего не прикрывал, на загорелые ноги, которые там, где исчезала узкая черная полоска трусов, сходились вместе. Смотрел и улыбался. Не чувствовал ничего, кроме радости от того, что видит это, что она рядом, что она такая красивая!

Вера, ползая на коленях, набивала импровизированные мешки мхом, Вадим относил. Наступило какое-то обоюдное затмение — они перестали бояться. Наверное, просто устали. Почти сутки бежали и прятались. А сейчас они вместе строили. Позабыв обо всем, строили предполагаемое будущее.

Когда Вадим поднялся в очередной раз — Веры среди камней не было. Тревожно огляделся — пусто! Только серые тучи нависают тяжело. Увидел себя со стороны —

жалкий человек на вершине обрыва, в майке, трусах и болотных сапогах, раскатанных выше колен — потерявшийся в пространстве и времени.

Вера появилась неожиданно, сбоку, из распадка, который он и не приметил. Шла к нему, спешила, почти бежала. Протягивает руку. Полная ладошка крупных ягод — морошка!

И вдруг почувствовал, как хочет есть! Рот наполнился слюной, пришлось судорожно сглатывать. Вера смотрела на него и смеялась. Брал губами с ладони ягоды, вдыхал едва различимый сладковатый запах, чувствовал тепло ее пальцев.

Шептала: «Ешь, ешь! Ягод много! Еще соберу!»

И вдруг отдернула руку. Посыпались ягоды.

— Смотри!

Вадим обернулся.

Вдалеке над лесом поднимался дым. Тянулся вверх белый столб и, поднявшись выше деревьев, подхваченный ветром, превращался в размытое облако с рваными болтающимися краями. Белый сменился черным, густым — словно плюнули вверх сажей. Разметало ветром и этот. Снова повалил белый.

— Становище жгут, — проговорила Вера.

Опустилась на колени. Заплакала.

Вадим растерялся. Смотрел на вздрагивающие плечи, на беззащитный затылок с тонкой открытой полоской кожи промеж разделенных волос, на голые колени, утопающие во мху.

Обернулась. Смотрит на него снизу вверх. Рот кривится. Трет по-детски кулачком один глаз. И капля под носом. Жалко ее — сил нет!

— Жгут! — всхлипывает, выдавливает из себя слова на выдохе. — Они там... как они? Деда! Папа твой, Николай! Как?

Причитает. Говорит про них, будто они еще живые. Присел рядом на корточки, обнял за плечи. И она — к нему, сразу, ждала — развернулась, обхватила, уткнулась лицом в плечо, всхлипывает горестно, дрожит под рукой — плачет, не может остановиться.

Зашептал, стараясь успокоить, — чуть губами уха касается, дышит горячо: «Вера! Ну не надо! Перестань! Нельзя сейчас об этом думать! Мы с ума сойдем, если будем думать об этом. Мы ничего не можем сделать, поэтому и думать не будем. Нет их! Никого нет! Есть только мы с тобой! Мы с тобой — вместе! Это главное! Ну не плачь, пожалуйста!»

Обнял крепче. Прижалась. Затихла.

Вадим продолжал говорить все, что приходило на ум, боялся остановиться: «Это даже хорошо, что они лагерь подожгли! Спешат. Значит, уходить собрались. Они там сейчас... А мы — здесь! Значит, они сюда не придут. А мы... Мы сейчас мох еще нарвем, ягод насобираем! Не замерзнем!»

Оторвалась от него, отодвинулась.

— Да? — старается улыбнуться, а губы еще подрагивают, и щеки мокрые от слез блестят.

— Да! Да! Вставай! Пойдем! Не смотри туда, не надо.

Через час начал накрапывать дождь. Клубы дыма все еще вставали над лесом.

Вера собирала ягоды, поглядывала на Вадима — тот как заведенный обдирает с камней мох, набивал мешки. С первыми каплями дождя погнала его вниз, укрыться под камень. Не хотел уходить, вошел в раж — все ему казалось, что надо еще чуть-чуть... Убедила. Нельзя промокнуть! В мокрой одежде ночью замерзнешь. Никакой мох не поможет, не согреешься.

Сразу после того, как оделись, наступило легкое отчуждение, словно отодвинулись друг от друга.

Вера пыталась восстановить ход событий. Считала выстрелы. Она уже не старалась понять — почему? А вот кто? Если это ненцы... — их бы не выпустили из лагеря и, уж тем более, не позволили бы бегать по лесу — давно нашли бы. Нет, не наши. Тогда кто?

Вадим думал обо всем сразу. Об отце, лежащем с черной дырой вместо глаза, которого уже нет, кому уже никогда не сможешь предъявить свои запоздалые претензии, что-то объяснить, доказать... О маме. Вот как? Просто войти и с порога сказать: «Отца больше нет»?

— Вадим, как они стрелять стали? — нарушила молчание Вера.

— Не понял... Что значит, как стали стрелять?

— Я в чуме была. Как? Что ты видел?

— А-а-а... Первый выстрел — он какой-то дальний был, на реке где-то, за деревьями. Собаки залаяли и туда метнулись. Следом еще один выстрел. По собаке, наверное, — она завизжала, скулила очень.

Замолчал. Вера не торопила.

— Мы ничего не понимали. Отец встал. Тут его... А дальше я плохо помню. Помоему, еще стреляли. В костер попали. Тут ты меня повалила. Побежали. А что?

Вера сидела, задумчиво пересыпая комочки мха из одной ладошки в другую. Медленно, аккуратно. Старалась, чтобы не упали на землю.

— Я думаю... первый выстрел по лодке был. Товарищ ваш возвращался, подплыл. Его заметили. Или он их заметил. Они следили, наверное. Поэтому и не стреляли по лагерю сразу. И лодку мы его на этом берегу нашли.

— Но зачем? Почему?

— Не знаю.

Знаю! Вернее, догадываюсь. Только не виноваты мы с дедой. Нельзя ему пока говорить. Но это точно не наши!

— Вера! Почему мы не можем лагерь сверху, по тундре, обойти, а дальше уже вниз по реке? Мы широкую дугу заложим, нас не заметят. Что мы здесь высиживаем? Сейчас темно станет — самое время!

Посмотрела на него, вздохнула. Знала, что придется объяснять, убеждать. Не знала, как воспримет. Заговорила медленно, старалась, чтобы одно за другое цеплялось.

— Смотри... Нельзя... Еды нет, костра нет. Голодные. Ночью холодно. Два дня не ели. Завтра уже ослабеем, идти не захочется. Когда холодно — силы быстро уходят. Путь — сто километров. Тундра. В день — двадцать километров! Но это когда сытый. Голодному не пройти. Дальше тайга начнется. Троп нет. Хорошо, если десять километров в день проходить получится. Это если голодать не будем. Ягоды, грибы — сил мало дают.

— Сколько дней идти? — не выдержав, спросил Вадим.

Вера задумалась, зашевелила губами.

— Двадцать. Но можем не дойти. Еще... Они внизу ждать будут. Мы — их видели. Не выпустят. Двое почему уплыли? Думают, мы по реке пошли. Боятся, что уйдем далеко. Упустить нас боятся.

Он не ожидал такого поворота. Казалось, все ясно — надо идти туда, где люди. Основная опасность — это те, которые по ним стреляют. Обойти, обмануть их — и вот она, прямая дорога домой!

— Здесь ждать будем. Уйдут они со становища. Уйдут! Пусть сожгли! Мы искать будем. Нож, топор. Пускай без рукояток, обгоревшие. Шкуры. Нам все сейчас нужно!

Не стала ему говорить, не хотелось обнадеживать. У них с дедом возле лагеря был устроен схрон — грубо сколоченный ящик, закрепленный на дереве, в котором прятали от мелких грызунов продукты. Наши — найдут сразу, знают, что все так

делают — надеяться нечего. А вот если пришлые, могут и не знать. Ведь там и спички есть!

— Ну хорошо. Соберем оставшееся барахло, а дальше?

— Они нас внизу на реке будут ждать. Мы по этой реке не пойдем. По другой реке выходить будем!

Вадим удивленно посмотрел на Веру — что она городит?

— Реку переплывем. На другой берег. Водораздел перейдем — два дня по тундре и выйдем к Вонге. Это река, по которой вы плыть хотели. Там они нас ждать не будут.

— А получится?

— Они не могут ждать долго. Не знают, что мы здесь. А если мы уже вниз по реке идем? Значит надо нас там ждать. Уходить им надо... Вадим! Так? Что молчишь?

— Вроде, ты все правильно говоришь...

Сейчас ей было важно, чтобы он не просто согласился, нужно было, чтобы почувствовал — этот план они придумали вместе! Дальше она сыграет на его честолюбии, попробует убедить, что этот план принадлежит ему. Он его придумал! Мужчине — это важно! Она поняла давно. Мужчины и женщины — они разные. Мужчине надо быть главным. И он обязательно захочет, немного придет в себя — и тогда... Пусть будет! Не важно... Важно, чтобы все делалось правильно.

— Вадим, встань, пожалуйста. Мох разгребу. Давай ляжем?

Вера сделала лежанку — прямоугольник из толстого слоя мха. Не поленилась, принесла камни и обложила по краям, чтобы мох не расползлся в разные стороны, когда вертеться во сне будут.

Оглянулась. Не смотрит. Провела рукой между ног, поднесла ладонь к лицу. Очень хотелось помыться, но к реке спускаться опасно. Легла так. Свернулась калачиком, на колени сокуй натянула. Затихла.

Вадим так и сидел у нее в ногах, не ложился, смотрел на дождь, на серость — как она, постепенно сгущаясь, превращается в темноту. Думал об одном — у него за спиной лежит девушка — сейчас он ляжет рядом, почувствует горячее тело, округлость бедра, маленькую грудь, уходящую в бесконечность промежности вершину темного треугольника внизу живота.

Надо лечь рядом, прижать ее к себе. О том, что дальше, он не думал. Лечь, обнять, прижать! Самому прижаться! Тесно, тесно! Зарыться лицом в ее волосы. Ощутить грудью, животом, бедрами изгиб ее тела. Задохнуться от нежности!

Медлил. Сидел, смотрел на дождь, слушал перестук капель. Не оборачивался. Не хотел себе признаться, что боится. Девятнадцать лет, второй курс института за плечами, а что он знает о женщинах? Какие они? Как надо? Там — мир, другой мир, и в него надо войти, попасть, оказаться не наблюдателем и гостем, надо сжиться с ним!

Боялся себя. Своего непредсказуемого тела, своего сумасшествия...

Тогда, в общежитии, год назад... Приехали пьяные. Как они шутили — к балеринам. Общежитие-то бывшего института культуры. Он тоже из себя опытного строил. Четырехкомнатная квартира, и там их — битком. Пашка с Жекой тут же по девице отхватили и разошлись по соседним комнатам. А он остался. Сидел за столом — стол между кроватями был поставлен. Рядом — одна; две — напротив. Выпивали. Он что-то рассказывал, смеялись. Вдруг свет погас. Неожиданно. Ничего сообразить не успел — его схватили за отвороты рубашки и куда-то потащили, через стол. И он поддался. Посыпалась посуда, стол отъехал в сторону. Смешки в темноте.

Она повалила его на себя — одна из тех, что сидела напротив. Потом до него дошло — может, это у них игра такая была — кто первый, кто успеет? Или договорились заранее...

Она сама сделала. Помогла. Обхватила, направила. Навалила его на себя. И сразу же забилась, изогнулась под ним, застонала, стала царапать спину ногтями — длинно и больно.

Он только успел окунуться во влажный жар, задохнуться, и все закончилось. Выскользнула из-под него. Закурила. За все это время не сказали друг другу ни слова — копошились молча. Было стыдно. Хотел сразу уйти. Боялся обидеть...

Вот и пойми, был он с женщиной или нет?

Поднялся на ноги. Она сразу встрепелась.

— Вадим, ты куда?

— Спи! Я сейчас...

— Не ходи далеко. Пожалуйста!

Не послушал. По осыпи полез наверх. Дождь почти перестал, мелкая водяная взвесь висела в воздухе. Стоял в этой липкой, вязкой полутьме, смотрел в ту сторону, где, ему казалось, должен находиться лагерь. Надеялся увидеть отсвет костра. Если не ушли, должны же они жечь костер? Хотя... Если поджидают — жечь не будут. Ни черта не видно!

Стоял, подставив лицо липкой мороси. Он поднялся сюда не за тем, чтобы посмотреть, горит ли костер, а чтобы еще хоть чуть-чуть оттянуть время. Сам понимал, как это смешно. Ведь хочет ее. Очень хочет!

Осторожно, стараясь не поскользнуться, придерживаясь руками за мокрые камни, спустился. Не спала. Ждала, когда вернется.

— Вадим! Сапоги сними. Мох внутрь пихай. Просохнут за ночь.

— Ага.

Лег рядом. Замерли оба. Так и лежали. Долго. Обнял. Ладонь оказалась чуть выше живота. И она сразу повернулась. Резко, всем телом. Руками лицо обхватила. Целует — мелко, быстро, словно клюет — губы, щеки, лоб, нос. Дыхание горячее. Оперся о руку, навис лицом, ищет губами ее губы.

Время остановилось, исчезло куда-то...

Только тела сплетенные, вжатые друг в друга, первые нежные прикосновения.

— Не спеши, не спеши, мой хороший! — шептала горячно, а сама спешила — целовала его грудь, обнимала, прижималась бедрами.

Его не стало. Существовало лишь тело, до последней клетки наполненное сладостной истомой и движением, направленным в никуда, в бесконечность, в ничто, рвущееся туда, сметающее все преграды — глубже, глубже! Скрутило мышцы, изогнуло судорогой тело — успел отпихнуть ее, отвалился сам.

Лежал на спине, не открывая глаз. Дышал тяжело. Тела не чувствовал, его не стало. Сознание носилось где-то в темноте.

И в этой гулкой темноте раздался шепот: «Хорошо, Вадим! Мне никогда так не было...»

Приходил в себя. Возвращался из сна, из другого, волшебного мира. Почувствовал холод, неудобный выступ камня под бедром, мерный стук бьющихся капель о камни, ее голову на своем плече — волосы щекочут щеку, тяжесть руки у себя на животе. Было бездумно хорошо!

Вера приподнялась, встала на колени.

— Вадим! Вадим... — попросила жалобно. — Отряхни, пожалуйста!

Он провел рукой по ее спине и засмеялся! И она засмеялась! Весело, открыто! Они были облеплены мхом с ног до головы — прилип к разгоряченным телам, застрял в волосах, даже во рту чувствовался привкус.

Стояли голые, на коленях, в темноте, не чувствуя холода, и было непонятно — то ли они снимают прилипшие комочки мха с тел друг у друга, то ли медленно ласкают, нежно касаясь кончиками пальцев разгоряченной кожи.

Утро отделилось от ночи лоскутным ватным одеялом. Закутало серой дождливой пеленой пространство вокруг них. Не заметили. Только тела, только сбивчивый шепот, касание рук, проникновение друг в друга.

Выгнулась телом, отпихивала от себя, крича громко, тонко, пронзительно. Испугался, отпрянул. Зажал ей ладонью рот. А она уже снова тянулась бедрами навстречу, искала его, стараясь слиться, вжаться... И вдруг заплакала — тихонечко, по-детски, всхлипывая.

— Ну что ты, мой хороший! Перестань! Пожалуйста! А то я сейчас тоже заплачу!

Улыбнулась. Уткнулась ему в подмышку. Захлюпала носом.

— Я радуюсь, ты не думай... Это само... без меня. Очень хорошо, Вадим!

Лежал, улыбался, обнимал, прижимая ее к себе, и был переполнен свалившимся на него счастьем — этой маленькой черноволосой девочкой с чуть раскосыми глазами, которая лежала рядом и сейчас, в эту минуту, принадлежала ему, была с ним одним целым.

И еще думал, что ради этих мгновений, ради этих безумных глаз и запрокинутого к небу лица, стоило Адаму с Евой попробовать то яблоко на вкус. Стать равным Богу — за это стоит расплачиваться.

Пришел в себя первым. Вынырнул из сладкого морока. Сел. С удивлением, словно впервые увидел, разглядывал уходящий вниз каменистый склон, нависающую над головой скалу, дождливую пелену тусклого дня.

Все казалось нереальным. Реальной была лишь Вера — раскинувшись лежащая рядом, замеченная мхом, с тонкой прядью черных волос, пересекавших щеку.

И хотелось есть! Очень хотелось! Решил, пока Вера спит, подняться наверх, собрать ягоды. При одном воспоминании о вкусе морошки, рот наполнился слюной. Ей принесу! Проснется — увидит — обрадуется!

Выбрался наверх. Небо над головой было густо-серым, напоминало намокшую побелку на потолке — еще чуть-чуть, и хлынет! Все замерло — ни ветерка, ни движения, даже река, казалось, не течет, тоже застыла.

Стоя на коленях, собирал крупные желто-оранжевые ягоды и нанизывал одну за другой на жесткие стебли незнакомой травы, что рваными пучками росла на краю обрыва. Подняв голову, увидел Веру. Показалось на мгновение, что смотрит на него и будто впервые видит, словно оценивает... Нет! Подбежала, запрокинула лицо, закрыла глаза, подставляя губы под поцелуй.

Обнял. Прижал к себе. Шептал на ухо: «Смотри! Смотри, какую я тебе вуснятину приготовил! Это твой завтрак, Верушка!»

Стояли, обнявшись, под тяжело нависающим серым небом, посреди полого стекающих к горизонту холмов тундры. И находились они сейчас под невидимым спасительным куполом, который не только защищал от тех, кто поджидал их где-то там, далеко внизу, но и оберегал сознание от воспоминаний, позволяя безоглядно любить друг друга.

Он кормил ее с ладони ягодами. Брала по одной, прикасалась губами к ладони, к пальцам. Замер — благодарность и нежность.

— Вадим, я к реке хочу...

— Хорошо, пойдем!

— Нет. Одна. Помыться хочу... Тебе не надо смотреть, — засмушалась, на него не смотрит, глаза отводит.

— Ладно. Давай я тебя провожу и подожду где-нибудь? Да не буду я на тебя смотреть! Пойдем.

Река была живой. Поток с шуршанием неся мимо, украшенный длинным языком белой пены по основному сливу. Среди навороченных каменных обломков нашли мелкую заводь, где вода замерла, лишь мерно дышала, лаская прибрежные камни.

Вадим ждал Веру за выступом скалы.

Вернулась трясущаяся, замерзшая, но довольная. Глаза так и сияют! Заставил ее надеть свой свитер.

Они еще долго сидели у реки. Вадим хотел спросить Веру, но боялся показаться слабым, надеялся, что она заговорит об этом первая. Что делать с мертвыми? Ведь почти три дня! Они ведь уже... От одной этой мысли его начинало трясти. Гнал, старался не думать.

Не спрашивал, и Вера молчала.

Стемнело. Начал накрапывать дождь. Холодно. Прижимались друг к другу, стараясь согреться.

— Я тебя давно хотел спросить... Когда дед умер... Ты там на берегу какое-то слово прокричала...

— Аргиш?

— Да. Что это?

Молчит. Не видно, а кажется — смотрит исподлобья.

— Сложно... Аргиш — это поезд или караван по-вашему. Мы кочевники, мы все время переезжаем с места на место. На оленях. По тундре. Вещи на нарты грузим, везем на новое место.

— Понятно. Хотя... А почему ты это слово тогда выкрикнула?

Опять молчит, только прижимается крепче. Лицо повернула — дыхание горячее. Вдохнула тяжело. Легла на спину, чуть отодвинулась, но голова все еще на его плече.

— Разные мы! Русские и ненцы... отношение к жизни. Вы оседлые. У вас дом есть. Вы уезжаете, но возвращаетесь домой. Вам есть куда вернуться. У нас нет дома. Чум не дом. Мы едем с одного становища на другое. Наша жизнь — это путь! Удобное место нашли — остановились. Но это — не дом! Мы уйдем с этого места и никогда больше сюда не вернемся.

Крупная капля прилетела откуда-то сверху, из темноты, и разбилась о его лоб. Зашевелился, отер рукой.

Вера облокотилась на локоть, нависла лицом.

— Кочевье — это Аргиш! Все: и сборы в дорогу, и переход по тундре, и поиск нового места для зимовья. И то, что с нами случается в дороге, — это тоже Аргиш. Короткая остановка, и новый Аргиш. Это путь, движение. Вся наша жизнь — Аргиш! Умер дед — закончился его Аргиш здесь. Начался новый Аргиш — в страну мертвых.

Они подошли к лагерю, когда солнце поднялось высоко. Как и в прошлый раз, зашли со стороны прогала, выходящего на реку. Чума не было. Груда обгорелых обломков на месте, где он стоял. Нет палаток. Только поляна — грязная, неопрятная, вытопанная.

Лежали за тем же поваленным деревом — ждали, всматривались, прислушивались. Все, как тогда... Только было их — двое, а не трое.

Вадим вспомнил, как Колька вдруг неожиданно встал и пошел. Может, так и надо? И будь что будет? Что мы вылеживаем? Тогда мы тоже долго ждали. И что? Если они не ушли, если там...

Додумать не дала Вера — зашептала:

— Пойду! Я женщина, они стрелять не будут! Лежи. Увидят, что одна — выйдут. Может, они стреляют, потому что сами боятся. Меня не испугаются — девчонка...

— Нет! Как-то это неправильно. Не хочу тебя одну отпускать. Вместе пойдем!

— Вадим, подумай! Зачем вдвоем?

Очень хотелось с ней согласиться — пусть командует. Лежать за деревом, не высовываться — просто ждать. И нужно-то всего лишь самому поверить, что она права, — все логично: ведь действительно больше шансов, что в девчонку стрелять не

будут, вот пусть и идет. Знал, что если отпустит ее одну — все будет кончено! Ему не быть рядом с ней. Больше того, непонятно — как он с этим сможет жить дальше?

— Вера! Нет! Даже если все будет, как ты говоришь... Они ведь тебя не отпустят, а мне что делать? Обратно бежать? Под камнем прятаться?

Лежит рядом, плечом прижимается. Молчит.

— Нам обязательно надо в лагерь? Так?

— Да.

— Вот и пойдем вместе! Сейчас встанем и пойдем! Нет там никого, я уверен, ушли они! Ну? Встаем!

«Ага. Как Колька...» — подумал про себя.

Шли открыто, не пригибаясь. Вера старалась идти на шаг впереди, словно собой прикрывала. Он не ждал выстрела. Отчего-то верил, что прав, — нет там никого, ушли. От другого щемило сердце, и страх липким потом проступал на коже. Боялся увидеть трупы. Где они? Сжечь же их не могли? Это какой костер нужен? Закопали? Вряд ли... Не станут возиться. Свалили где-нибудь в кучу и забросали ветками. А нам что делать?

Вышли на середину поляны. Остановились.

Из кустов выпорхнула какая-то мелкая птица. Быстрым зигзагом очертила поляну и уселась на ветку дерева.

Они простояли несколько минут, не двигаясь, словно специально предлагая себя тем, кто их выслеживает. Да и самим нужно было убедиться, что кроме них здесь никого нет. Тогда можно начинать что-то делать — поверив, что будешь жить дальше.

Вадим затравленно озирался — искал взглядом и боялся увидеть...

Огромное кострище вместо чума. Черная обгорелая печка — посередине; вон — бок чайника выглядывает среди головешек. На земле разбросаны обгорелые шкуры, какие-то тряпки. Два пятна примятого беломошника под деревьями, где стояли палатки.

Вера быстрым шагом пересекла поляну. Пошла вдоль мелкой поросли кустов, что росли по краю. Смотрит внимательно, будто ищет. Присела на корточки, зашарила руками в переплетении веток. Распрямилась — держит в руках что-то. Обернулась — показывает.

«Это же кусок оленины! — сообразил Вадим. — Точно! Мы же через эти кусты бежали, когда Колька шест сшиб».

Медленно обходили поляну, двигаясь навстречу друг другу. Ничего больше не обнаружили.

— Вера, а как ты думаешь, куда они... — правильное слово никак не подыскивалось, — ...тела?

— Не знаю. Не думай об этом.

— Что значит — не думай? А когда думать? — начал злиться, но Вера не обращала внимания.

— Вадим, я к реке пойду. Посмотреть надо... Найди палку. Разгребай кострище. Что найдешь — складывай в кучу. Следов вашего лагеря нет! — задумчиво осмотрела поляну. — Палатки, спальники, рюкзаки... Продукты где? Ничего нет! Словно вас здесь и не было!

Красно-бурый кусок мяса у Веры в руках притягивал взгляд. Есть хотелось до одури! Лишь две мысли спутанным клубком носились в пустой голове: «где тела?» и «мясо!»

— Давай съедим? — слотнул подступившую слюну.

Оторвала зубами от куска длинную узкую полосу. Сунула остаток в руки Вадима.

— Ешь! Я — к реке.

Сидел на земле, рвал зубами мясо, жевал, глотал, не чувствуя вкуса. Машинально, шелчком, сбил паучка, который полз по запястью. Улетел в траву. Убил? Может, и убил... Что-нибудь изменилось? Бабочка Брэдбери — полная фигня! Смерть не

привносит в этот мир ничего! Не меняет его! Смерть — это просто пустота. Щелкнул пальцем — улетел паучок, кто-то щелкнет — улечу и я.

— Вадим! — послышался голос Веры. — Вадим, иди сюда! Смотри! — указывает на тропинку.

Широкой полосой мох с земли сорван, ветви кустов по краям обломаны и примяты. Волокли что-то по земле большое...

Берег. Река безучастно неслась мимо. Едва слышно шипела вода в камнях, возле ног.

— Тела в воду бросили, — произнесла Вера. — На лодке, подальше от берега отвезли...

Вадим молча смотрел на текущую мимо воду и вдруг почувствовал облегчение. Чуть ли не радостью полыхнуло в сознании: «Он не увидит! Не увидит, какими они стали!»

— Ваши вещи, рюкзаки тоже утопили. Что-то сожгли, остальное — в воду! Вода и огонь — спрячут. Вас здесь не было.

Веру волновал схрон. Сейчас это было главным. Если он разграблен, им тяжело придется. Совсем тяжело.

— Иди в лагерь, — попросила она Вадима, — я догоню, ладно?

Схрон был цел! Деревянный ящик, закрепленный среди ветвей ивы, стоящей на берегу. Схрон — не от людей, от мелких грызунов. Холщовые мешочки с мукой и гречкой, пачка сахара и спички! Два коробка, тщательно завернутые в целлофан, перехваченные синей изолентой. Продуктов, конечно, мало... но главное — спички!

Забрала все, что было, понесла в лагерь, прижимая к груди.

— Смотри! — вывалила перед ним.

— Здорово! Теперь заживем! Сахар! — притянул к себе, поцеловал. — Только... Давай мы здесь ночевать не останемся? Не могу я здесь... Тяжело. Давит все!

— Конечно, не останемся! Соберем нужное и уйдем. Тебе совсем плохо?

Внимательно смотрела на него — бледный, глаза тусклые, неживые, круги... кадык выпирает. Худой, потерянный. Жалко его стало, но что поделаешь?

Почти не разговаривали. Вадим копался на пожарище, выуживая останки того, что не сгорело. Складывал рядом в кучу и все боялся наткнуться на обгорелые кости — вдруг старика оставили в чуме? А что? Поленились тащить — вот и сожгли.

Вера шарила по кустам вокруг лагеря — словно грибы искала — собирала обгоревшие тряпки и шкуры.

Вера была довольна — хоть что-то у них появилось! Рванный холщовый мешок — дыру можно перевязать веревкой. Котелок. Был еще чайник, но его решили не брать — чая все равно нет, зачем он тогда нужен? Две ложки. Нож без ручки, но веревкой перемотать можно — вот и пользуйся. Топор! Правда, без топорща, и Вера не была уверена, что Вадим сможет что-то с ним сделать, хотя тот обещал что-нибудь придумать. Лопата. Вадим не понимал, зачем ее брать, но Вера настояла. Несколько целых оленьих шкур и даже одно одеяло, чуть обгоревшее с краю. Но главное, она нашла веревки! Много! Эти... — они просто посбивали колья, на которых сушились рыба и мясо, висели сети. Сети, мясо и рыбу — забрали. Но веревки не забрали, бросили, лень было возиться!

Вернулись к себе уже под вечер. Жгли костер, не опасаясь, что заметят. Огонь можно разглядеть лишь с другого берега. Вадим с интересом наблюдал, как Вера размешивала муку в воде — белая мутная жижа металась по черным стенкам котелка, когда Вера перемешивала палкой.

— На! — сунула ему в руки две таблетки. — Разотри.

— Что это? Зачем?

— Сода.

— Лопату дай! — попросила, когда растертые таблетки растворились в мучной болтушке.

Палкой сдвинула в сторону горящие сучья. Сгребла угли в кучу. На угли — лопату. Вадим смотрел на нее и удивлялся, как у нее ловко получается! Все умеет! Откуда-то у нее в руках горсть красных ягод. Давит их — сок капает на лопату, шипит. Льет из котелка понемногу. Белый плевочек растекается по раскаленному железу. Похоже на оладушек! И сразу щепкой поддевает, не дает намертво пригореть. Переворачивает — это уже никакой не оладушек, это серо-черный комок сырого теста — и снова поддевает щепкой, не давая пригореть окончательно. Готово! Сгребла комок в крышку от чайника, которую они все-таки забрали с собой, — это теперь у них миска. Дует! Губы в трубочку вытянула, щеки круглые — смешная, серьезная!

— На! — протягивает. — Пробуй!

Тесто. Полусырое, несоленое, но горячее! Забытый уже вкус! Еще!

— Как?

— Вкусно! Очень! Вера, давай много напечем!

— Конечно! У нас много! — показывает на болтушку в котелке. — Соли нет...

Сидели рядом, смотрели на пламя. Рука Вадима на коленке у Веры. Чуть поглаживает, чувствует нежность кожи с внутренней стороны, и хочется вести руку дальше, вдоль по ноге, и... дотронувшись, провалиться в бездумное отчаянное желание, легко стирающее время и пространство.

За спиной — освещенное отблеском костра их лежбище, построенное Верой, — шкуры, тряпье, одеяло! Он знал, что все так и случится. Поэтому не спешил. Оцепенение у обоих — от тепла, оттого, что они есть друг у друга и что они сейчас, стоит им только захотеть, снова станут одним целым.

— Завтра уходим. Нам на другую сторону надо... — Вера заговорила медленно, словно сквозь сон. — Плавать не умею, сама.

— Что?! — сонное оцепенение слетело враз. — Совсем? Как же тогда?

Молчит. На огонь смотрит.

— А нам точно надо на другой берег? Может, мы по этому все-таки выходить будем?

— Из наших почти никто плавать не умеет. Возле моря жила. Родители — рыбаки. Никто плавать не умел. Так в море и выходили. Вода очень холодная. Лето короткое. Как тут плавать научиться? — вздохнула горестно. — У вас — пляжи, бассейны...

Повернулась к нему; кажется, сейчас заплачет.

— На другой берег надо! Здесь убьют!

Вадим почти не слушал, судорожно соображал.

— Вера, а может плот сделать?

— Вадим! Как? Из чего? Даже топора нет.

— Топор я завтра попробую сделать!

— Времени нет! Вдруг они вернуться? Ты хорошо плаваешь? Один речку переплыть сможешь?

— Да. Но без тебя — не поплыву!

Не слушала.

— Вещи. Их тоже надо на тот берег. Надо завтра. Утром. Днем — солнце, тепло. Согреемся.

Встала. Подкинула веток в костер.

— Пойдем спать, Вадим!

Легли и замерли. Что-то сломалось. Навалилось это завтра. Чертово завтра! И каждый думал, как же им быть, что нужно сделать, перебирал в голове варианты.

Вадим очнулся первым. Да пропади все пропадом! Она рядом! Вот она. Моя рука

у нее на бедре! Заворочался. Приподнялся на руке, навис сверху, зашептал: «Вера! Вера... Перестань! Не думай ни о чем. Иди ко мне!» Искал губами ее губы.

Вера разбудила еще до рассвета. Под камнем — сумрак, а впереди — серая кисейная занавесь болтается. Черное кострище у входа едва дымит остатками головешек — дымок слабый, тонкий, понизу стелется.

Спать хотелось так, что, казалось, никакая сила не поднимет. Первая ночь в тепле. Уснул — как провалился, и выбраться из сна сил не хватало.

А вот Вера была собрана и серьезна. Не обращая внимания на лежащего Вадима, собирала вещи. Сложила в мешок раскиданную мелочевку и продукты. Молча стащила с Вадима одеяло, сложила пополам, стала скатывать, прижимая к земле коленями, — получилась тугая свертка — обмотала веревкой.

Без одеяла — холодно. Делать ничего не хотелось. Сел. Натянул сапоги. Не знал, чем себя занять. Вера сразу же начала свертывать шкуры, на которых спали. Чувствовал себя лишним, мешающим. Решил оживить костер, стал ломать мелкие сухие ветки. Но Вера тут же прикрикнула:

— Не надо! Костер разжигать не будем. Сразу уходим.

Пожал плечами и отвернулся — хорошо, уходим так уходим...

В лагерь не заходили. Прошли мимо, берегом. Метров через триста Вера остановилась и сбросила тук с тряпьем на камни.

— Здесь! Вон там... у того берега. Рябь мелкая — будто язык в реку протянулся. Отмель. Встать на ноги можно.

Заглянула ему в глаза, снизу-вверх. И только сейчас он понял, что она просто волнуется, боится! Вся ее собранность и отстраненность — это просто неуверенность в себе, в своих силах. Сразу как-то полегчало. Уверенность в себе почувствовал. И река уже зашумела по-другому — не враждебно, а привычно, словно возле проезжей части стоишь — машины несутся мимо, а ты их не замечаешь, привык. И солнце вон вылезло! Хороший день будет. Все будет хорошо!

— Вера! А как ты эту стремнину переплывешь? Здесь же метров тридцать и смотри, какой бурун стоит!

— Подожди! Ты сам сможешь переплыть?

— Смогу. Снесет, конечно. Но если повыше зайти, то как раз к отмели и вынесет.

— Тогда... Такой план. У нас веревки есть. Ты с веревкой поплывешь на тот берег. Подожди! В лесу найдем сушину. Большую. Стащим в воду. Привяжем вещи. Я другой конец веревки привяжу к сушине. Столкну в воду. Буду держаться. Она по течению пойдет. Ты будешь тянуть. Ее должно прижать к твоему берегу. Там уже отмель. Плохой план? — смотрит на него с надеждой.

«Боится она! Боится! Но ведь делает! Смотри, что придумала! Я бы в жизни не догадался».

Жалко ее стало! Вот он сам — смог бы? Не умея плавать? И только сейчас дошло — все от него будет зависеть. Что-то не так пойдет — и она утонет!

— Все хорошо будет, Вера! — обнял, притянул к себе, поцеловал.

Не удержал равновесие, повалились на камни. Смеялись. И она целовала его снова и снова. И не хотелось вставать, не хотелось куда-то плыть, от кого-то спастись — только чувствовать эти горячие влажные губы.

— Пойдем сушину искать! — Вера отстранилась первой.

Вот со стволами они намаялись! Первый нашли сразу, близко от реки. Вадим посмотрел и понял — одного ствола недостаточно. Во-первых, крутиться в воде будет — не удержится за него Вера; во-вторых — вещи, как к нему ни привязывай, утонут. Второй искали долго. Нашли наконец, но далеко от берега. И был он больше первого — тяжеленный! Дотащили. Бросили возле первого. Отдохнув, стащили в воду.

Остатками веревки Вадим связал стволы вместе — зацепились друг за друга обломками веток — вроде не должны прокручиваться.

Вера с берега передала мешок с барахлом и узел с тряпьем. Кое-как привязал, закрепил. Ног не чувствовал, словно деревянные. И уже хотел выйти на берег, как Вера начала подносить сухие сучья, ветки.

— Зачем это? — спросил, выбивая дробь зубами.

— Клади сверху! Потерпи, сейчас еще принесу!

Все было готово. Связанные стволы грузно плавали в воде, течением их прижимало к берегу, цеплялись сучьями за камни — чуть приподнять, подпихнуть — поплывут. Вережка — кольцами на берегу — петля на конце.

Вадим сидел, растирая замерзшие ноги, — никак не согревались.

Вера стояла в стороне, задумчиво смотрела на несущуюся мимо воду.

— Спички хорошо упаковала? — спросил Вадим.

— Да.

— А с одеждой как?

— В узел, сверху привяжу. Вережку приготовила.

Тянуть дальше смысла не было. Надо решаться!

— Ну что? — Вадим поднялся. — Держи конец, — указал взглядом на разложенную по камням веревку, — а я поплыву!

— Подожди... — Вера словно наконец что-то решила. — Еще дело есть!

— Какое?

— Пойдем. Тут близко...

— Ну пойдем. Сейчас, только сапоги натяну.

— Нож возьми. Вон, на камне лежит.

Шли по берегу, вверх по реке, по направлению к лагерю. Не доходя свернули в лес. Уклоняясь от нависающих веток и стараясь не наступать на редкие поваленные стволы, он снова почувствовал тревогу. Вспомнил, как бежали тогда...

Поднялись вверх по склону. Деревья здесь стояли реже. Вера уверенно вывела к небольшому распадку — промоина от ручья, который когда-то весело сбежал к реке. Сейчас пересох и превратился в едва заметный пологий прогиб, заросший мхом. По этому распадку прошли еще немного вверх.

Небольшая поляна. Да, пожалуй, даже не поляна, а окончание леса, что рваной полосой тянулся вдоль реки. За редкими деревьями и кустами уже виден широкий просвет — тундра.

На краю поляны — береза странная, ствол внизу толстый, изогнутый, словно в узел завязан. И продолжением этого мощного перекрученного ствола — вверх тонкий прямой ствол. Болело дерево. Победило болезнь. Рванулось вверх, к солнцу, затрепетало листочками.

— Нож дай!

Присела на корточки, воткнула лезвие в землю, режет, будто дерн собирается снять. Подсунула пальцы, потянула вверх.

«Это же крышка, обросшая мхом. Тайник!» — сообразил Вадим.

Отложила аккуратно крышку в сторону. Вадим присел рядом на корточки. Углубление в земле — бочажок — колодец маленький выкопан. Стенки деревянными колышками обложены, чтобы не осыпались. И вода, как в настоящем колодце! Прозрачная — дно видно.

Вадим непонимающе посмотрел на Веру. Она встала на колени, запустила руку по локоть в воду. Протягивает. На мокрой ладошке — камушки маленькие, словно горох, серенькие... но некоторые поблескивают на гранях.

— Что это?

— Алмазы, — произнесла, как само собой разумеющееся.

— Как алмазы? Откуда?

— Вода моет...

— Дай посмотреть!

Взял камушек. Маленький, невзрачный, похож на мутный кварц. Алмазы, алмазы... Что там про алмазы? Дорогие. Твердые — стекло царапают! Больше ничего в голову не приходило. Положил камушек обратно в подставленную ладонку.

Вера достала заранее приготовленную тряпицу, ссыпала на нее камушки, аккуратно перевязала двумя узлами. Спрятала узелок куда-то к себе под сокуй. Приладила на место крышку. Пригладила руками мох на месте разрезов.

Вадим стоял и смотрел. Что-то опять стало не так в этом мире. Слишком много всего непонятного, необычного... Не укладывалось в голове.

— Пойдем!

Он шел за Верой, и ему казалось, что сейчас он существует в мире, состоящем из каких-то отдельных осколков, похожих на фрагменты паззла, которые перебираешь, а картинка никак не складывается. Слепая выброска в туман, на черное озеро; попытка найти реку; сплав на лодках в никуда, в неизвестность; ненцы; Вера; смерть старика, смерть отца, Кольки, пропавший Виталий; холодные ночевки под камнем; влажное и горячее естество Веры... — вот они, эти кусочки паззла! Но картинка в целом не складывается. Что на этой картинке должно быть? Какая она? А тут еще эти алмазы! Еще один фрагмент — его-то куда?

Споткнулся о корень. Не заметил, как задел лицом ветку — оцарапала щеку. Закружились фрагменты паззла, замаячила мутная едва различимая картинка. Охватило предчувствие понимания. Остановился. И в удаляющуюся спину.

— Вера!

Обернулась.

— Так это из-за них?

— Наверное...

— И отца, и Кольку?

Повернулась, пошла дальше.

— Почему ничего не сказала?

Уходит. Не отвечает. Закипая от злости, поплелся следом.

Шли по берегу как чужие, далеко друг от друга. Как-то уже не верилось, что они сейчас будут переплывать реку. Все замедлилось. Действие иссякло.

Тупо смотрел на связанные вместе стволы, что тяжело колыхались в воде. Вера сидела на большом сером валуне, подтянув колени к подбородку.

Наконец не выдержал.

— Вер, хватит молчать! Рассказывай!

— Что рассказывать?

— Как что? Почему молчала? Почему раньше не сказала? — сам чувствовал, что снова начинает распалиться. Было обидно! Он с ней... а она!

— Что рассказать? Когда приплыли, кричать: «Помогите! Деда умирает! У нас тут алмазы спрятаны». Так, что ли? Или, когда стрелять начали? Когда побежали? Я сама ничего не понимала. Какие-то люди, выстрелы. Кто? Что? Не соображала ничего. Если бы рассказала, Николай бы в лагерь не пошел? Могла тебе вчера сказать. Даже показать. Что бы изменилось? Скажи мне? Молчишь? Изменилось бы? Отца твоего смогли бы вернуть? Николая? Что ты меня пытаешь? Душу рвешь! Ничего говорить не хотела! Показывать тебе не хотела. Пропади они пропадом — эти камни!

Вадим чувствовал — еще чуть-чуть и она сорвется. Стало не по себе. Что он, на самом деле, допрос с пристрастием устроил? Права она. Что можно изменить?

— Ладно, Вер... Я же просто спрашиваю.

— Ага! Спрашиваешь! Волком смотришь. Я виновата, да?

— Все! Перестань, Вер! Не заводишь.

Отвернулась, не смотрит. Заговорила опять.

— Если бы не плыть, не рассказала бы. Обидно. Утону... они так и будут лежать. Никто не знает. Неправильно! И еще... — повернулась. Глаза в глаза. Бессвязно: — Я подумала... может, виновата... тебе судить. От тебя зависит — утону или нет. Не переплыть, сама. Честно должно быть! Надо, чтобы знал.

Вадим ошарашенно смотрел на нее. Глупость какая-то! Она что, думает, он веревку отпустит, если решит, что она виновата? Бред! А ведь и правда так думает! Вон как смотрит! Струна напряженная. Кулачки так сжала, что пальцы побелели.

Шагнул к ней. Обнял, прижал. Уткнулась ему в плечо, захлюпала носом. Шептал:

— Глупая! Господи, какая же ты у меня глупая! Ну как ты могла такое подумать? Не вини ты себя ни в чем. Просто сложилось так...

— Правда? — произнесла тихо, с надеждой.

— Конечно, правда! Все! Хватит дурацких разговоров.

Связанные стволы колыхались в воде с торчащими в разные стороны сучьями. Привязанные вещи. Наваленные сверху сухие ветки. Веревка — кольцами на камнях.

Разделся до трусов. Не холодно. Ветра нет, солнце светит. Убил комара, который тут же присосался к плечу. Смотрел на несущийся мимо поток, и ему было весело — зло весело. Плевать, что вода ледяная и течение — вон какое! Переплыву! Немного пугало — как дальше? Удержит ли стволы, когда они выйдут на стремнину? Пойдут ли они к берегу? И веревка! Выдержит ли веревка? Вот в этом он не был уверен.

— Ну все! — перебросил веревочную петлю через плечо, примеряясь. — Пошли чуть выше зайдем. И как договаривались — я плыву, меня сносит, ты идешь следом по берегу и стравливаешь веревку. Все понятно?

Невозможно было больше оттягивать. Хотелось действия. А там как пойдет...

Она смотрела, как он, медленно ощупывая под водой босыми ногами камни, входит в воду. Худой, ребра вон как выступают... Сказать ему или не надо? Ведь если что-то не так пойдет... Упустит веревку или не сможет подтянуть стволы к берегу — он ведь тоже погибнет! Есть, конечно, шанс, что стволы потом прибьет к его берегу где-то ниже по течению. Может, и найдет. А если нет? Голым, без вещей, без огня в тундре — это верная смерть! Нет, не надо ничего ему говорить.

Зашел по пояс. Устоять трудно — течение сбивает с ног. Оттолкнулся, нырнул и замолотил руками что есть мочи. Эта бешеная работа рук и ног была неосознанной. Он не старался скорее преодолеть стремнину, просто организм сам требовал движения. Только за счет этого движения можно было гнать кровь по венам, иначе застынет, остановится.

Почувствовал, как подхватило течением, понесло. Не думал. Превратился в машину, молотящую воду. Захлестнуло валом, глотнул воды, закашлялся. Еще вал. Снова водой залепило рот, потерял темп, старался поднять голову как можно выше над водой, глотнуть воздуха. Несло быстро. Но уже был на краю стремнины. Еще немного, ну! Вырвался, проскочил, ослабила река хватку, выпустила! И уже старался выгребать против течения.

Нашупал ногами каменистое дно. Не удержался — сбило потоком. Поплыл снова. Чуть-чуть осталось. Встал. Вода по пояс. Переплыл! Пошел к берегу, потянул за собой веревку. И даже не очень холодно, вот только ноги... Веревки хватило впритык. Вступил на сухой берег — натянулась, дальше не пускает. Оглянулся — Вера машет руками. Присел на корточки, сжался калачиком — казалось, так теплее.

На другом берегу Вера, подобрав до пояса сокуй, стоя по колено в воде, обвязывала веревкой стволы. Хоть бы выдержала, не порвалась. Петля соскользнуть не должна, там сучья. Лишь бы она узел хорошо завязала!

Холодно! Очень холодно. Затрясло. Сидел на корточках, содрогаюсь всем телом, ждал. Разделась. Маленькая. Трусы черные и все. Машет ему руками. Встал, перекинул

веревку через плечи, нащупал ногой удобный камень — упор, примерился, как удерживать будет. Выбрал слабину.

Повисла веревка над потоком, раскачивается, капли падают.

Махнул рукой — давай!

Зашла в воду, согнулась, обхватила ствол, приподнять пытается, сдвинуть — даже отсюда видно, как старается, — а они ни в какую. Цепляются сучьями за дно. Распрямилась, смотрит в его сторону, отдыхает. Не знал, как помочь. Она должна их сдвинуть!

— Пробуй еще раз! — закричал, хотя знал, что вряд ли услышит за шумом реки.

Я же могу веревкой тянуть! Развернулся спиной к реке. Навалился. Врезалась веревка в кожу. Уперся ногами, тянет. Дала слабину, чуть не упал. Обернулся. Сдвинулись стволы, пошли медленно по потоку. Голова Веры в воде мелькнула и скрылась за наваленными ветками. И его потянуло, почувствовал, что не удерживает!

Отступал по камням к воде. Страшно стало — дальше что? Так и будет тянуть... до самой воды? А потом? Веревку бросить? Уже в воду вошел! Не удержу! Споткнулся о здоровенный валун. Сел в воду. Уперся обеими ногами, отклонился, почти весь в воде лежит. Кажется, что веревка сейчас надвое спину разрежет!

Удерживаю! Могу!

Стволы вынесло на середину стремнины, ходят вверх-вниз на волне, захлестывают валы. Остановились — ни туда ни сюда.

Вера захлебывалась. Сначала держалась за ствол, но, когда вынесло на стремнину, вода стала перехлестывать через него, окатывала, не позволяла вздохнуть. Чтобы дышать, старалась подтянуться, приподнять голову выше. Не получалось. Захлебывалась, теряла силы. Рядом сук — толстый. Отпустила ствол, уцепилась за сук — сразу стало легче. Вода перекатывала через ствол, а сук был чуть в стороне — с головой не заливало! Холода не чувствовала, и страха не было. И не зависело от нее ничего. Только держаться и не отпускать!

Накатил очередной вал, подбил снизу стволы, приподнял, и — медленно покатались они, как с пологой горки, со стремнины в сторону берега. Съехали! Встали на спокойной воде, но к берегу идти не желают — замерли.

Почувствовал Вадим — держит! Никуда они теперь не денутся! Лишь бы веревка не оборвалась! Сел, ногами в камень уперся. Выдохнул. Попытался разглядеть Веру — не видно! Нет! Вон голова в воде мелькнула!

Попробовал встать. Получилось. Не так сильно и тянет! Повернулся спиной к реке, навалился всем телом и потащил. Медленно, шаг за шагом. Ног не чувствовал совсем — это и хорошо: не важно, как на камни наступаешь, — не больно. Тащил, тащил...

Вдруг пошло легко — один шаг, другой. Обернулся. Стволы, ошестинившись ветками, уже совсем возле отмели! Вера встала на ноги — по пояс в воде — пихает их, помогает ему подогнать к берегу.

Еще чуть-чуть. Два метра, три. Все! Встали. Тянет, а сдвинуть не может. Бросил веревку. Опустился на землю. Сидел, дрожал от холода и глупо улыбался — смотри-ка, перебрались! Получилось!

Вера отвязывала вещи, носила на берег. Спешила. Вадим, оскальзываясь на камнях, подошел — ноги не слушались.

— Ну вот видишь! Все получилось!

— В-в-веревку отрежь. Но-о-ож в мешке, сверху, — трясет от холода так, что говорить не может.

Смотреть на нее страшно! Лицо белое, застывшее, словно мелом измазано, показалось, что даже глаза побелели! И только губы черно-фиолетовые шевелятся.

— Спихни в реку! По одному.

Перетаскивал на берег сучья. Кромсал ножом веревки. Матерясь, отпихивал стволы. В голове металось — надо скорее на берег! Одеться!

Вера стояла голая на валуне и выжимала трусы. Вокруг разбросаны вещи. Молча, судорожно напяливали на себя одежду. Заметил, что Вера надела свитер задом наперед. Плевать! Сам никак не мог попасть в рукава энцефалитки.

— Костер! — выдавил из себя. — Спички не промокли?

— Нет! Не нужно костер! Собирай вещи!

— Почему нет? С ума сошла? Околеет!

Складывала сучья в ровную кучу, перевязала веревкой.

— Вадим! Не стой! Бери вещи. Бежим!

— Куда? Зачем?

Не слушала. Взвалила вязанку дров на спину, согнулась, побежала. Чертыхаясь, подхватил мешок с барахлом и тук с тряпьем, побежал следом. Бегом это можно было назвать лишь условно — семенили — мешали вещи, да и попробуй бежать по чапыжнику!

Вера упала, не пробежав и двадцати метров, зацепилась ногой за стелющийся кустарник, отлетела вязанка с сучьями в сторону. Вадим не успел подойти, помочь. Поднялась сама. Даже не оглянулась. Вязанку — на плечи, и пошла быстрым шагом дальше. Упрямая! Вадим тоже перешел на шаг. Спешил. Хотел догнать ее.

Вдруг понял, что не идет, а ковыляет. В организме происходило что-то странное — почти согрелся, именно — почти, потому что тело воспринималось сейчас фрагментарно. Руки — кисти — не чувствовал совсем — ледяные, пальцы скрючены, с трудом ухватывают поклажу, которая постоянно выскальзывает, приходится перехватывать. И ноги ниже колен — это сплошная боль — то тупая, то вдруг резкая, заставляющая с трудом делать каждый шаг. А все остальное — вроде ничего... согрелось.

Оглянулся. Прошли-то всего ничего, а река уже пропала, словно и не было ее никогда. Только лес вдалеке виднеется. А впереди, насколько можно окинуть взглядом, пологие холмы тундры. Тоскливо стало, безысходно до дрожи. Он опять увидел себя со стороны: бредут две фигурки по необозримому пустому пространству — куда, зачем? Затерялись...

Вера стала забирать в сторону. Прошла еще немного и остановилась. Рядом с ней — тонкий прут в землю воткнут. Присмотрелся — вон еще один вдалеке. И еще один, с той стороны, где река. Черточки, едва заметные на фоне неба.

— Вера, что за палки?

— Вешки! Путь метили.

— Может, эти...?

— Не знаю. Не наши. Кто заблудиться боялся.

Выдернула из земли прут, отбросила в сторону.

Озеро открылось неожиданно. Лежало в низине, словно пряталось. Стылая свинцовая вода замерла без движения. Берега топкие, с одного края поросшие низким кустарником.

Он не спрашивал, сколько еще идти, почему она не хочет развести костер, обогреться. Просто ковылял следом. Каждый шаг — боль в ногах. И еще — хотелось есть. Подташнивало от голода. Упрямо шел следом. Терпел. Даже не злился на нее за то, что ничего не объясняла, а вела за собой, как щенка на привязи. Сил злиться не осталось. Обогнули озеро, обходя топкий берег, подошли к краю, поросшему клочками низкого кустарника.

Вера сбросила с плеч вязанку. Здесь было повыше и посуше. Выпрямилась. Смотрела, как он подходит. Помогла снять с плеча мешок с барахлом. Сразу сел на землю.

— Вадим! Можем здесь остановиться. Костер. Поесть. Ночевать здесь можем. Кусты. Дальше — голая тундра.

— Хорошо. А что тебя смущает? — спросил устало.

Разговаривать не хотелось. Хотелось закрыть глаза и лечь. Ждать, когда она разведет костер и тогда подползти ближе к теплу. Засунуть ноги прямо в огонь! Что меня смущает?! Ребенок малый! Тундра голая. Дров нет. Еды нет. О чем он думает?

— Хорошо!

Развязала тюк с тряпьем, достала одеяло — развернула, рассматривает, щупает.

— Немного с края подмокло! Шкуры мокрые. Ничего. Высушу! На! — накинула ему одеяло на плечи. — Закройся! Сейчас костер. Я быстро!

Лег, завернулся с головой. Одеяло душно пахло костром и потом. Закрыв глаза. Слышал, как начали потрескивать сучья на огне, но сил подняться, переползти ближе к огню не было.

— Вадим! Вадим, не спи! Показывай ноги. Что у тебя?

Сел со стоном.

Горел костерок — небольшой, слабый. Сбоку — котелок с водой. Шкуры развешены на колышках — сушатся. И Верин балахон здесь же. Дым бесится, хочет в небо, бьется о шкуры — не пускают. Сама она — босиком, в свитере и трусах — тормозит его, не дает провалиться в темное забытие. И словно не было никакой переправы, не замерзала она насмерть в холодной воде. Даже завидно стало. Она — может, а он вот раскис.

Помогает стянуть сапог. Положила ступню на колени, рассматривает. Ссадина возле большого пальца. Болезненно, но не страшно. Эх, были бы йод или зеленка!

Взялась за второй сапог, потянула. Изогнулся Вадим, застонал. Стала тянуть медленнее. Носок скатывала уже совсем аккуратно. С этой ногой хуже. Несколько мелких ссадин на ступне — не страшно. Но ноготь на среднем пальце оторван, съехал куда-то вбок, врезался в кожу между пальцами. Мясо голое наружу. И все запекшейся кровью запятнано.

Это когда он по камням тащил! Бедный! А я на него ругаюсь! Хорошо, что никуда не пошли...

— Сейчас, Вадим! Сейчас!

Метнулась к мешку, зашарила. Не может найти. Перевернула, высыпала содержимое на землю. Крышка от чайника в руках. К костру. Вода как раз закипела. Сполоснула крышку, выплеснула. Налила снова, поставила в сторону остужаться.

— Ты грей ноги у огня, грей!

Отошла от костра. На корточки, на колени, ползает, ищет что-то. Листочки какие-то принесла, ссыпала в плошку с водой.

— Сейчас, промоем, перевяжем! Хорошо будет! Только... Вадим, ноготь оторвать надо! Ты сама или я? Больно не будет — еле держится.

— Сам!

На перевязку пошла узкая тряпица, оторванная от вериной майки. Носки — теплые, высушенные у костра. Согрелись наконец ноги!

Вера сварила гречку — упустила, получилась сухой. Запивали кипятком, запавленным какими-то листьями, почему-то возникала ассоциация со вкусом половой тряпки, хотя... кто его знает, какой у этой половой тряпки вкус?

Вера понимала, что еда на исходе. Два, ну от силы три дня они продержатся на оставшихся скудных запасах. Дальше — голод! Поэтому режим строгой экономии. Главное, до леса добраться — там грибы! На грибах да на ягодах продержаться можно. Остатки крупы и муки — на крайний случай. И, главное, — не жалеть ни себя, ни его!

Костерок прогорел, оставив на земле черную отметину с неряшливо разбросанными угольками, подернутыми пеплом. Солнце стояло еще высоко над горизонтом, заливая тундру белесым светом.

Прижавшись друг к другу, на земле, на расстеленных шкурах спали двое, завернувшись в одно одеяло. И не мешал им солнечный свет. Не слышали, как на озеро опустилась утка, ныряла, выискивая что-то в прибрежной траве, а потом улетела. Не чувствовали, как комары садятся на лицо, — лишь изредка сдавленно стонали и судорожно проводили рукой, отгоняя, — не просыпались.

Луна ущербным белым пятном отражалась в черной воде озера. Все пропитано стылой сумрачной сыростью.

Выспались. Решили выходить сейчас, не ждать, когда потеплеет.

Идти ночью по тундре Вере было не впервой. Летом все переходы стараются делать ночью или ранним утром, пока роса лежит. По росе оленям легче нарты с грузом тащить. Не это ее сейчас волновало, а то, что не собрала вещи заранее. Ползала на коленях вокруг погасшего кострища, ругала себя, складывала в мешок, боялась что-то пропустить, оставить.

Перевязанная нога не желала входить в сапог. Кое-как пропихнул. Тупая боль разлилась по ступне. Припадая на одну ногу, сделал несколько шагов. Пальцы загорелись болью. Но идти все же можно!

Когда Вадим пытался вспомнить этот день — в памяти возникал провал. Пустота. Помнил как сначала впереди маячил темный силуэт Веры, как старался не отстать. Идти было больно, но через полчаса боль притупилась, стала привычной, и он уже не обращал на нее внимания. Хромал, скорее, по привычке.

Поднялось солнце. Высветилась тундра — старая серо-зеленая простыня, сотканная из переплетений стеблей травы и мелкого кустарника, стелющихся поверх беломошника, который чуть пружинил при каждом шаге.

Шли каждый своим темпом. Вера далеко впереди, он — сзади. Сил догнать и идти рядом хватило бы, но так было удобнее. Размеренность движения требовала своего ритма.

Сначала сбивалось дыхание, спотыкался, ноги цеплялись за стелющийся кустарник. Злился на Веру, что даже не обернется. Ждал, когда она остановится и можно будет сесть, вытянуть ноги... Потом эти мысли пропали, испарились, выдуло их из головы холодным ветерком, дующим в лицо...

Вера остановилась неожиданно. Просто встала и бросила тюк на землю. Села на него. Смотрела, как он подходит. Вадим и не заметил. Так бы и прошел мимо, механически переставляя ноги, если бы не окликнула.

Потом они жадно скребли ложками о стенки котелка, выбирая остатки вчерашней гречки. Стоя на коленях, пили воду из лужи. Потом Вадим уснул, свернувшись калачиком на земле, а Вера лежала рядом с закрытыми глазами и убеждала себя, что верно сориентировалась и идут они правильно. Только бы добраться до леса!

И снова она — впереди, а он — сзади. И тундра, и небо, и облака. И бесконечность застывшего пустого пространства по вертикали и горизонтали.

Темная полоса на горизонте возникла неожиданно, хотя Вера ждала, постоянно вглядываясь вдаль. Может, глаз замылился, а может, задумалась — перестала чувствовать себя, провалилась в сон, как говорил дед, — такое случается при долгом переходе.

Обрадовалась. Немного осталось. Вадиму решила не говорить — идет парень, вот и пусть идет! Не дай Бог почувствует, что конец пути близок, расслабится, раскиснет. Видела она уже такое...

Тревожило, что тундра становилась все более кочковатой, захлюпала вода под ногами. Они выходили к краю болота. Большое. Наверное, до самого леса тянется. Правильнее было бы забрать в сторону, попытаться обойти, но солнце уже повисло

низко... Если обходить, точно придется ночевать в тундре. И Вера решила рискнуть, идти напрямик.

Через сотню метров сомнения отпали окончательно — болото! И тундра впереди поменяла цвет — стала рыжей. И уже больше открытой воды под ногами, чем торчащих кочек, поросших бурой жесткой травой.

Подошел Вадим. Стояли, смотрели вдаль.

— Там лес, — просто сказала Вера.

— Напрямую пойдем?

— Да.

Вадим с сомнением посмотрел на Верины ноги в меховых чулках.

— Как ты пойдешь? Без ног останешься!

— Ничего. Как-нибудь... Ты иди следом, не отставай.

С кочки на кочку не прыгаешься. Проще было идти зигзагами по воде, обходя торчащие кочки. Вода оказалась не такой холодной, как в реке, — Вера притерпелась. Походя срывали растущую на кочках морошку, ее здесь было много.

Шли медленно. Воды становилось все больше — уже по колено. Вадим пару раз черпанул сапогом. Стали появляться редко стоящие сухие стволы деревьев, в руку толщиной, без единой ветки, тянулись на метр или на два вверх, верхушки обломаны — словно специально воткнули.

Лес приближался. Отдельные деревья еще не разглядеть, но черная полоса на горизонте стала отчетливей, приобрела объем. Неужели пройдем? Пропустит болото? — Вера боялась в это поверить. Сглазила! Нельзя о таком думать! Перед ними простиралась ровная ярко-зеленая поверхность — эдакий лужок, покрытый мхом и зеленой травкой, — ни тебе кочек, ни открытой воды! Шагай смело!

Вот здесь мы точно не пройдем! Или все-таки попробовать?

— Вадим! Стой здесь. Не ходи за мной.

Осторожно шагнула, прошла несколько метров. Поверхность под ногами колышется, плавно прогибается — нет под ней основы. Развернулась и по своим следам, заполняемым водой, обратно.

— Здесь не пройдем!

— Так вроде же держит? А если палки? Ну... шесты! Тыкать впереди себя будем! — Вадим указал на тонкий сухой ствол, косо торчащий рядом.

— Какие шесты, Вадим? В окно ухнешь — «а» не успеешь сказать! В одежде, с вещами... Не кино, где по болотам с шестами ходят. Не вытащу я тебя... сил не хватит! Обходить надо!

А лес вставал на горизонте, притягивал к себе.

Обходили, забирая вправо. По краю, медленно. Несколько раз казалось — закончился этот предательский луг, поворачивали, проходили сотню метров по воде между торчащими кочками и снова упирались в ровную зеленую плоскотину.

Неумолимо надвигался вечер. Еще не стемнело, но разливы чистой воды заблестели, наполняясь тревожной чернотой. Небо заволочло тучами, сквозь которые старалось пробиться солнце.

Вадим прислушивался к себе. Происходило что-то странное. Второе дыхание? Он перестал чувствовать усталость. Появились сила и злость. Да когда же это болото закончится? Все равно дойдем! Немного осталось! А вот Вера устала. Шла медленно. Замучалась с чижками. Ноги засасывала грязевая жижа, что скрывалась под водой — стаскивала чиж с ноги. Приходилось останавливаться, шарить в воде рукой, выуживать, снова надевать. Пробовала сильнее затягивать ремешки, но немели ноги, переставала их чувствовать.

Вадим шел рядом. Еще раньше, видя, что она вымоталась, забрал у нее тук с тряпьем. Снизу — вода болота, сверху — собственный пот. Мокрые насквозь, а не холодно.

Наконец Вера, скорее интуитивно, почувствовала — обошли! Поверила в это. Заспешила. Вот и первые редкие деревья. Даже не деревья еще — кусты высокие. Деревья — там, за ними! Они вышли в распадок, поросший папоротником. По распадку протекал ручей. Пошли вниз, по руслу.

Лес надвигался, деревья нависали по обе стороны. И можно уже остановиться, рухнуть на сухую землю, закрыть глаза и лежать, повторяя для себя, подбадривая: «Дошли! Дошли!» Вокруг был лес! Настоящий лес! С запахом смолы и древесины, прелых еловых иголок и старых листьев, с шумом раскачивающихся под ветром верхушек деревьев, с неожиданными шорохами и стремительным перепархиванием птиц с ветки на ветку.

Вышли на небольшую поляну, ручей обегал ее по краю и снова нырял под своды деревьев.

— Все! Здесь! — Вера опустилась на землю. Вадим скинул поклажу рядом.

— Сейчас я... костер.

— Лежи! Я — сам!

Ломал сухие еловые ветки. Складывал из тонюсеньких шалашик — чтобы сразу, с одной спички. Еще дрова и еще! Сухостоя много!

Заполыхал, затрещал, выбрасывая снопы искр вверх.

— Вера, давай раздевайся! Сушиться надо! — Сам уже разматывал промокший тюк с тряпьем, втыкал вокруг костра колышки, чтобы развесить одежду.

— Воды набери, пожалуйста! — Вера стягивала через голову мокрый сокуй. — И еще дрова. Эти быстро прогорят. Большие лесины надо, чтобы на всю ночь хватило.

— Ты сиди, сиди! Сделаю!

— Я уже... Сейчас болтушку мучную на ужин приготовлю.

— Болтушка — это что?

— Муку в горячей воде размешаю. Вот и весь ужин. Сахар еще есть! Мы в лесу, Вадим! Завтра грибов собираем — они сытные! Нам бы теперь поскорее к реке выйти...

Шли вниз по руслу ручья — к реке выведет и идти легко, не через бурелом же продираться! Как только возникал просвет между деревьями, Вера говорила: «Ты иди, я догоню...» — и ныряла в лес.

Сначала решил, что у нее что-то не так с желудком. Сам себя не особо хорошо чувствовал — постоянно бурлило и порой начинало ныть тупой болью. Но в очередной раз, скрывшись за деревьями, позвала, закричала: «Вадим! Вадим, иди сюда!»

Небольшая поляна. Светлая. Обнесена густым ельником. Мох под ногами, проросший куцей травой, усеян грибами — рыжики — сотни! Розово-желтые, крепкие, все как на подбор, словно только вчера повылезли. Вадим такого обилия грибов не встречал. И поражало, что все они сконцентрированы на этом пятачке.

— Снимай куртку, — Вера упорно продолжала называть энцефалитку курткой, — складывать будем!

...Вера шла, нахлобучив капюшон по глаза — ей легче! А вот Вадим — маялся, раздражался. Капюшон-то на энцефалитке, а она с грибами. Жри — не хочу! Хотелось бросить вещи, драть зудящую от укусов комарья кожу.

Распадок расширился. Расступились деревья, сменились зарослями ивняка. Захлопала под ногами болотная жижа, прикрытая порослью зеленых растений с широкими жирными листьями, похожими на низкорослые лопухи.

И открылась река! Это была другая река. Спокойная. Плавно катится темная вода мимо, нет ни пены, ни бурунов. Зажата лесом. Обнажаются в низких подмытых берегах заскорузлые корни деревьев. У берега узколистные растения под водой, что волосы — вытянулись по потоку, расчесывает их река, приглаживает.

— Дошли! — сказала Вера.

И только теперь Вадим спросил:

— Сколько нам еще осталось?

— Дней пять или шесть. Если будем идти с утра до вечера. У нас так не получится. Дней восемь... Твоя нога? Как бы не загноилась.

— А там, куда выйдем, это что? Деревня? Поселок?

— Заимка лесная. Три семьи живут. Охотники. Одна семья — ненецкая. А двадцать километров вниз по реке — там уже деревня. Магазин, почта. Даже вертолетная площадка есть. Пошли! Не надо стоять. Надо найти удобное место. Обсушимся. Поедим. Отдохнем. Ногу твою лечить будем. Завтра утром пойдем.

— Скажи еще раз, как река называется?

— Вонга. Пошли!

Место стоянки было чудесным! Открытый косогор, поросший невысокой травой, весь в желтых мелких цветах, полого сбегал к реке. В просвет — видна река; кажется, вода застыла, никуда не течет. Шелестели листвой редкие березы. За ними поляну обступал непроходимой стеной темный густой ельник.

Вадим сидел на бревне, подставив огню босые ноги. Горячий грибной дух дурманил голову. Ждал.

— Готово! — Вера палкой подцепила котелок и поставила у его ног. — Подожди, пусть остынет.

Варево напоминало студень. Темная, клейкая грибная масса. Пробовать такое ему не доводилось.

— У нас грибницей называют, — пояснила Вера, видя его замешательство. — Соли нет... Невкусно?

Вкус действительно был не ахти. Но есть хотелось так, что это не имело никакого значения. Котелок опустел в три минуты. Хлеба бы еще! Вера поставила греть воду для так называемого чая. Вадим полулежал, опершись спиной о бревно, подставив лицо солнцу. Было спокойно и лениво. Сейчас можно было просто лежать и ни о чем не думать. Хотя... как не думать? Маячили, маячили на краю сознания и отец, и Колька, и камушки эти чертовы!

— Вер! Так что там с этими алмазами? Откуда они взялись?

— Вадим... Я расскажу. Только это не мое. И не деды. Это — общее. И спрятано от всех, кому знать не надо. Понимаешь? Не моя тайна. Это серьезно. За это убивают, сам видел...

— И ты тоже пойми. У меня отца убили. И скорее всего, из-за этих чертовых алмазов. Я хочу знать. Должен! Я уже замарался об эти камни. Мы не хотели их забрать, мы о них слухом не слыхивали. Но это они забрали отца и Николая! Рассказывай!

Вера присела на корточки, ворошит палкой угли в костре. Молчит. Задумалась.

— Якутия, алмазы — слышал?

— Ну слышал что-то... Только при чем здесь Якутия?

— В Якутии наших много. Они другие немножко, но наши...

— И что?

— В Якутии алмазы нашли. Трубки алмазные. Карьеры нарыли огромные. Говорят, даже из космоса видно! Дорогами все испоганили. Техника, рабочие, вертолеты. А оленям как? Стада у нас. Пасты надо. С места на место кочуем, чтобы корма хватало.

— Ну и...?

Что она мне, как маленькому, объясняет прописные истины? Я ее конкретно про алмазы спросил! Откуда они у них с дедом?

— Нарушили все! Места, где всегда оленей пасли и охотились, уже не наши. Отобрали! Теперь дороги, карьеры. Вот!

Замолчала.

Вадим злился, но ждал, не торопил. Да и куда торопиться? Солнце пригревает, до вечера еще далеко.

— И здесь тоже... — начала Вера.

— Что — тоже? Не понимаю я тебя!

— Ну... здесь тоже алмазы есть! Редко, но находят. Не совсем здесь. Ближе к Пинеге. На речках разных... — Мезень, Золотица.

— Что-то не верится...

— Правда! Наши сто лет эти алмазы собирают.

— Если так, то давно бы тут добычу организовали, как в Якутии.

— Старики решили — тайна! Нашел камушек — сдай сборщику. Никому нельзя говорить.

— И что? Куда их потом? Или они так и спрятаны в какой-нибудь пещере, да еще и духами, поди, охраняются?

Сказки какие-то рассказывает. Детский лепет. Конец двадцатого века на дворе, компьютеры, технологии, машины. А тут клад в пещере.

— Взятки... — чиновникам, начальству в области. Может даже, правительство. Кому — точно не знаю. Нам за это рыбалку, охоту разрешают. Другим запрещено. Но главное, места кочевья. Чтобы не строили ничего, дороги не прокладывали.

— И что? Сто лет тайну хранили? И никто из ваших не попытался сам камушки продать, в обход старейшин?

— Убили четверых. Все знают, за что.

Вера потрогала котелок с «чаем». Сегодня в качестве заварки у них был березовый лист, подсушенный на огне.

— Остыл, можно пить! — отлила себе в крышку от чайника, а котелок придвинула Вадиму.

А что? Вроде, пока все складно у нее получается. Может, и правда такое возможно? Замкнутый мир — одинаковый образ жизни, свои законы, все друг с другом связаны.

— Раньше так было... — задумчиво произнесла Вера. — Теперь все изменилось.

— Что изменилось?

— Геологи... По речкам плавают. Раньше их мало было. Тайга. А теперь вертолеты, лодки... Нашли алмазы! Трубки алмазные как в Якутии. Одна или три — не знаю сколько. Разработка начнется. Наши уходят. Рыба и зверь уже из этих мест ушли. Чувствуют. Чудеса! Может, Сихиртю разгневали. Не знаю...

— Сихиртя это что?

— Подземные духи.

— Про духов — потом... Вера! Откуда ты все это знаешь?

— Деда сборщиком был. Думала, догадался. Я при нем. Мне положено знать.

— Подожди! А как вы эти алмазы собирали?

— Не слышал! Сборщик — становища объезжает. Кто-то из наших найдет камушек, спрячет, потом — сборщику. Мы с дедой ездили от одного становища к другому. Зимой. По снегу легче... Летом — здесь. Понял теперь?

— Это что же получается, ты одна теперь про эту захоронку знаешь?

— Выходит, так. Нашим сообщить надо. Обязательно!

— А что горсточку оттуда взяла? Не заметят?

— Зачем я это сделала? На всякий случай. Не заметят. Там много!

Подняла голову, посмотрела Вадиму в глаза.

— Если со мной что-нибудь случится, чтобы у тебя были. Все из-за камней этих...

Вадим молчал, переваривал услышанное.

— Ладно... Пойду ягоды собирать. Чтобы сил набирался!

— Давай я с тобой?

— Нет! Сиди. Пускай нога заживает. Не надо наступать. Хочешь — поспи, я шкуры у костра расстелю.

Вера ушла. Он лежал, пытался думать о карьерах, алмазонасных трубках, каких-то сборщиках, передвигающиеся на нартах по пустым заснеженным пространствам. Все смешалось в невообразимый ком. И он уснул, прикрыв глаза рукой от солнечного света. Провалился в бесконечную темную пропасть, и ему ничего не снилось.

Вернулась Вера. Принесла котелок, на треть заполненный брусникой. Вадим тяжело выбирался из вязкого сна — во рту сухо, а по щеке, по отросшей щетине, щекоча, сползает нитка слюны. Неприятно! Растер рукой.

— На! — Вера бросила ему обломок толстого сука. — Остругай конец, чтобы коры не было. Толкушка! Намнем ягоды с сахаром — вкусно будет!

Строгал. Никак не мог прийти в себя.

— Держи! — передал ей оструганную палку. — Пойду на речку, умоюсь.

Шел медленно, аккуратно, стараясь ни за что не задеть забинтованным пальцем на босой ноге. Вода в реке темная. Возле берега — застыла — никуда не течет. Опустился на колени. Захватывал пригоршнями, плескал на лицо. Мало! Скинул энцефалитку, майку — уперся руками в дно — опустил голову под воду. Холодно, но приятно. Выпрямился — потекла вода по груди, по спине. Плескал на грудь, тер подмышки.

Она как чувствовала, что вернется мокрым и замерзшим — костер полыхал весело и жарко!

— Вера, раз начали этот разговор... — Отодвинулся подальше от огня — уж больно припекало. — У тебя есть какая-нибудь версия, что же все-таки произошло и почему?

— Есть.

— Тогда рассказывай! Я, пока тебя не было, пытался как-то проанализировать, но что-то ничего у меня не получается.

— Я так думаю... Кто-то узнал про алмазы. Про деду. Что сборщик. Знали, где летом стоять будем. Решили камни забрать. Это русские. На лодке. Мы видели. Может, с ними ясовей был — проводник. Наш. Но это неизвестно. Деда заболел. Умирать собрался. Тут вы плывете. Приходите в лагерь. Помогаете. Если те, кто хотел камни забрать, пришли вслед за вами... Что они видят? Деда нет! Его либо в чуме держат, либо убили. Вы как хозяева в лагере распоряжаетесь... Что им делать? Надо первыми стрелять. Чтобы неожиданно. Отца твоего убили. Мы убежали. Они деду мертвого нашли. Думают, камни у нас. Ждут, что мы в лагерь вернемся. Мы и вернулись... Николая убили. Остались ты и я. Мы больше в лагерь не идем. Они упустить нас боятся. У них лодка есть, они быстро передвигаться могут. Мы пешком медленно. Я думаю, они место удобное найдут и будут нас внизу ждать, когда сами на них выйдем. Вот и все... А мы по другой реке.

Вадим был ошарашен. Эта ненка, девчонка, все так складно изложила! Почему он до этого не додумался? Ума не хватило? Все же на поверхности! Правда, он про алмазы ничего не знал. У нее было больше времени подумать.

— А как же Виталий? Он как-то не вписывается в эту схему.

— Сложно... — Вера подгребла палкой угли к центру костра. — Может, возвращался? Заметил тех... или они — его. Ты сказал, первый выстрел на реке был? Потом по лагерю?

— Да. На реке. Следующий — в собаку. Та завизжала. И только потом отец упал.

— Может, Виталий подплыл, а они не ожидали, потому и выстрелили сразу. Может, только ранили. Лодку повредили. В одежде, в сапогах не выплыть. Потом уже по становищу стрелять стали.

— Значит, все из-за алмазов этих чертовых! — Вадим вскочил. — И отца, и Виталию, и Кольку! Мясорубка! Ведь хотели как лучше! Помочь хотели! А их...

Слезы подступили к глазам. Чувствовал, еще чуть-чуть — и сорвется, начнет плакать, кричать. Запрокинул голову; казалось, так проще сдержать слезы; заковылял, хромая, к краю поляны, к ельнику — только чтобы она не видела. Вера произнесла, отрешенно глядя в огонь: «Да, Вадим, все так... Ничего не поделаться».

Почему она так просто об этом говорит? Ведь из-за нее все! Из-за деда, из-за тайн этих ненецких, дурацких! И вдруг понял, что хочет, ему нужно, чтобы она почувствовала себя виноватой. Легче тогда станет! Вина на нее ляжет! Тогда он сможет смотреть на нее по-другому, как бы свысока, прощая... За собой вину перестанет чувствовать, что жив остался, а они... И неважно, что это она его вытащила из этой мясорубки — спасла, не дала погибнуть. Ее вина перекроет все! Все! Успокойся!

Сходил к реке. Умылся. Посидел на берегу. Замерз.

Сыростью, вечерней холодной сыростью тянуло с реки. Трава под ногами холодная — вот-вот роса ляжет. Вернулся к костру.

Вера толкушкой давила ягоды в котелке. Конец оструганной палки — бледно-оранжевый. Сахар рядом, на земле лежит — квадратики белые — пять штук! Так сладкого захотелось! Взять это белый квадратик в рот, прижать языком к небу и ждать, когда растворяться начнет — хлынет сладость вместе со слюной — сосать, сглатывать! Лучше не смотреть.

— Вера, а сколько тебе лет?

— Девятнадцать. — Подняла голову, смотрит на него, одновременно помешивая палкой.

Всего на полгода младше... И только сейчас смог сформулировать то, что все это время никак не мог понять, что настораживало. Откуда она столько знает и умеет? Умеет — это еще ладно... жизнь кочевая научила. А вот откуда столько знает? Какое у нее образование? В лучшем случае школа. Восемь классов, десять? И все равно, это деревня или поселок. А говорит-то как складно!

— Только не обижайся — сколько ты классов закончила?

— Десять. Почти... Деда весной из интерната забрал. Приехал — как снег на голову! Либо с ним в тундру, либо аттестат получать. Потом куда? Деда уедет... Я не раздумывала. Мне интернат — во как! — ладонью наотмашь по горлу, и слезы в глазах. Но пересилила — улыбнулась.

Перестала мешать. Облизнула толкушку, прежде чем положить на траву.

— Английский нравился. И еще... Много книжек прочитала! Библиотека. «Анну Каренину» — два раза... У вас, у русских, писателей много! А мы? Обидно! В лесу живем, в тундре. И в головах у нас тоже лес и тундра, понимаешь? Все одинаково! Это у вас — балы, война, любовь, бешеные скачки на лошадях, церковь на взгорке, замуж в белом платье со свечой в руке... У вас — история, события, страсти. Откуда? Это все в книгах, стихах, песнях! Я не говорю, что у нас совсем нет истории. Просто она другая, отличная от вашей. Да не в истории дело! Дело в том, что у нас нет культуры памяти. Почти нет! Где наши поэты, писатели? Единицы... Обидно... — травинку вырвала, покусывает задумчиво.

— Вера, что у тебя в голове? Зачем ты об этом думаешь? Тебе — детей рожать и растить. Вот главное!

— Может, ты и прав... Только... у вас культура, а у нас кастрюли на могильных крестах развешаны.

— Перестань! Иди ко мне! Смотри, у тебя веточка в волосах запуталась. Сейчас мы ее вытащим!

Наклонила голову. Замерла. Ждет. Перебирал волосы. Выпутывал сухую еловую веточку, что запуталась в волосах. Себя чувствовал, силу. Обнял.

Потом они ели толченую с сахаром ягоду. Пили «чай». Молчали. Слишком много сегодня было сказано. Потом легли возле костра на расстеленных шкурах. Тесно прижались друг к другу, завернувшись в одеяло. Вот тогда и родилась их мечта, их сказка, в которую они поверили!

Вадим шептал, закрыв глаза, она, замерев, слушала.

— Есть в Атлантическом океане остров. Он небольшой — километров двести в длину и шестьдесят в ширину. На этом острове живут люди — европейцы. Температура воздуха все время одна и та же — двадцать шесть градусов — вечное лето! А какой океан вокруг! Какие волны! Огромные, заворачивающиеся жгутом при подходе к берегу. И радуга играет в брызгах, срывающихся с гребня. Рушатся. Длинно и плавно накатывают на берег. Отступают, оставляя шлейф белой пены на песке. И дикие пляжи, и песок на этих пляжах не белый, а черный! Днем молодежь занимается серфингом. А вечером по освещенным набережным гуляют люди. Выступают бродячие музыканты, жонглеры. Столики кафе вынесены наружу — океан шумит в темноте волной у ног — играет музыка. А можно сесть в машину, проехать двадцать километров вглубь острова, и ты окажешься в зиме! Играй в снежки, лепи снеговика! В центральной части острова высится потухший вулкан — вершина, покрытая снегом, а вокруг разлилась пустыня из навороченных обломков лавы. Но ты не думай, эта лавовая пустыня — она маленькая! Основная часть острова — леса — сосновые, буковые, лиственные. Стоят деревья в три обхвата, тянут ветви к солнцу. Просторно, светло, нагретой хвоей пахнет. Скалы, обрывы, каньоны, пляжи. Вокруг океан! Он живой, он страшный, он прекрасный — дышит тяжело, вздымая волны, гонит их к берегу. Дух захватывает от этой мощи! Мы поедем на этот остров! Я обещаю! — шептал, крепче прижимая ее к себе.

— Да! Да! Обязательно! Знаю, зачем камушки взяла. Чувствовала.

Последующие дни казались неразделимы. Нет, их можно было поделить на дни и ночи, но по сути — это был один день, бесконечно длинный и бесконечно тяжелый.

Вера каким-то сверхъестественным чутьем отыскивала едва различимые звериные тропы, петляющие в зарослях вдоль реки. И они шли и шли вниз по течению, продирались сквозь кусты, перешагивали через поваленные и сгнившие стволы деревьев. Валились на землю от усталости, лежали, закрыв глаза, вставали и шли снова.

Она учила его: «Не иди за мной след в след! По лесу так не ходят. Иди в двух шагах сзади. Будешь идти ближе — я ветку отклоню, отпущу, тебя по лицу, по глазам хлестнет.

И на поваленные стволы нельзя наступать. Нужно перешагивать. Они мокрым мхом поросли, кора на них гнилая. Наступишь, соскользнет нога, вот — вывих или перелом. В лесу опасливый надо стать, осторожным!»

Вера остановилась, подняла руку. Вадим замер.

Обернулась, показывает, чтобы подходил, но тихо.

— Смотри! — шепчет.

Поляна залита радостным утренним светом. Блестят капли росы на высокой траве, скрывающей поваленные обгорелые стволы, затянутые мхом. Пожарище старое. Уже зарастать начало — вон редкие двухметровые березы и елки ввысь тянутся.

В десяти метрах, на ближайшей елке — сова! Белая, пестрит черным окончанием пера. Здоровущая — под полметра будет! Тяжелая — верхушка елки так изогнулась, что странно — как она удерживается. Красивая! Такое ощущение, что не из этого мира, из какого-то другого, сказочного. Полярных сов вживую видеть не доводилось, только на картинках, но тут не ошибешься.

Сидит, смотрит — глаза желтые, как плошки. Мигнула — серая пленка медленно затянула глаза — бах! — и снова смотрит.

Не боится. Не улетает.

Отступила Вера на шаг в сторону. Нагибается медленно. Руку к палке тянет, что в траве лежит.

Сорвалась сова вниз. Распрямилась верхушка елки, словно выстрелила. Раскинула крылья почти у самой земли, низко пронеслась между тонкими стволами, скрылась в лесу за стеной деревьев.

— Пошли! — сказала Вера.

Смотрел ей в спину.

Неужели убила бы?

— Я не хочу возвращаться! — Вадим заворуженно смотрел на огонь. Говорит, словно бредит.

— Куда? В Москву? — не поняла Вера.

— Нет. В Москву тоже не хочу. Но это не главное. Понимаешь, жизнь какая-то пустая. Москва, институт, потом работа... — бесконечная и бессмысленная серость впереди. Мы с тобой встретились... Камни эти... Это же не случайно? Это ведь должно все изменить? Отца нет. Мама живет с другим человеком. Нет, она меня, конечно, любит... Но у нее своя семья, и я уверен — рожать она будет скоро, несмотря на возраст. У них там все серьезно. Не очень-то я ей и нужен, да и взрослый уже. Сам должен... Сейчас изменить все можно! Всю жизнь! Нет меня. Я пропал вместе с отцом и ребятами. Новые документы... и мы с тобой уезжаем в другую жизнь. На наш остров! Как там будет — не знаю. Но не так, как здесь, а это главное! Ну что? Поедем?

— Конечно, Вадим! Мы же решили. А где мы будем там жить?

— Я пока не думал об этом.

Вадим полулежал, облокотившись на тую с барахлом. Рядом Вера, стоя на коленях, обирала кустики брусники — складывала ягоду в котелок, который она во время переходов привязывала к поясу.

Разговаривать совсем не хотелось. Просто сидеть, вытянув ноги, и ни о чем не думать.

— Вадим, мы языка не знаем! Как мы будем?

Нет! Не даст спокойно посидеть! Пришлось открыть глаза, повернуться.

— На курсы устроимся. Какая проблема? Выучим!

— Жить где?

— Да где захотим! Хочешь, на берегу океана, в какой-нибудь деревушке домик снимем? Чтобы людей рядом не было. Только мы, волны и небо над головой? А хочешь, в городке каком-нибудь? Только там обязательно набережная должна быть! Будем с тобой гулять по вечерам. Сидеть за столиком на улице, пить кофе, смотреть на прогуливающийся народ, на крикливых серферов с длинными мокрыми волосами, на жонглеров с огненными шарами и музыкантов с гитарами.

— Мы никогда не вернемся?

— Зачем загадывать? Пусть все идет как идет. Может быть, ничего у нас вообще не получится, а ты уже о возвращении заговорила. Дай я посижу спокойно. Что-то голова кружится.

Ельник! Опять ельник!

Как он ненавидел сейчас это скопище деревьев, эту зеленую массу, которая нагло и уверенно лезла из земли, тянула ветви вверх. Ломать и крушить, жечь!

Раньше, помнил — отец научил — он трепетно относился ко всему живому и зеленому. Просто так ветку обломить — никогда! Не руби в лесу молодое дерево — найди старое, мертвое, вот из него и сделай рогатину для костра. Но там был подмосковный лес — деревья наперечет. А здесь...

Все вокруг было зеленым. Даже вода в реке отдавала зеленью. Даже солнечные лучи, пробиваясь сквозь гущу листвы, казались желто-зелеными.

День за днем — километр за километром. Мыслей в голове становилось все меньше и меньше. Все чаще возникала злоба на нее, идущую впереди. Зачем так спешить? Ведь можно остановиться, лечь, отдохнуть. Спыхватывался, убеждал себя, что она делает правильно. Единственный шанс выжить — идти и идти! Но стоило запнуться о корень или выйти на высушенную солнцем открытую поляну — вот где повалиться в траву и лежать! но нет! она шла и шла — и злоба, раздражение охватывали вновь.

От голода все чаще начинала кружиться голова, приходилось останавливаться, пережидать. Сидел с закрытыми глазами, привалившись спиной к дереву.

Грибы превратились в какое-то преследующее его наваждение! Поляна, усеянная грибами. Ползающая на коленях Вера. Самому собирать сил уже не хватало. Да и желания не было. Давила апатия, безразличие к происходящему. Просто садился посреди поляны, подгребал те, что поближе, и ждал, когда она прекратит ползать и они пойдут дальше.

Костер. Котелок со студнеобразной грибницей — без хлеба, без соли. Запихивал в себя грибное месиво. Казалось, грибы не задерживаются в желудке, не усваиваются: через полчаса — ноющая боль в животе, ближайшие кусты...

Перестали стесняться друг друга. Усталость и безразличие.

Остались лишь тела, которые выполняли простейшие функции. Раньше он страдал от внутреннего душевного неудобства, когда нужно было отойти — как сказать? — искал предлог. Теперь все стало просто: «Подожди», — и Вера устало опускалась на землю — ждала. Он скрывался за ближайшими деревьями. Сил отойти подальше — не было.

И она — так же...

В лесу нет человеческих законов. Нет понятий добра, сострадания, совести. Есть единственная цель — выжить! Все подчинено этой цели. Плевать березе на елку, которая погибает возле ее ствола от недостатка света. Плевать! Тянуть ветви ввысь, к солнцу, к свету — жить!

Плевать лосю, что рядом с ним ласка сожрала ящерку. Ласка — ничто для лося, и лось — ничто для ласки. Они существуют в разных измерениях — неопасны друг для друга — поэтому и не соприкасаются. Но цель у них общая — выжить!

Мы пришлые. Не можем перестроиться. Гибнем. Поделом. Шагнул в другой мир — пойми и прими законы этого мира. Машет баба тебе рукой на берегу... Она тебе нужна? Нет? Вот и плыви дальше. Пускай сама выживает. И ты — выживай.

Смотрел ей в спину, как идет.

Они продрались через заросли орешника и вышли на большую поляну, поросшую высокой травой, сквозь которую пытались пробиться редкие кустики розово-фиолетовых цветов.

Серое хмурое утро наполнено влагой. Не туман, а какая-то хмарь повисла в воздухе. Казалось, эти серые тучи опустились так низко, что касаются земли.

«Ну вот... Сейчас снова вымокнем по пояс», — мелькнуло в голове у Вадима, но не вызвало ни малейших эмоций. Уже привык быть мокрым, грязным и замерзшим. Знал, что от него требуется лишь одно — идти, переставлять ноги, не падать. Она все равно не даст полежать, отдохнуть. Уговорами, просьбами, криком — поднимет, заставит идти.

Три дня назад Вера начала подбадривать его, заставляла двигаться, убеждая, что уже вот-вот и придут. Сегодня к вечеру выйдут точно! Он верил. Но прошел день, еще один и еще... а вокруг был все тот же лес, и та же река порой открывалась в просветах

между деревьями. Он уже не слушал ее, не верил. Просто шел следом, ни о чем не думая, двигаясь медленно и плавно — ему так казалось — словно во сне.

Вера, шедшая впереди, вдруг опустилась на колени — только голова и плечи из травы видны. Тянет перед собой руку, указывает.

Вадим остановился. На дальнем краю поляны виднелось что-то темное, словно огромная кочка из-под земли выперла. Стог! Да, стог сена — потемневший, старый. Вон даже слеги видны, уложенные поверх, чтобы ветром не разметало.

— Дошли, Вадим! Дошли... — шептала Вера.

Ничего не чувствовал — ни удовлетворения, ни радости — одна усталость.

Подожли к стогу. За ним, вдалеке, в просветах между редко стоящими деревьями можно было разглядеть приземистые черные постройки. Все было каким-то зыбким, серым, ненастоящим — размазывалось морозящей хмарью, словно рисунок ластиком затерли, но не до конца, небрежно, контуры все равно проступают.

Сено на ощупь оказалось мокрым и склизким. Вера с силой вырывала клочья сена, стараясь вырыть нору, докопаться до сухого. С одышкой приговаривала: «Сейчас, Вадим! Сейчас ляжешь! Я тебя сеном заброшаю — тепло станет! Согреешься. Отдохнешь. Я на заимку схожу, посмотрю, что там».

Нора получилась неглубокой — сил рыть дальше не было. Внутри щекотно пахло прелым сеном, но было сухо, только ноги торчали наружу.

Вера судорожно развязывала тук с тряпьем.

— На! Накройся! — Развернула одеяло, подсунула конец ему.

Кое-как натянул на себя, стараясь завернуться. Поверх ног она накинула оставшуюся шкуру, чтобы от дождя хоть как-то прикрывала.

— Спи! Я пошла. Я быстро.

Лежал с закрытыми глазами. В голове было пусто до звона в ушах. Сейчас он физически чувствовал эту пустоту в голове. И в этой прозрачной пустоте, от стенки к стенке черепа, метался легкий пинг-понговый шарик — дошли! — отскакивал и ударял снова. И не было сил, да и не хотелось думать о том, что будет дальше. Все, что хотели, они выполнили — дошли! А теперь можно лежать и ни о чем не думать.

Где-то далеко залаяла собака, и он провалился в сон.

Разбудила Вера. Трясла за коленку. Звала: «Вадим, Вадим! Живой? Просыпайся!» Вывалился из сна. Темно, душно. Не понимал, где находится. Просвет там, где ноги. Застонал. Заворочался, стараясь выбраться.

Серо и дождь. Мокрая трава вся в каплях дождя. И непонятно — вечер или раннее утро?

— Пойдем, Вадим. Все готово! Там еда, тепло! — уговаривала, как маленького. — Чуть-чуть осталось! — Тянула за руку, помогая подняться.

Открылась огромная поляна, неряшливо поросшая мелким березняком. Высокий кособокий дом, сложенный из почерневших от времени бревен, с маленькими окнами поверх. Какие-то сараюшки, пристройки. Травой все поросло, высокой. Тропинки. Заброшенность во всем чувствуется. Вдали еще один дом виднеется — такой же кособокий и черный.

На краю поляны, — приземистый домик с крошечным окошком под покатой крышей. Из трубы дым идет. К нему и направились.

Навстречу — женщина. Платок, телогрейка. Отступила в сторону, освобождая тропинку, давая пройти. Глянула исподлобья. И сразу глаза опустила. Ненка.

— Здравствуйте, — пробормотал Вадим и сам удивился своему голосу — глухой, хриплый.

Не ответила. На него не взглянула. На Веру смотрит, к ней обращается.

— Затопила. Подбрасывай, сколько надо. Только не угорите. Кастрюля под телогрейкой.

— Спасибо! — ответила Вера.

Это была баня! Предбанник и парилка. Маленькая. Вдвоем — еще ничего... а втроем уже тесно. Со скрипом закрылась дверь. Вадим тяжело опустился на лавку. Рядом, с ровным веселым гулом металось пламя в железной печке — щель там, где заслонка, полыхала красным. Пахло теплом и сухим деревом!

— Раздевайся, Вадим. Все снимай. Тепло! Сейчас есть будем.

Сидя на полу, старалась стянуть с ног сапоги — не хотели, не снимались.

— Не получается! — произнесла жалобно. — Ноги опухли.

Посмотрела на Вадима и улыбнулась.

— Эй! Что застыл? Все закончилось! Мы пришли! Поедим и будем спать, спать, спать! Тепло будет, сухо.

В парилке на полу постелен старый матрац, несколько телогреек, одеяло зеленого цвета. На полке Вера расстелила их одеяло — страшное, все в прожженных пятнах — там теплее, пусть сушится. Развернула телогрейку, достала кастрюлю, прикрытую крышкой, поставила перед ним.

Вадим сидел на матрасе в одних трусах, неудобно поджав под себя ноги. Лохматый, клочковатая щетина по щекам, подбородку, шее, глаза запали, провалились куда-то внутрь. Плоский и худой, со смазанными грязевыми разводами по плечам и груди. Вера — напротив, на коленях, в трусах и серой от грязи футболке. Кастрюля между ними.

Открыла крышку. Картошка! Вареная! Пар из кастрюли. Запах!

Кромсает ложкой, мнет куски. Кастрюля наполовину водой заполнена, в которой картошка варилась, — размешивает. Что-то наподобие пюре у нее получается — жиденькое.

— Нельзя много, Вадим! — приговаривает. — Надо чуть-чуть... Не жадничай. Живот заболит — намучаемся.

Они спали, как звери, — вместе, но стараясь не прикасаться друг к другу, — вертелись, закутывались в тряпье и отбрасывали его, отпихивали ногами, когда становилось жарко, что-то бормотали во сне, сворачивались калачиком и со стоном раскидывались во всю длину. Однажды, вырвавшись на какое-то мгновения из сна, Вадим услышал, что Вера скулит — жалобно и тонко — но сил разбудить ее не было.

Вадим проспал больше суток.

Вера спала урывками. Надо было следить за печкой, чтобы не угореть. Разбивать кочергой угли, подкладывать дрова. Ходить в дом за едой. Будить Вадима. Кормить его. Вадим, казалось, до конца так и не просыпался, не понимал, где он и что происходит. Садился, брал ложку, молча хлебал жидкое варево. Взгляд был мутным, безразличным. Успевала задрать ему майку и намазать вонючей мазью, что дала хозяйка, болячки на спине. Поев, валился обратно на тряпки и тут же засыпал. Ни о чем не спрашивал. Начала уже волноваться — все ли с ним в порядке, не повредился ли головой?

Пришел в себя на следующий день, к вечеру. Вера только что выстирала его одежду и раскладывала на полке, чтобы скорее высохла. Он лежал и ожесточенно чесался.

— Ну наконец-то! Выспался?

— Ага. Только есть очень хочется!

— Подожди! Надень что-нибудь. Иди в предбанник, там посиди. Баню топить буду! Сначала вымоемся, потом поедем.

Сидел на крыльце. Темно. Сыростью ночной пахнет, травой. А стоит шаг назад

сделать — и ты уже в тепле! Даже не верится. Спокойно посидеть не дала. Сунула в руки ведро, велела носить воду из реки.

Стоя в дверном проеме, смотрела, как он идет. Улыбалась. В трусах, в широких болотных сапогах — ноги худые, белые, в короткой телогрейке, наброшенной на голое тело, он выглядел смешно и нелепо. Но был таким родным!

Баня получилась слабовата — не дождалось.... Не это главное! Горячая вода! Отмыться! Тереть себя, скрести кожу ногтями, выдавливая, выцарапывая из пор грязь. Плескаться на себя, поднимать над головой и опрокидывать таз с горячей водой!

Сидели голые и чистые, на полке, рядышком, и лучились счастьем. Внизу все залито — лужи. Наплевать! Высохнет! Вера сходила в дом, принесла кастрюлю с горячим варевом, загадочно улыбаясь, вытащила из кармана телогрейки майонезную баночку с прозрачной жидкостью — спирт разбавленный — хозяин угостил.

Это был праздник!

Жаль только, что одежда Вадима не успела высохнуть, так и сидел голым. Зато суп из утки — мяса больше, чем картошки! Хлеб! Наконец-то хлеб! Черствый, но такой пахучий, вкусный! Правда, в хлебе Вера ограничила — по куску и все. Рюмок, жаль, не было. Спирт плескался на донышках алюминиевых кружек. И все равно, было здорово сидеть чистыми и сытыми да еще и в тепле.

— Вера, а что дальше? — наконец-то спросил Вадим.

— Они вертолет ждут. Должен прилететь со дня на день. Продукты им завезут, ну... и дела какие-то у них. Поговорят. Может, летчики нас захватят, отвезут подальше отсюда.

— Ага. А вообще, в глобальном смысле?

— Нам надо до Пинегы добраться. Оттуда рейсы на Архангельск. Я тебя отправлю, а сама останусь.

— Давай вместе! Меня в Москве ничего не держит. Поживем где-нибудь на отшибе, сориентируемся... и на наш остров!

— Не могу! Говорила же... Надо нашим сообщить, что случилось. Про схрон рассказать. Где сейчас стариков искать? Они в тундре. Месяц, а может, и дольше искать придется.

— Может, тогда и я с тобой?

На самом деле ему не хотелось даже думать об этом. Снова болтаться месяц, а то и больше по этим лесам, по тундре... Нет! Предлагал, потому что знал — точно откажет. Хотелось в город, к людям. Чтобы вокруг освещенные улицы и дома, а не как сейчас — приглушенный шум деревьев, раскачиваемых ветром, да собачий вой вдалеке.

— Нет, Вадим. Не надо. Сложно. Уехать тебе надо отсюда. Скорее. Это правильно! Я дела сделаю, сразу приеду. Не волнуйся. Хорошо?

Потянулась, обняла, уткнулась лбом в плечо.

Потом они сидели на крыльце, и было приятно чуть-чуть мерзнуть, зная, что за спиной их ждет тепло, горит свеча в консервной банке, освещающая мутным пятном деревянные стены их временного убежища.

Вертолет прилетел на следующий день. Гул, грохот — когда закладывал круг над поляной. Сел в стороне, обвиснув лопастями. Пусто вокруг, трава высокая, словно притаился.

Вадим стоял в трусах и наброшенной на плечи телогрейке на пороге. Хотелось подойти, потрогать железо рукой, ощутить жар нагретого двигателя, запах керосина и масла. Ждал Веру. Та копалась с его штанами — зашивала в пояс камушки.

— Прилетела винтокрылая машина! Неужели улетим?

— Может, и улетим... — Вера зубами перекусила нитку. — На! Надевай. Пойду узнаю...

От вертолета к дому — люди — трое. Один с ружьем на плече. Стоят во дворе, разговаривают. Хозяйка таз подхватила, к бане идет, торопится.

— Подожди! Хозяйка идет.

Вошла. Дверь за собой прикрыла.

— Чужие там. Расспрашивают, не выходил ли кто из тайги? Толком ничего не объясняют. Морды у них дурные... как бы не пошли по дворам шарить.

Снова тревогой, страхом захлестнуло. Как так? Ведь казалось, уже все закончилось.

— Давайте, одевайтесь и к реке! Схоронитесь в кустах на берегу. А я здесь быстренько приберу. Не высовывайтесь. Переждать надо, — говорит быстро, а сама уже тряпье их, раскиданное по полу, собирает.

— Улетит вертолет, все равно сидите. Вдруг кто из чужих останется? Я сама вас найду. Ну что встали? Идите!

Через час борт ушел. Будто специально тяжело пронесся над рекой, морщина воду воздушным потоком бешено вращающегося винта. Заставил их, прячущихся в кустах на берегу, повалиться на землю и лежать не шевелясь, гадая, заметят или нет?

Пришел хозяин. Издали махнул рукой — мол, пошли — и, не дожидаясь, зашагал к бане. Был он маленьким и кривоногим. И как все люди небольшого роста, держался с преувеличенной важностью. Все делал не спеша, обстоятельно, не допуская суеты. Присел на лавку, снял кожаную потертую кепку, пригладил жесткие волосы, торчащие в разные стороны, расстегнул куртку, зачерпнув кружкой воду из ведра, долго пил.

— В общем, так... ребятишки, не знаю, чего вы натворили, но вас ищут. Может, бандиты. А может, еще кто...

И опять Вадима резануло, что обращается он только к Вере, а на него даже не смотрит.

— А может, и не нас они ищут? — сказал, чтобы показать, что он тоже присутствует при разговоре.

— Может, и не вас... — глянул мельком. — Ищут тех, кто из тайги недавно вышел. Чужих, не местных. Пока они по дворам ходили да расспрашивали, я переговорил кое с кем из экипажа. Они завтра должны на Пинегу пойти. Подсядут, если пустые будут.

— Спасибо! — сказала Вера.

— Ты просила, я сделал. — Встал, нахлобучил кепку и вышел.

Не верилось, что все это происходит всерьез. Уже расслабились, привыкли, что опасность может исходить только от леса, от них самих, если допустят какую-нибудь оплошность. И снова! А ведь уже стали забываться выстрелы и мертвые лица.

— Что скажешь, Вера?

— Ничего. Ждать надо.

— Или уходить отсюда?

— Зачем?

— А если вертолетчики нас сдадут? Ведь если они на поиски вертолет наняли, значит, денег у них немерено! Сядет завтра борт, мы выйдем, а там эти...

Глянула на него искоса. Вдохнула.

— Здесь Север, Вадим. Все сложнее. На твоём острове можно целый год ходить в шортах и рвать бананы с пальмы. Тут тяжело жить. Выживать нужно. Чтобы выжить, надо держаться друг за друга. Помогать. Не за деньги. Правильно говоришь. Все имеет свою цену. Только иногда это не деньги.

— Это слова, Вера! Рассуждения! А на деле, предложат хорошие деньги — кто откажется? Кто мы для этих вертолетчиков? Кому мы вообще нужны?

— Не так, Вадим! Не так. Смотри — выдаст нас пилот. Получит свою копейку. Узнают люди! На Севере про всех знают! Кто из чего сделан. Не сразу, но узнают... что свои просили, а он сдал за копейку. Веры ему не будет. Не станут с ним дело иметь. Отвернутся от него — не понесут рыбу, пушнину. Один останется. Выдавит его Север наружу, словно булыжник из мерзлоты. Выставит напоказ. В одиночку здесь не выжить.

Борт пришел утром.

Трава в росе, туман по краю поляны. Хозяин, путаясь ногами в мокрой траве, подносил какие-то мешки. Деловито, буднично. На них не обращали внимания, словно не было вовсе. Пилот махнул рукой, чтобы сядились.

Прощаясь, Вера положила хозяину обе руки на плечи — не обняла, просто положила. Так и стояли — два невысоких человека, два ненца.

Они пришли в поселок около часа назад. До аэропорта не долетели. Вертолетчики посадили борт на лесной поляне, у края дороги.

Вадима тревожило чувство нереальности происходящего — слишком простым и быстрым было перемещение в пространстве. Еще совсем недавно тянулись выматывающие, казалось, бесконечные дни, и каждый вмещал считанные километры пути, и вот — всего несколько часов полета поглотили сотни километров — они в другом мире! Здесь даже погода другая. Тепло. Солнце. Синее небо. И хвоей, смолой по-летнему пахнет!

Поселок открылся, как на картинке: дома, дома, улицы... на берегу реки, широкой блестящей лентой исчезающей за солнечным горизонтом. Магазин! Мутное стекло окон, скрипящая дверь. Хлеб, крупы, сахар и худая продавщица с посеревшим от злости лицом за пустым прилавком. Но сбоку! У нее за спиной — пирамида из железных банок. Яркие наклейки брызжут цветом, притягивают взгляд — не оторваться. Компот! Консервированные персики! Оторопь, и слюна наполняет рот.

Не обсуждали. Не отрывая взгляда от банок, Вера выуживала из кармана мелочь и две рублевые бумажки, которые ей сунули перед вылетом.

Сидели на высоком берегу реки. За спиной, по краю обрыва, разбросаны низкие почерневшие бани, вросшие в землю. Крутой склон, заросший травой, прорезают тропинки, сбегающие к воде. За изгибом реки, на противоположном берегу, широким зеленым полем легла заливная пойма. Вдали чернеет стена леса. Пусто, широко, просторно, открыто.

Вадим ножом с обмотанной веревкой рукояткой вскрыл банку. Подцепил на острие желтую, сочащуюся сладостью дольку персика. Протянул Вере.

Это было здорово! Вкусно! Бездумно! Солнце, обрыв, река внизу, сладкий сок, текущий по подбородку, липкие пальцы.

Вера оставила его на берегу лежащим на спине, подставившим лицо солнцу — рядом поблескивает пустая банка из-под компота — а сама пошла в поселок.

Завернула в проулок между домами. Здесь, на окраине поселка, у самого берега, крутым обрывом сползающего к воде, жила семья Будулая. Они с дедом как-то заходили, даже ночевали у него один раз. Будулай — прозвище, его все здесь так зовут. Под сорок. Худой и жилистый. Лицо — сплошная морщина, и черные волосы сединой припорошены. Молчит все время, а в глазах тоска плещется.

Будулай осел в Пинеге лет десять назад. Дом-развалюху купить сумел и все. Дальше у него не заладилось — работы нет, денег нет, дети оборваны. Но возвращаться к кочевой жизни не хочет. Говорит, хватит жить по-дедовски, прошло это время. Но глядя на него, на грязных босоногих детей, на хмурую жену, что все время копалась в каком-то тряпичном хламе, Вера думала, что куда лучше в тундре с оленями, чем, как они, с людьми в поселке.

Дело к вечеру, надо было где-то переночевать, а других знакомых у Веры в Пинеге не было. Медленно садилось солнце. Пахло пылью. Дома отбрасывали широкие тени. Навстречу шел человек. Солнце светило ему в спину, поэтому казался черным. Шел не спеша, и что-то было знакомое в том, как он чуть подволакивает ногу.

Ванька Ухо! Сознание затопил детский страх. Она снова стала маленькой девочкой. А он приближался. И надо было скорее стать незаметной, опустить глаза,

не смотреть ни в коем случае! Тогда, может быть, пройдет мимо, не тронет, не ударит, не сделает стыдно и больно. Бежать!

Оглянулась. Проулок был пустым. Только они, двое.

Остановилась. Смотрит исподлобья. Ждет, когда приблизится. Отступил страх. Не дети уже...

— Смотри-ка, кто у нас тут! Вот и свиделись, — стоит, с носка на пятку покачивается, усмехается.

Стал он меньше ростом, что ли? Хотя нет... В плечах раздался, волосы отпустил. Нас-то в интернате почти наголо стригли. А ухо все равно торчит!

Ванька стоял, широко расставив ноги, словно старался задержать, не дать пройти. Крепкий, коренастый, руки в карманах вытертой до белизны летной короткой кожанки — распахнута, и рубаха под ней серая — ворот тоже нараспашку. Взглядом обжигает. Бешеный взгляд все тот же.

— Ну чего молчишь? Испугалась? Давай присядем, что ли... — махнул рукой в сторону бревен, лежащих вдоль забора.

Вера присела. Ванька остался стоять. Смотрел на нее сверху вниз, ухмылялся.

— Сколько не виделись? — Достал пачку сигарет. Прикуривал, зажав спичечный коробок в горсти.

— Я думала, ты сидишь... Тебе дорога в тюрьму была, — сама удивилась, как спокойно сказала.

— Ха! Что я дурак, что ли, зону топтать! Хотя... Ты права. Повезло просто. Год условно за хулиганку дали. Повезло... Зато все понял.

Присел на бревно рядом.

— Сама-то где пропадала?

— С дедой.

— Олешек пасла?

— Пасла. А сам?

— В аэропорту работаю. Место хорошее. Если себя правильно вести, не зарываться по жадности, деньгу поднять можно.

Затянулся, отшвырнул окурочок.

— Наших кого видела?

Откуда-то со стороны — женский голос:

— Ты что же, варнак, огонь раскидываешь?

Вера и не заметила, как из калитки вышла древняя бабка. Стоит, на палку опирается.

— Умолкни, старая! Дом спалю! — Ванька зло ощерился в ее сторону. — Иди отсюда! Скройся! Видишь, люди разговаривают!

Бабка молча смотрела на него.

— Иди, иди, старая!

Повернулась. Поковыляла вдоль забора.

— За что ты ее так?

— А чтобы херню не порола. Им бы только языком почесать. А ты добренькая, что ли?

Не ответила. В голове вязким комом ворочалось: «Ванька — аэропорт — Вадим — Архангельск». Связалось воедино. Вот он, шанс! Аж дух перехватило от надежды, что все может просто решиться.

— Мне человека надо в Архангельск отправить, можешь помочь?

— Какие проблемы? Иди в кассы, покупай билет и лети. Билеты пока есть.

Вера молчала.

— Что, денег нет?

Кивнула.

— Икра? Рыба?

— Нет. Занять не у кого. Документов нет. Никаких.

Ванька присвистнул. Смотрел на Веру с интересом.

— Да... Ну, мать, ты даешь! Что за человек-то такой?

— Можешь помочь или нет?

Смотрела на Ваньку. Тот ухмылялся.

— Вера!

Смотри-ка, имя помнит...

— Если очень захотеть, то все сделать можно. Вот только как сделать, чтобы я захотел? Рассказывай! Вдруг ты меня в какую уловку втянешь? Может, он беглый?

— Какой беглый! — Вера вздохнула. — Молодой парень, как мы. Москвич. В походе был с друзьями. Отстал, заблудился. Прибился к нам с дедой. Денег нет, документов нет. Сюда привезла. Как дальше?

— А чего он с домом не свяжется? Вышлют деньги.

— Нельзя. Не вышлют.

— Темнишь ты. Хахалька московского подцепила? Женат, что ли? Так? А чего краснеешь? Ну, ты молодец! А чего с ним не летишь? Его выпускать нельзя! Вцепилась — не отпускай.

— Дела у меня здесь. Потом полечу. Поможешь или нет?

Сидели. Молчали. Ванька медленно гонял спичку от одного угла рта к другому. Вдруг резко повернулся, выбросил руку вперед, словно хотел ударить, взял Веру за подбородок, развернул лицом к себе. Хотела отшатнуться. Не успела. Замерла. Больно. Неудобно. Вцепилась в его руку.

— Слушай сюда!

Глаза зло прищурены, буравит взглядом.

— Отправлю завтра твоего хахалька. Натурой расплатишься! Мне с тебя еще и за это получить надо! — похлопал себя по коленке.

Отпустил.

Как завтра? Уже завтра? Все захлестнуло это «завтра».

— Ну?

— Хорошо.

— А ты как думала? — Ванька встал и потянулся, выгибая спину, заведя локти за спину. — Сейчас даже птички бесплатно не поют. Да ты не переживай, от тебя не убудет. Зато хахалька своего в целости домой отправишь.

Вера молчала. Завтра, завтра, уже завтра... Слова потеряли смысл, но не перестали звучать, метались, отскакивали друг от друга.

— Подходите к восьми в аэропорт и ждите. Я вас найду. Эй! Ты там часом не уснула? Или от страха трясешься? Да не бойсь! Я ж не зверь какой... Да и не дети уже, чтобы охальничать.

Вера тоже встала. Посмотрела в упор.

— Поняла. Еще... Денег на общий до Москвы... Взаимы. Я отдам.

— Отдашь! — хохотнул Ванька. — Конечно, отдашь!

На ночь их разместили в бане. Легли не раздеваясь, положив на пол тряпье, которым был завален предбанник — старые, воняющие солярой телогрейки, рваный полушубок.

Вера лишь в общих чертах рассказала Вадиму, как встретила знакомого, который согласился помочь переправить его в Архангельск, и что лететь надо завтра утром. Это было настолько неожиданно, что Вадим даже не расспросил о деталях. А может, уже привык, что ненцы живут своей закрытой разбросанной на большом пространстве общиной и помогают друг другу.

Казалось бы, вот она их последняя ночь перед разлукой — люби! Наслаждайся, впитывай, умирай от нежности и безысходности, плачь и смейся! Нет! Все было не так. Отчуждение повисло в воздухе. Были вместе, дотрагивались друг до друга, но каждый думал о своем.

Вадим шептал что-то. Чувствовала дыхание возле уха. Вырвалась из благодатного оцепенения, с трудом разобрала.

Все то же...

— Давай поедem вместе! Хочешь, не сейчас. Я подожду тебя здесь. Месяц, два. Я смогу сам, я проживу.

Сколько можно? Ведь уже все обговорили!

— Вадим! Зачем опять? Ты напишешь, я приеду. Обещаю!

А теперь закрыть глаза и не думать, ни о чем не думать. Провалиться. Нет меня. Нет ничего вокруг. Я — пропала. Пропала я...

Аэропорт — приземистое двухэтажное деревянное здание, выкрашенное зеленой краской, выцветшей на солнце. По обе стороны бетонный забор под два метра. Обшарпанное крыльцо, распахнутая настежь дверь. Рыжая собака, разлегшаяся в пыли возле ступеней.

Ждать и молча сидеть было тоскливо. Пошел бродить.

Прислушался к разговору двух мужиков, вышедших покурить возле крыльца. Через слово — мат. Нагорело, видно. Если их послушать, то самолеты летать перестали.

Вернулся к Вере. Та сидела, подхватив руками колени, положив на них склоненную набок голову. И увидев эту смиренную позу, он снова ощутил, что она другая. Она умеет ждать! Просто ждать. Она не нервничает оттого, что ничего не происходит, ее не мучает осознание никчемно протекающего времени. И так же спокойно она, наверное, сидела, когда пасла оленей в своей тундре.

Присел рядом.

— По-моему, дохлый номер! Никуда я сегодня не улечу. Мужики говорят, еще вчерашний рейс из Архангельска не пришел — керосина нет. Люди вон сутки уже ждут. Что делать будем?

— Ждать будем. Сказал, что отправит. Значит, надо ждать. Придет. Здесь слово очень много значит.

— Ну раз так, давай ждать.

Лежал на спине, закинув руки за голову, смотрел в небо. Голубое, но не такое яркое, как у нас в средней полосе, — чуть белесое. И облака! Тяжелые, вязкие. Того и гляди, ниже опустятся — раздавят. Вспомнил Толстого. Князь Болконский. Ранение. Как лежит и тоже в небо смотрит. И такое же оно бездонное. И облака.

— Идет, — сказала Вера.

Ванька с кряжистым мужиком в серой летной форме шли вдоль бетонного забора. Она заметила их издали, и сердце опять испуганно екнуло.

Подошел. Тот, второй, в стороне остался стоять — закурил, ждет.

Не здороваясь: «Ну что? Этого, что ли, отправлять будем?»

К Вере обращается, на Вадима не смотрит, будто нет его здесь, место пустое.

Молчит Вера, потупилась.

— Его Вадим зовут...

— Да хоть Евграф! — хохотнул. — Это тебе с ним детей крестить, а мне по барабану!

— Так, говорят, самолеты не летают. Керосина нет. Люди вон со вчерашнего дня ждут. — Вадим заговорил сбивчиво, слегка заискивая.

— А тебя это парит? — И только сейчас посмотрел на него. — Что ждут. Ты — улетишь!

Бешеный взгляд водянистых глаз, ненависть плещется. Вадим смотрел и не понимал, откуда берется эта смесь злости и наглости. Почему нельзя по-человечески... Человек из другого мира. Ведь молодой парень, ровесник или чуть старше, но весь его облик дышал такой скрытой силой, уверенностью в себе, в правоте своих действий, что даже мысли не возникало перечить ему.

— Ну, прощайтесь тогда, — длинно сплюнул сквозь зубы и отвернулся.

Вадим повернулся к Вере. Смотрела куда-то в сторону. Взял за руку. Развернул к себе. Как кукла неживая...

— Вера, послушай! Все, как договаривались! Я сразу напишу в Пинегу, на почту, до востребования. Денег на дорогу вышлю.

Не то говорил, не то! И Вера молчала. Только смотрела на него. И было жалко ее до слез.

— Все! — Привстала на цыпочки, ткнулась губами ему в губы. — Иди!

— Ну? — Ванька повернулся. — Вон Алексеич ждет. Я догоню.

Подождал, пока Вадим отойдет.

— Ну что, шалавая? Подходи часиков в семь к почте, отметим отъезд твоего хахалька. А он у тебя ничего, видный... Однако слабачок, по-моему. — И пошел, не дожидаясь ответа.

— Вань! Деньги на поезд до Москвы?

— Передам, — даже не обернулся.

Жесткая невысокая трава гуляла, оглаживаемая ветром. Взлетная полоса оконтурена вереницей уходящих вдаль прожекторов. Никакого бетона. Лишь проплешина голой вытоптанной земли возле здания аэропорта, где они сейчас стояли.

Небольшой самолетик и грузовик, стоящий подле, терялись среди этого пустого пространства, раскинувшегося под куполом бесконечного неба с нависающими комьями облаков.

«Все! Кончился лес!» — полыхнуло в сознании.

Алексеич вопросительно смотрел на Ваньку.

— Забирай его, Алексеич. Все, как договаривались. На! — протянул Вадиму сложенную вдвое десятку. — На поезд билет возьмешь, и ни в чем себе не отказывай!

— Спасибо!

— Бабе своей спасибо скажи!

Шел вслед за Алексеичем по летному полю. Навстречу пылил расхлябанный грузовик. Поразило, насколько маленьким был самолет. Показалось, грузовик превосходит его размером и уж точно кажется безопаснее, четырьмя колесами уверенно утюжа прогретую солнцем землю.

Тупорылый, с замершим пропеллером, четыре крыла — по два сверху и снизу — соединены косыми стойками. Вспомнил, в каком-то военном фильме такие самолеты называли летающими этажерками. Приземистый, распахнутая дверца расположена так низко, что, кажется, с земли шагнуть можно, грязно-белого цвета, с красной полосой на фюзеляже, он казался пригодным для игры, но уж никак не для полетов в этом бездонном небе.

— Это какая же марка самолета? — спросил Алексеича.

— АН-2 — буркнул тот, не оборачиваясь.

Пилот дождался их, полулежа на траве, подстелив форменную куртку.

— Вот... — Алексеич кивком головы указал на Вадима.

— Вроде не беглый. Не от армии закосил? — Пилот поднялся, отряхивая куртку. И не дожидаясь ответа: «Ну что? Полетели?» — это он уже Алексеичу.

Возле приоткрытой дверцы тщательно вытирали ноги о траву. Вадим тоже пару раз шаркнул, не вполне понимая, зачем они это делают — на улице сухо, грязи нет. Все разъяснилось, стоило только просунуть голову в дверцу.

Салон самолета был завален освежаванными оленьими тушами — груда красно-розового мяса с белыми прожилками. Навалены на полу как попало, во все стороны торчат ноги с выступающими костями — копыта обрублены.

Кабина пилотов располагалась впереди, и они шли по тушам, наступая черными остроносыми полуботинками, пригнувшись и придерживаясь руками за стенки, чтобы не поскользнуться.

Он замер в дверях, не зная, идти ли дальше. Алексеич покопался под креслом и швырнул ему через салон брезентовый мешок.

— Подстели...

Остался возле двери, почти в самом конце салона. Не хотелось пробираться поближе к кабине пилотов. Чувствовал себя изгоем, такой же безликой тушей, что навалены под ногами.

Затархтел мотор, бешено завертелся пропеллер, образуя трепещущий круг. Самолет, покачиваясь, выруливал на взлетную полосу. Короткий разбег, взлет, и Вадима вдавило, впечатало в оленье туши, на которых сидел — самолет, чуть заваливаясь правым бортом, резко набирал высоту. Мелькнули разбросанные дома поселка, широкая лента реки, и все пространство затопила зелень тайги. Он прикрыл глаза — это он уже видел, хватит!

Только сейчас почувствовал, что от туш-то пахнет. Не совсем свежее мясо... И еще тревожило, что туши не привязаны, не закреплены. А если какая болтанка или в зону турбулентности попадем? Задавит ведь этими тушами! И все равно клонило в сон. Самолетик белой точкой висел в голубом пространстве, двигатель работал ровно.

Проваливался...

Костер горит весело, котелок, кто-то помешивает ложкой, примотанной проволокой к палке, что варится — не видно: все заволокло паром от кипящего варева. Тропинка на крутом склоне, поросшем яркой зеленой травой, бежит Вера, он несется следом — вот-вот догонит. Ему надо обязательно выйти, но совсем темно, шарит руками, натывается на какие-то предметы — они беззвучно падают в темноте, вот дверь... Окатило волной облегчение — наконец-то, спасся!

Комната, завалена голыми трупами, их много, но они одни и те же, повторяются, вон окоченевший труп отца с неестественно вывернутой рукой, вон Виталий, Колька, старик-ненец — маленький, голый, желтый, борода седая вверх торчит, вон снова Виталий, еще один старик-ненец уткнулся ему в подмышку, отец — сверху, поперек, еще и еще, на ком я сижу? я же сижу на трупе! чье это тело? важно знать! просто необходимо! привстать посмотреть не получается! вдруг это отец? нельзя сидеть на отце! встать, скорее встать! не могу, не дают! ужас захлестнул, затопил черной безысходностью.

Вывалился из сна мокрый от пота. Широко открытым ртом всасывал пахнущий подтухшим мясом воздух, а тот все никак не хотел проникать в легкие.

Это сон! Господи, это всего лишь сон!

Самолет закладывал плавную дугу, заходя на посадку. В стороне мелькнули крохотные крыши домов, широкий изгиб Двины. Выровнялся — и в иллюминатор опять рванулось небо с белыми облаками.

Внизу лежал Архангельск.

Самолет приземлился и вырулил на стоянку вдали от здания аэропорта. Молчаливый Алексеич тронул за плечо, показывая, что, мол, выходим.

Такой же бетонный забор, как в аэропорту в Пинеге. Пролом в бетонной плите закрыт решеткой из ржавой арматуры. Два прута легко разошлись в стороны.

— Иди вдоль забора, — сказал Алексеич, — по тропинке, увидишь... Выйдешь на площадь возле здания аэропорта. Там автобусы в город и на железнодорожный вокзал. Сам разберешься. Учти, милиция и военный патруль могут документы проверить. Так что поаккуратнее...

— Спасибо!

— И еще... — Алексеич пристально посмотрел на Вадима. — Давай, парень, договоримся: мы тебя не видели, и ты нас не видел.

— Да. Я понимаю.

— Ну, тогда иди. Удачи! — Алексеич развернулся и вразвалку зашагал обратно к самолету.

Площадь. Здание аэропорта — стекло и бетон. Машины, машины... Спешат люди. Пока автобус не тронулся, сидел сжавшись; казалось, все на него смотрят. Казалось, весь пропах сладковатым запахом подтухшего мяса и все это чувствуют.

Железнодорожный вокзал. Кассы. Билет, зажатый в руке. И прочь! Подальше от этого людного места, где в любой момент может появиться милиция, и тогда все рухнет. Может, ничего страшного и не произойдет, но все опять замедлится, станет непонятным, мучительно долгим. Сейчас, когда билет до Москвы лежал в кармане, об этом было страшно подумать. Ведь осталось только дожждаться вечера, сесть в поезд и прочь, прочь отсюда. Шел по улице и сам не замечал, что твердит про себя, не переставая, как заклинание: «Прочь! Прочь!»

Хотелось есть! Найти столовую. Горячий суп. Борщ! Красное варево в тарелке с белым островком сметаны. Пар поднимается. Пюре, примятое ложкой, с лужицей масла поверх. Котлета — округлая, толстая! И четвертинка соленого огурца — сбоку. Хлеб! И пирожное — любое — сладкое!

Потерпеть. Сначала баня. Столовая — потом.

Улица развернулась перед ним в обрамлении невысоких приземистых зданий. Шелестели листвою тополя и неслись мимо машины. Он шел по асфальту. По асфальту! И шорох шин по мостовой, повисшие в летнем воздухе редкие отдаленные гудки, идущие навстречу школьницы в коротких форменных платьях, старухи, сидящие на лавочках возле подъездов, молодые мамы, лениво покачивающие коляски со спящими младенцами в парке, мимо которого он сейчас проходил, вдруг заставили поверить, что он вырвался! Все изменилось! Он в городе!

Смотри-ка! Вон кинотеатр — напротив. Афиши яркими пятнами бьют по глазам.

Не будет больше бесконечной угрюмой тайги, не будет голода. Закончились ночевки на холодной земле под открытым небом. Не надо никуда бежать! И стрелять в него никто уже не будет. Он — дома! Почти дома. Не воспринимал понятие дом как свою комнату, диван и стол, на котором стоял компьютер, освещенный настольной лампой. Сейчас домом была вся Москва. Домой — это в Москву!

Народу в бане было мало. Раздевался в дальнем закутке. Брезгливо снимал с себя одежду. Парилка удивила. В ней было холоднее, чем в помоечной. Голые стены, облицованные пожелтевшим от времени кафелем, который когда-то был белым. Полок о трех ступенях из почерневших досок. Где топка? Печь?

Мужик с бодро выпирающим животом предложил: «Посторонись-ка!» Подошел к трубе, оборудованной вентилем, обмотанным грязной тряпкой, и повернул. Струя пара вырвалась с шипением и тихим свистом. Помещение заволочло белым горячим паром. Ничего не видно. Влажно. Жарко. Тяжело дышать.

Стоял, расчесывал кожу ногтями, драл себя, не чувствуя боли. Пот смешивался с оседающей влагой, стекал струйками по спине, рукам, животу. Катывшиеся по коже собирались на коже — смахивал их ладонью вместе с потом на пол. Снова повернули вентиль. И снова струя пара. От резкого перепада температур кружилась голова, но было приятно до одури.

Север отваливался слоями, словно короста.

Вадим сидел на лавке, привалившись спиной к стене, слушал шум воды, льющейся из крана. Ощущал себя голым и чистым, словно заново родившимся. В голове было пусто до звона в ушах. Только есть хотелось по-прежнему.

Слушал перестук вагонных колес. Глаза закрыты. Казалось, что физически ощущает, как поезд своим узким железным телом сминая черноту ночи, проникает в пространство. Голоса, звучащие вокруг, сливались в неясный гул. Визгливо плакал ребенок.

Сорок минут осталось. Москва. Неужели все закончилось?

Одиночество было настолько острым, что хотелось завывать, закричать, заплакать, бить кулаками по столику, материть всех вокруг. Эти сутки в поезде, в общем вагоне,

среди скопища незнакомых занятых собой людей, раздавили его. Он сам это чувствовал. Там, на реке, в тайге, он был не один. Они были вместе — с отцом, с Верой. И несмотря на то, что на многие километры вокруг не было ни души, он не ощущал такого одиночества, как здесь, в этом заполненном людьми вагоне.

И что? Теперь всегда так будет? Пока она не приедет? Сколько ждать? Три месяца? А если не приедет вообще? План, придуманный им там, в лесу, когда они выбирались к людям, казался сейчас глупым и невыполнимым.

Здесь было хуже, чем в лесу. В лесу можно было погибнуть, а здесь... не мог подобрать слов. Но здесь было хуже! Погибнуть нельзя, но и жить вот так одному — невозможно.

Поезд дернулся и встал. Дрожь пробежала по составу — лязгнули железные позвонки-вагоны. Вытянулся всем телом, замер, словно устало прилег у перрона. Приехал! Попер народ к выходу, толкаясь, мелко семеня, выставив впереди себя чемоданы и сумки. Свет в вагоне наконец зажгли. Лица серые, напряженные.

Он не спешил. Незачем. Приехал!

Стоял на перроне, вдыхал запах вокзала, замешанный на пыли, дыме, железе и машинном масле. Мимо густой шаркающей толпой шли люди. Свет, льющийся из окон вагонов, выхватывал из темноты озабоченные лица.

Его вдруг охватила веселая презрительная злость.

Идете? Хотите поскорее забиться под крышу, под одеяло, сожрать свой ужин? Да что вы видели в этой жизни? Вы видели тайгу? Умирили от голода? Замерзли? В вас стреляли? Может быть, вы летали на самолете, набитом оленьими тушами, или задыхались от холода в воде, переплывая реку? Да вы ничего не видели! Вы влачите свою кургузую жизнь, не понимая, что просто существуете, а не живете! Настоящая жизнь не здесь, и я ее видел! Я, а не вы!

Шел по перрону легкий и свободный, не спеша, засунув руки в карманы. Я вернулся! Сколько меня здесь не было? Месяц? А будто год прошел...

Вера! Как она там? Наверное, еще сегодня отлеживается у Будулая. А завтра — снова в тундру? Ей надо быть сейчас здесь. Надо быть вместе! Она же совсем не сильная, маленькая! Улыбнулся, вспомнив беззащитную голую спину с прилипшими комочками мха, как смешно приговаривала свое «сама», когда волновалась.

Она приедет!

Площадь между Ярославским и Ленинградским. Сверху — ночная влажная темнота валится, а внизу — ларьки, ларьки, ларьки. Освещены ярко. Выплескивается товар на тротуар, болтается пестрая одежда на вынесенных наружу вешалках. Шаурмой пахнет и еще какой-то дрянью. Музыка орет — «Агата Кристи» своего «геолога» наяривает. Растекается народ между ларьками, толкается, протискивается, глазееет на заморский ширпотреб.

Монументально высится, чуть в стороне, темный куб здания метро. А перед ним — последний кордон, который нужно преодолеть, если хочешь попасть внутрь — шеренга бабушек со всякой снедью в руках и на перевернутых картонных коробках. Стоят насмерть! Не сдвинуть!

Все знакомое, нестрашное! Ну, остановят менты, спросят документы. Так здесь у трети документов нет! А потом, поговорить, объяснить всегда можно... Они все чувствуют, понимают, с кого можно влегкую взять, с кого — нет.

Как же все знакомо! Страшное по своей сути людское месиво, но если знаешь правила, по которым живет это болото, то существовать в нем вполне возможно. Вокзал и иже с ним — приближенная модель любого большого мегаполиса, а уж Москвы-то и подавно. Главное, четко представлять свое место. Сумеет ли Вера вжиться или потеряется? Может, не надо сюда? Это ведь не ее место...

Начал накрапывать дождь — летний, легкий, московский. Не опасный, не то что там... Там — любой дождь заставлял искать укрытия. Промокнешь — сушиться негде,

хорошо, если костер. Если — нет, то так в мокром и ляжешь, собой одежду сушить будешь. Околеешь ночью! А здесь? Здесь, хочешь, пережди вон под козырьком или иди, подставляя лицо каплям — домой вернешься, в сухое переоденешься. Благодать!

Площадь трех вокзалов маслянисто блестела мокрым асфальтом под фарами машин, что медленно двигались в пробке. Здания, витрины магазинов светились окнами.

Под землю, в метро — не хотелось. Пьянило чувство свободы и безопасности. Хотелось идти по освещенной улице, подставляя лицо дождю. И не хотелось никому звонить. Как-то все затуманилось, перечеркнулось радостью возвращения.

Светофор загорелся зеленым. Вадим стоял на тротуаре, смотрел. Перед зеброй тормозили машины. Одна, вторая, еще... Сгрудились, готовые рвануть вперед, как толпа марафонцев перед стартом. В ближайшей, темно-синей ауди, за забрызганным дождем стеклом — молодая девчонка, шатенка. Музыка из приоткрытого окна. Сидит, вперед, на дорогу, на светофор смотрит. Одна рука на руле, другой постукивает — такт отбивает. Хорошенькая! Рядом еще машина. Смотри-ка, а здесь блондинка за рулем. Серьезная такая...

Красный. Рванули, опережая друг друга.

Домой! Позвонить матери и домой! Ванна, чистая постель и спать! Пива холодного выпить! Смеяться, дурачиться, как раньше. Забыть о том, что было.

Вера? А что Вера? Она сейчас далеко. Я — здесь! Если бы было можно все вернуть назад... Чтобы не стало реки... Чтобы не стреляли, чтобы отец не лежал возле чума с черной дырой вместо глаза...

Хотя бы не помнить!

Вот только камни...

Отер ладонью мокрое лицо.

Как она там говорила?

«Аргиш!» — прошептал и чуть развел руки в стороны.

Светофор замигал зеленым, поторапливая...

Однажды ночью, когда его жизнь станет спокойной и налаженной, и молодая жена будет ровно дышать под боком, а ребенок спать в соседней комнате, прижимая к груди лохматого зайца, он проснется. Он вспомнит все и поймет: Север разжевал его и выплюнул, словно косточку от морошки, застрявшую в зубах, а встреча с Верой — самое лучшее, что было в его жизни.